

Хью Лофтинг

ДОКТОР ДУЛИТТЛ И ЕГО ЗВЕРИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все, что я до сих пор написал о докторе Дулиттле, мне стало известно от людей, знавших его задолго до моего рождения. Теперь же пора поведать читателю о тех событиях в жизни замечательного человека, свидетелем и даже участником которых был я.

Уже много лет тому назад я загорелся желанием составить его жизнеописание, но в то время мы были настолько поглощены кругосветными путешествиями, головоломными приключениями и научными изысканиями, что у меня не оставалось ни одной свободной минуты, чтобы сесть к столу и взяться за перо.

Теперь я стар, и память мне часто изменяет, но всякий раз меня выручает моя подруга — попугаиха Полизезия, которую все зовут просто Полли. Это необыкновенная птица. Ей уже почти двести пятьдесят лет. Сейчас, когда я пишу эту книгу, она сидит на краешке моего стола и тихонько напевает матросские песни, которых она знает великое множество.

Всем, кто знаком с Полли, известно, какой поразительной памятью она наделена от природы. Поэтому я часто обращаюсь к ней за помощью, и она тут же напоминает мне все мельчайшие подробности тех давних событий. Иногда мне даже кажется, что эту книгу написал не я, а Полли.

Но, как бы то ни было, приступим. Прежде всего я расскажу вам, кто я такой и как познакомился с доктором.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 СЫН САПОЖНИКА

Меня зовут Том Стаббинс. Я сын сапожника Джейкоба Стаббинса, того самого, что чинил обувь всем жителям Паддлеби. Мне исполнилось девять с половиной лет, когда я познакомился с доктором Дулиттлом.

В то время Паддлеби был маленьким городком. Через него протекала река Марш, а через реку был перекинут каменный мост, соединявший кладбище с Ратушной площадью. Его почему-то называли Королевским, хотя ни один из королей не бывал в нашем городе.

Морские парусники входили в устье реки, поднимались вверх по течению и бросали якорь у Королевского моста. Я часто приходил на причал и смотрел, как матросы раскрывают трюмы и разгружают суда. Они дружно тянули канаты и пели песни, от звука которых у меня ныло сердце. Я заучил слова этих песен наизусть. Часами я сидел на холодном камне причала, болтал ногами над водой и воображал себя одним из них. Я пел с ними их песни,

я стоял на покачивающейся палубе, я чувствовал ладонями шершавое прикосновение каната.

Я мечтал уплыть далеко-далеко. Это желание особенно сильно терзало меня, когда я смотрел, как на корабле поднимают паруса, как он ложится на другой галс напротив церкви и уплывает вниз по реке в открытое море. Я бредил Африкой, Индией, Китаем и Перу.

Когда еще один корабль скрывался за поворотом реки, над крышами домов долго виднелись высокие мачты с надутыми ветром парусами, и мне казалось, что это добрые великаны прогуливаются по улицам Паддлеби.

Я оставался, а они уплывали в дальние страны, чтобы пройти через испытания, пережить удивительные приключения и снова вернуться в Паддлеби и бросить якорь у Королевского моста.

В те времена у меня было три друга. Первым из них я представляю читателю Джозефа, ловца устриц и омаров. Жил он в маленьком домике на берегу реки неподалеку от моста. Вряд ли во всем мире сыщется пара рук, более ловких и умелых, чем руки Джо. Они умели творить чудеса: мастерить кораблики, флюгера и водяные мельницы из досок и обручей от бочек, замечательных воздушных змеев из старых зонтиков.

Иногда Джо брал меня с собой, и мы плыли в его лодке вниз по реке до самого моря, чтобы ловить на отливе устриц и омаров. Мы останавливались у болотистых берегов и, спрятавшись в высокой, густой траве, наблюдали за дикими гусями, водяными курочками и другими птицами. Вечером, когда начинался прилив, мы возвращались назад, а огни на Королевском мосту мерцали в темноте и напоминали, что в камине уже горят дрова и пора ужинать.

Вторым моим другом был Мэтьюз Магг, торговец едой для кошек, которого все называли в шутку «кошачьим кормильцем». Этот смешной старикашка был косоглазым и ужасно некрасивым, зато очень добрым. Он бродил по городу с большим деревянным подносом, полным мясных обрезков, и громко кричал: «Мясо! Мясо для кошек и собак!»

Мне нравилось ходить со старым Мэтьюзом по улицам и наблюдать, как на звук его голоса кошки и собаки выбежали за ограду домов, а он кормил их. Иногда Мэтьюз разрешал и мне бросать им кусочки мяса. Я любил смотреть, как разномастные псы ловят лакомство на лету и благодарно виляют хвостами.

Мэтьюз знал о собаках все, и у него в доме жило семь псов. Один из них слыл самой быстрой борзой в городе и приносил хозяину призы на субботних собачьих бегах. Второй, терьер, очень ловко ловил крыс. Окрестные мельники то и дело просили Мэтьюза одолжить им на время пса, чтобы тот избавил их от прожорливых грызунов, и мой друг зарабатывал на псе не хуже, чем на торговле едой для кошек. Остальные его собаки, хотя и очень милые и веселые, не отличались особыми талантами.

Третьим моим другом был Лука-Отшельник, но о нем я расскажу немного позже.

Мой отец был беден, поэтому в школу я не ходил и день-деньской ловил бабочек, удил рыбу, собирал грибы и ягоды или помогал Джо чинить порванные сети.

В те далекие времена я был счастлив, хотя сам не догадывался об этом. Как и любой мальчишка девяти с половиной лет, я мечтал поскорее вырасти и стать взрослым.

Тогда я еще не понимал, как хорошо быть ребенком и ни о чем не думать. Я с нетерпением ждал того дня, когда, наконец, смогу покинуть отчий дом и на одном из парусников отправлюсь через море в дальние страны, чтобы попытаться там счастья.

Глава 2 НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В один прекрасный день я бродил по холмам за городом и увидел большого ястреба. Птица сидела на скале и держала в когтях белку. Бедный зверек отчаянно трепыхался, пытаясь освободиться. Я бросился к ястребу, тот испуганно взмыл в воздух и выронил свою жертву. Я взял белку на руки и увидел, что ее задние лапки искалечены когтями хищной птицы.

Я помчался к Джозефу.

— Джо! — закричал я еще с порога. — Ты можешь вылечить белку?

Джозеф водрузил на нос очки, осмотрел белку и покачал головой.

— Похоже, — сказал он, — у бедняжки сломаны лапки. Починить деревянный кораблик — дело нехитрое, но выходить белку я не сумею. Здесь нужен врач, к тому же — хороший. Но ты не расстраивайся, я знаю человека, который нам нужен. Уж он-то вылечит твою зверушку. Это Джон Дулиттл.

— Джон Дулиттл? — переспросил я. — Он ветеринар?

— Нет, он не ветеринар. Поднимай выше — он настоящий доктор и натуралист.

— Натуралист? — снова удивился я. — А что это значит?

Джо снял очки, набил трубку, раскурил ее и принялся объяснять:

— Натуралист — это человек, который знает, почему птицы летают, рыбы плавают, а животные ходят на четвереньках. Он знает, почему вода в море соленая, а камни твердые. Неужели ты ничего не слышал о докторе Дулиттле? Мне как-то довелось с ним потолковать. Даже в устрицах и омарах он смыслит больше меня.

— А где мне его искать? — спросил я.

— Он живет на другом конце города, где-то возле Волосьей улицы. Любой прохожий покажет тебе его дом. Обратись к нему, он тебе не откажет.

Я поблагодарил Джозефа за совет, взял белку на руки и отправился на Волвью улицу. Проходя через площадь, я услышал громкий крик: «Мясо! Мясо для ваших кошек и собак!» Конечно, это был не кто иной, как мой друг Мэтьюз Магг. Он встретился мне как нельзя более кстати: он был знаком со всеми жителями города и наверняка знал, где живет доктор Дулиттл. Я припустил бегом через площадь.

— Мэтьюз, — спросил я его после приветствия, — знаешь ли ты доктора Дулиттла?

— Знаю ли я доктора Дулиттла? — удивился он. — Не хуже собственной жены, а может быть, и лучше.

— Где он живет? — допытывался я. — Давай попросим его вылечить белку. Смотри, у нее сломаны лапки.

— Ай-ай-ай! Какая жалость! — сочувственно покачал головой Мэтьюз. — Пойдем, я тебе покажу. Нам с тобой по пути.

И мы пошли.

— Я знаком с доктором уже много лет, — рассказывал он мне на ходу. — Это замечательный человек. Он обязательно поможет тебе. Беда только в том, что он сейчас в отъезде. Но ты не вешай нос, его ждут со дня на день. Я покажу тебе его дом, чтобы потом ты сам мог отыскать доктора.

Пока мы шли, Мэтьюз только и говорил о своем большом друге докторе Дулиттле. Он даже так увлекся, что совсем позабыл о своих «клиентах», и когда мы на углу улицы оглянулись, то увидели, что за нами терпеливо шествует процессия из собак и кошек. Пришлось остановиться и накормить их.

— А как далеко уехал доктор? — спросил я.

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил Мэтьюз. — Он никому не говорит, куда уезжает и когда вернется. Живет он один со своими зверями и очень часто путешествует по свету. В последний раз он плавал по Тихому океану, а потом рассказывал мне, что совершенно случайно обнаружил там неизвестное племя туземцев: мужчины у них живут на одном острове, а женщины — на другом, и встречаются они только раз в год, кажется на Рождество, когда устраивают большой праздник с танцами и угощением. Надо же, дикари, а какую умную штуку придумали! Да, доктор Дулиттл необыкновенный человек, и белку твою он так подштопает, что она даже будет здоровее прежнего. О зверях он знает все, здесь с ним никто не сравнится.

— А откуда он так хорошо знает зверей? — спросил я, не подозревая, какие последствия будут у моего вопроса.

Мэтьюз вдруг остановился, воровато огляделся по сторонам, наклонился ко мне и таинственной скороговоркой шепнул на ухо:

— Он знает язык зверей!

— Язык зверей?! — поразился я.

— Тише, тише! Да, язык зверей. Что тут удивительного? Если люди разговаривают, то почему бы не разговаривать и животным? Конечно, говорят они каждый по-своему: одни — голосом, другие — знаками, как глухонемые, третьи — свистом. Но доктор Дулиттл понимает их всех — и птиц, и рыб, и зверей. А еще он пишет для них книги. Он уже написал сказки для обезьян, стихи для канареек и веселые песенки для сорок. Клянусь Богом, все это правда, но мы с доктором держим язык за зубами, чтобы глупые люди не подняли нас на смех. Сейчас доктор учит язык устриц и раков, но говорит, что дело это трудное. Суди сам, чтобы поговорить с устрицей, придется сунуть голову под воду, долго так не высидишь, да и простудиться недолго.

Мэтьюз продолжал рассказывать самые невероятные вещи, но я, сам не знаю почему, верил ему, и мне ужасно хотелось познакомиться с доктором Дулиттлом. Так беседа, мы вышли на окраину города. Там, немного в стороне от остальных, стоял небольшой домик, скрытый от любопытных взоров каменной оградой. К нему-то и направился Мэтьюз. Подойдя к закрытым воротам, он постучал, и на стук из дома выбежал старый пес. На шее у пса блестел странный, похоже, медный ошейник.

Мэтьюз просунул сквозь прутья ворот несколько мешочков, пес осторожно взял их зубами, унес в дом и тотчас же вернулся. Мой друг протянул ему большой кус мяса, и — удивительное дело! — пес не проглотил его, как это обычно делают собаки, а тоже унес в дом.

— Доктор еще не вернулся, иначе ворота были бы открыты, — сказал Мэтьюз, и мы пошли обратно.

— А что было в тех мешочках? — спросил я.

— Еда, — ответил он. — В доме у доктора живет множество зверей, и когда он в отъезде, я приношу им еду, а пес относит ее остальным.

— А почему у пса такой странный ошейник? — продолжал спрашивать я. Все виденное и слышанное разжигало во мне любопытство.

— Думаю, ни один человек не отказался бы от такого ошейника. Он сделан из чистого золота. Когда-то пес спас одного рыбака от верной смерти, и ему в награду подарили такой дорогой и редкий ошейник. Другого такого нет во всем свете. Но это было очень давно.

— А как долго пес живет у доктора? — не унимался я.

— Доктор взял его к себе еще щенком. Теперь пес сильно постарел и больше не путешествует с доктором, а остается здесь сторожить дом. Он никого не пускает в сад,

пока доктор в отъезде, даже меня, когда я по понедельникам и пятницам приношу им еду. Но как только доктор возвращается, ворота открываются настежь и кто угодно может войти в дом.

Когда я вернулся домой, то первым делом устроил уютное гнездо из соломы в деревянном ящике и положил туда белку. Делать было нечего — вылечить зверька мог лишь доктор Дулиттл, мне же оставалось только ждать его возвращения и тем временем ухаживать за раненой белкой.

Каждый день я отправлялся к маленькому домику на окраине и проверял, открыты ли ворота. Но меня неизменно встречал замок на воротах и старый пес доктора.

Глава 3 В ГОСТЯХ У ДОКТОРА

Прошло несколько дней. Как-то после обеда отец послал меня на другой конец города отнести починенные ботинки полковнику Беллоузу, человеку весьма странному.

Я отыскал его дом и позвонил в дверь. В ту же минуту дверь приоткрылась, в щель выглянула багровая физиономия полковника.

— Парадная дверь не для тебя, — прорычал он. — Обойдешься и черным ходом.

Дверь с треском захлопнулась. Меня так и подмывало швырнуть ботинки в цветник перед домом и уйти, но я сообразил, что моя вспыльчивость придется не по нраву отцу, и сдержался. Я пошел к двери на кухню.

Мне открыла жена полковника, тихая, скромная женщина. Руки у нее были в муке, наверное, она занималась стряпней. Из глубины дома рокотал бас полковника. Бравый вояка все еще негодовал по поводу того, что мальчишки совсем стыд потеряли: трезвонят в парадную дверь и беспокоят почтенных людей.

— Я думаю, ты не откажешься от стакана молока с кусочком пирога? — шепнула мне смущенная жена полковника.

— С удовольствием, — так же шепотом ответил я.

Я выпил молоко, съел пирог и выбежал на улицу. «Надо бы проверить, не вернулся ли доктор», — подумал я и пошел вверх по Воловьей улице. Правда, утром я уже побывал у его дома, но все же не лишне было бы проверить еще раз.

Пока я шагал по Воловьей улице, небо затянуло тучами, начал накрапывать мелкий дождик. Ворота все еще были закрыты, что меня огорчило до крайности, потому что моя белка никак не хотела выздоравливать. У ворот, как обычно, меня встретил пес. Он вилял хвостом и одновременно скалил зубы. Наверное, он говорил: «Я рад тебя видеть, но не вздумай перелезть через ограду».

А вдруг моя белка умрет до того, как вернется доктор? С щемящим сердцем я отправился домой. Надо было торопиться, чтобы успеть к ужину. И тут я увидел, что навстречу мне идет полковник Беллоуз. Он был в наглухо застегнутом плаще и белых перчатках.

— Не скажете ли вы мне, который час, сэр? — обратился я к полковнику, когда мы поравнялись.

Он остановился и запыхтел, словно кастрюля с супом на огне. Лицо его покраснело еще больше, а когда он наконец открыл рот и произнес первое слово, мне показалось, что из бутылки с пивом вышибло пробку.

— Что ты о себе думаешь? — загремел он. — Неужели я должен расстегивать плащ и снимать перчатки, чтобы достать часы и сказать тебе, который час? Прочь с дороги, малявка!

Полковник двинулся дальше, а я остался стоять, раздумывая, сколько же лет должно быть человеку, чтобы такой важный господин соизволил потрудиться и вытащить из жилетного кармана часы?

Пока я так стоял и переживал обиду, мелкий дождик сменился ливнем, да таким, какого мне раньше не доводилось видеть. Лило как из ведра, стало темно как ночью, поднялся ветер, засверкали молнии. По улице побежали стремительные потоки воды. Укрыться от дождя мне было негде, и я помчался со всех ног домой. Ветер бил мне в лицо, и я наклонил голову и так и бежал, ничего не видя перед собой. Вдруг я стукнулся головой о что-то мягкое и сел от удара прямо в лужу. А когда поднял голову, то увидел перед собой невысокого полного человека с очень добрым лицом. Он, так же как и я, сидел посреди лужи. На его голове непонятно каким образом держался потертый цилиндр, в руках он сжимал дорожный саквояж.

— Простите меня! Пожалуйста! Я не хотел, я просто не заметил вас! — бросился я оправдываться.

Странное дело: маленький человечек расхохотался, вместо того чтобы выбрать меня, а то и надрать уши, как наверняка поступил бы полковник Беллоуз.

— Мы оба виноваты, — ответил он смеясь. — Я не ушиб тебя?

— Нет-нет, — поспешно заверил я его. — Ничутьточки.

— Со мной такое уже случалось. Представляешь, однажды в Индии я налетел на индианку, которая несла на голове огромный таз с сахарной патокой. Две недели после того к моим волосам слетались все окрестные мухи, ха-ха-ха! Вот какая расплата бывает за то, что носишься по улицам как угорелый. Однако что же этот мы так и сидим в луже? Ты далеко живешь?

— У Королевского моста, — ответил я, вставая на ноги.

— Тогда лучше пойти ко мне и немного обсушиться. Ливень скоро кончится. — Он тоже встал на ноги, отряхнулся и воскликнул: — Похоже, в этой луже самая мокрая вода в мире!

Он взял меня за руку, и мы побежали по улице. Маленький смешной человечек пришелся мне очень по душе: он не знал, кто я, но не раздумывая пригласил меня к себе, чтобы обсушиться. Он не был похож на строгих взрослых, не замечающих чужой беды, тем более на толстяка полковника, не захотевшего утруждать себя и сказать мне, который час.

— Я живу здесь, — сказал человечек и остановился.

Я поднял глаза и увидел, что снова стою перед закрытыми воротами, ведущими в сад доктора Дулиттла. Между тем человечек вытащил из кармана сюртука связку ключей, отпер замок и распахнул ворота.

«Неужели это и есть славный доктор Дулиттл?» — подумал я.

После всего, что мне о нем рассказали Мэтьюз и Джозеф, я воображал доктора огромным силачом, способным на самые невероятные подвиги. Этот же человечек с добродушной улыбкой на лице никак не походил на великого путешественника, каким я его себе представлял. Но это был он! Несомненно, это был он!

Старый пес уже весело прыгал вокруг него и извещал всех радостным лаем о возвращении доктора.

— Вы... вы доктор Дулиттл? — обрадованно воскликнул я, семена рядом с ним по мокрой садовой дорожке к дому.

— Собственной персоной, — подтвердил доктор и открыл дверь в дом. — Входи. И не трать попусту время на то, чтобы вытереть ноги. Даже если наследишь в доме, невелика беда. Гораздо хуже будет, если ты простудишься.

Я вбежал в дом, пес и доктор вошли за мной. На улице от низких туч и непогоды и так было темно, а в доме, при закрытых дверях и окнах, царил мрак, словно ночью. И в этой темноте вдруг слышались странные звуки. Сначала один, другой, третий, и вскоре весь дом наполнили пение, чириканье, лай, блеяние, какие-то хрипы и даже что-то похожее на скрежет. Чьи-то мягкие лапы шлепали по ступенькам, цокали по полу копытца и когти, в воздухе хлопали крылья. Пушистые перья коснулись моего лица, и я с трудом удержался, чтобы не броситься назад, на улицу. А вокруг меня уже сновали какие-то звери, которых я не видел в темноте, и оттого они казались мне неизвестными чудовищами.

— Не бойся! — услышал я голос и почувствовал у себя на плече его руку. — Это мои любимцы, они никому не делают зла. Меня слишком долго не было дома, вот они и спешат сюда поприветствовать меня и сказать, как они рады, что я вернулся. Постой здесь, а я зажгу свет. Боже, что за погода! Кажется, буря разыгралась не на шутку. Слышишь, как гремит? Человеческая речь и прикосновение человеческой руки к моему

плечу успокоили меня. Страх прошел. Я стоял среди множества невидимых в темноте животных, и мне было даже немного смешно. Я часто пытался заглянуть с улицы в глубину сада и представить себе и доктора, и его дом, но такого звериного столпотворения я не ожидал.

Происходящее вокруг казалось мне странным, горячечным видением, и я уже хотел было ущипнуть себя за руку, чтобы проверить, не сплю ли я, но вдруг снова послышался голос доктора:

— Проклятие! Спички отсырели и не желают зажигаться. Ну да ладно, попросим Крякки принести свечу.

Доктор издал забавный чмокающий звук, и тотчас же я услышал, как кто-то зашлепал лапами вверх по лестнице. Я с нетерпением ждал огня, чтобы собственными глазами увидеть необыкновенное представление в доме доктора.

— Когда же будет свет? — не выдержал я. — Кто-то сел мне на ногу, а я боюсь сделать ему больно.

— Минутку, — подбодрил меня доктор. — Крякки сейчас вернется.

Действительно, на самом верху лестницы появился тусклый огонек свечи. Звери сразу же успокоились и притихли.

— Я думал, что вы живете один, — сказал я.

— Так оно и есть, — ответил доктор.

«Кто же тогда несет свечу?» — удивился я про себя, но вслух ничего не сказал. Я не мог видеть, кто спускается к нам по лестнице, зато прекрасно слышал шаги: казалось, кто-то прыгает на одной ноге со ступеньки на ступеньку.

— Наконец-то! — воскликнул доктор. — Вот и ты, моя славная Крякки!

И тут я окончательно уверился, что сплю: в тусклом свете я увидел белоснежную утку, прыгающую на одной лапе. В другой она держала зажженную свечу!

Глава 4 ВИФФ-ВАФФ

Теперь я мог осмотреться. Передняя кишела зверями. Кого здесь только не было! Голубь, сова, еж, летучая мышь, галка, барсук! Даже маленький поросенок пришлепал из залитого водой сада и старательно вытирал копытца о половичок. Его розовая спинка блестела от дождя.

Доктор Дулиттл взял у утки подсвечник и обратился ко мне:

— Теперь нам надо переодеться. Извини, я до сих пор так и не спросил, как тебя зовут.

— Том Стаббинс, — представился я.

— Да ты, наверное, сын сапожника Стаббинса?

— Да, — ответил я.

— Твой отец — превосходный мастер, — сказал доктор. — Посмотри, — и он выставил вперед ногу в поношенном, но еще крепком башмаке. — Эти башмаки сшил мне твой отец. Четыре года я не снимаю их, а им все сносу нет.

Я даже покраснел от удовольствия: никто и никогда не хвалил так моего отца, а доктор тем временем продолжал:

— Подожди минутку, я зажгу еще пару свечей, а потом пойдем наверх и поищем сухую одежду. Придется тебе удовольствоваться моим старым сюртуком и брюками, пока твоя одежда не просохнет.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, вошли в спальню, и доктор достал из шкафа пару поношенных костюмов. Переодевшись, мы отнесли вниз на кухню нашу мокрую одежду и разожгли огонь в очаге. Сюртук доктора был мне так велик, что, когда мы пошли в подвал за дровами, я запутался в его полах и чуть не упал. Скоро в очаге полыхало жаркое пламя: а наша мокрая одежда сушилась над огнем.

— Теперь самое время приготовить ужин, — сказал доктор. — Надеюсь, ты поужинаешь со мной, Стаббинс?

Прошло совсем немного времени, как мы познакомились, но я уже успел полюбить этого человека. Он был добрый и веселый, он любил зверей, он называл меня не малышом, чего я терпеть не мог, а Стаббинсом, уважительно, словно я был его взрослым другом.

Подумать только — он даже пригласил меня поужинать с ним! Но вдруг я вспомнил, что не предупредил мать, куда пойду, и что она будет волноваться. Поэтому я грустно покачал головой:

— Большое спасибо, доктор. Я бы с удовольствием, но мне пора домой. Мать не знает, где я, и, наверное, очень волнуется.

— Дорогой мой Стаббинс, — отозвался доктор, подбрасывая в огонь еще одно полено, — твоя одежда еще не просохла, к тому же на улице льет как из ведра. Ты промокнуешь до нитки! Поэтому лучше сейчас заняться ужином, а там — глядишь, и дождь кончится. Ты не заметил, куда я положил саквояж?

— По-моему, вы оставили его в передней. Сейчас я его принесу.

Саквояж стоял у входной двери. В нем не было ничего особенного: черный, изрядно потрепанный, со сломанным замком, а потому обвязанный веревкой. Он больше подошел бы деревенскому ветеринару, чем великому путешественнику.

— Спасибо, — поблагодарил меня доктор, когда я принес саквояж на кухню.

— И это все, что вы брали в дорогу? — недоумевал я.

— Да, — ответил доктор. — К чему таскать с собой тюки ненужных вещей? Жизнь и так слишком коротка, чтобы еще обременять себя лишними хлопотами. Кстати, куда запропастилась колбаса? Я точно помню, что положил ее в саквояж!

Доктор запустил руки в саквояж и вытащил оттуда сначала каравай хлеба, а затем стеклянную банку с крышкой. Он поднял ее на уровень глаз, долго разглядывал на свет, цокал языком и покачивал головой, пока не поставил на стол. Внутри что-то плавало. А может быть, кто-то плавал? Но я стоял далеко и не сумел рассмотреть, тем более что меня в ту минуту больше занимала колбаса, которую доктор наконец извлек из саквояжа.

— А вот и наш ужин, — сказал доктор. — Теперь осталось найти сковородку.

Он заглянул в кладовую и там, среди кастрюль и горшков, отыскал сковородку, черную от сажи и копоти.

— Вот и уезжай надолго! — посетовал доктор. — Мои звери — умницы и всюю стараются содержать дом в порядке. Крякки — прекрасная хозяйка, но есть вещи, которые ей не под силу. Ну ладно. Сейчас мы так надраим сковородку, что она у нас заблестит как новая. Ну-ка, Стаббинс, там в ведре должна быть зола, подай мне пару горстей.

Через минуту сковородка сияла, а еще через одну колбаса шипела на огне и соблазнительный запах наполнил кухню.

Пока доктор стряпал ужин, я разглядывал странное существо в банке.

— Что это такое?

— Редкий морской конек, — сказал доктор, поворачиваясь ко мне и поднимая в воздух палец. — В науке он зовется гиппокампус пиппитопитус, но местные жители зовут его Вифф-Вафф, потому что он очень забавно виляет хвостиком. Мне пришлось поехать чуть ли не на край света, чтобы найти его. Дело в том, что я хочу изучить язык рыб, раков и моллюсков.

— А зачем? — удивился я.

— Видишь ли, Стаббинс, эти животные — самые древние на Земле живые существа. В песке и среди камней очень часто попадаются окаменевшие раковины и панцири тех обитателей моря, что жили на Земле много тысяч лет тому назад. Вот я и хочу выучить их язык и расспросить, как выглядел мир в те далекие времена.

— А если расспросить об этом других животных?

— Увы, они ничем мне не могут помочь, — ответил доктор, переворачивая ломтики колбасы на сковородке. — Несколько лет тому назад я познакомился в Африке с обезьянами, и они рассказали мне все, что знали, о давних временах. Но дело в том, что знают они не так уж много. Только рыбы, раки и моллюски помнят, каким был древний мир.

— И вы уже выучили их язык? — спросил я.

— К сожалению, хвастаться пока нечем. Для начала я совершил путешествие к Средиземному морю и нашел там свистящую рыбу. Но она меня разочаровала. Боюсь, что я потратил уйму времени впустую. «Свистушка», как ее называют рыбаки, не отличается особым умом.

— Да, конечно, — поддакнул я, поглядывая на сковородку.

— Пожалуй, наш ужин готов, — сказал доктор. — Подай-ка мне тарелки, Стаббинс.

Мы сели к столу и принялись за колбасу.

Я был в восторге от большой кухни доктора. Потом я часто сидел за большим, грубо сколоченным столом и ел с бóльшим аппетитом и удовольствием, чем на самом изысканном званом обеде. В доме доктора не существовало нелепых правил и запретов: там можно было стащить ломтик мяса прямо со сковородки, присматривать за гренками и одновременно прихлебывать суп из кастрюли, хватать руками горячие блинчики. Особенно мне нравился очаг, самый большой из всех, какие я когда-либо видел. Я любил сидеть у огня на широкой деревянной скамье, смотреть на пляшущее пламя, жарить каштаны и слушать, как в окно стучит дождь. Я раскрывал книгу, и картинки оживали в неверных отблесках огня, а когда доктор принимался рассказывать старые сказки, их герои заполняли кухню и прятались в полумраке по углам. Это была славная кухня, такая же славная, как и сам доктор.

Однако вернемся к началу истории. Пока мы с доктором пировали, открылась дверь, и на кухню вошли утка Крякки и пес О'Скалли. Пес нес в зубах аккуратно сложенную простыню. Я снова раскрыл рот от удивления, а доктор, заметив это, сказал:

— Я же говорил тебе, что Крякки — лучшая хозяйка в мире. Она никогда ничего не забывает, вот и сейчас она решила просушить постельное белье у огня. Когда-то, давным-давно, за домом следила моя сестра Сара, но потом она уехала и вышла замуж. С тех пор я ее не видел. Дай Бог, чтобы она нашла свое счастье. Но как бы то ни было, до Крякки ей как хозяйке далеко. Возьми еще кусочек колбаски, Стаббинс.

Доктор издал несколько странных звуков, явно обращаясь к утке и псу.

— А вы понимаете язык белок? — спросил я. — Для меня это очень важно, доктор.

— Да, конечно. У белок простой язык. Ты сам мог бы выучить его шутя. А почему ты спрашиваешь?

— У меня дома лежит больная белка. Она попалась в когти ястребу, но я ее отбил. Похоже, у нее сломаны задние лапки. Не могли бы вы ее вылечить? Пожалуйста, доктор. Можно, я принесу ее сюда завтра утром?

— Нет, лучше я посмотрю ее сегодня вечером. Честно говоря, не знаю, смогу ли я ей помочь, но мы с тобой сейчас же отправляемся.

К тому времени моя одежда высохла. Пока я переодевался, доктор уложил в свой саквояж бинты и лекарства и перевязал его веревкой.

— Вперед, мой юный друг Стаббинс! — воскликнул он. — Дождь уже кончился.

Действительно, ветер разогнал тучи, ярко горел закат, в саду пели скворцы.

Глава 5 ПОЛИНЕЗИЯ

Мы вышли на улицу, и доктор закрыл ворота. Мне ужасно понравилось в доме у доктора. Такого я еще нигде не видел! Но я боялся показаться навязчивым и семенил рядом с доктором, не решаясь высказать сокровенную просьбу.

— Можно я приду к вам завтра? — робко выдавил я из себя.

— Ну разумеется, — ответил доктор. — Не только завтра, но всегда, когда тебе захочется. Кстати, завтра я покажу тебе мой зоопарк.

— Зоопарк? — поразился я. В тот день мой рот почти не закрывался от удивления.

— Ну да, зоопарк. В доме у меня живут звери поменьше, остальным приходится довольствоваться садом. Зверей там, правда, не так уж и много, но среди них есть очень редкие.

— Как хорошо знать язык зверей! — не переставал я восхищаться. — Как вы думаете, доктор, я смогу когда-нибудь выучить его?

— Несомненно, — заверил меня доктор. — Надо только постараться. Тебе небось не раз говорили, что терпенье и труд все перетрут? Кто тебе пригодился бы в этом деле, так это Полинезия.

— А кто такой Полинезия?

— Не кто такой, а кто такая, — поправил меня доктор. — Полинезия, а попросту — Полли, попугаиха родом из Восточной Африки. Но ее нет с нами.

— Почему? Она умерла?

— Что ты, что ты! — поспешно ответил доктор и сплюнул через левое плечо. — Надеюсь, она жива и здорова. Когда мы с ней приплыли в Африку, она так обрадовалась возвращению на родину, что решила остаться там навсегда. Она даже плакала от радости, когда увидела родной берег, а на нем — пальмы. Правда, она точно так же всплакнула, когда пришло время нам расставаться, и даже готова была снова ехать со мной, но у меня не повернулся язык уговаривать ее. Я оставил ее в Африке, а теперь мне ее ужасно не хватает. И все же мне кажется, что я поступил правильно. У меня никогда не было лучшего друга, чем она. Именно Полли уговорила меня лечить зверей, и она же научила меня говорить по-звериному. Ах, милая Полли, увижу ли я когда-нибудь тебя? Смогу ли я еще раз поцеловать тебя в клюв?

Доктор шагал по улице и вспоминал свою любимицу Полли, как вдруг сзади послышался топот. Мы оглянулись и увидели, что за нами со всех ног бежит пес О'Скалли. Он был явно чем-то взбудоражен. Подбежав к доктору, он коротко тьякнул и принялся как-то по-особому вилять хвостом. Я не знал, что он хочет сказать, но заметил, что лицо доктора засветилось от радости.

— Боже мой, Стаббинс! — воскликнул он, поворачиваясь ко мне. — Ты только послушай, что говорит О'Скалли! Полли вернулась и сидит дома! Какая приятная неожиданность! Не согласишься ли ты подождать меня несколько минут? Ведь я не видел ее пять лет!

И он повернул назад к дому, но сразу же остановился — Полли уже летела к нему. При ее виде доктор захлопал в ладоши, словно ребенок, которому подарили игрушку, а стая воробьев вспорхнула с мостовой и с чириканьем уселась на заборе. Серые пичуги, наверное, никак не могли взять в толк, откуда на серых улицах Англии появилась зелено-пурпурная красавица.

Тем временем Полли уселась доктору на плечо и защебетала, затараторила по-своему. Я догадывался, что она что-то говорит доктору, но, конечно, не понял ни слова. А доктор слушал ее и, казалось, совсем забыл про меня, про мою белку, про О'Скалли и про все остальное. Потом Полли, видимо, спросила, кто я такой, и доктор хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Ах, простите меня, друзья! Я сам не свой от радости и только поэтому забыл вас познакомить. Стаббинс, это Полли, ты о ней уже много слышал. Полли, это Том Стаббинс.

Полли осталась сидеть на плече доктора, кивнула мне головой и, к моему великому изумлению, произнесла на чистейшем английском:

— Здравствуй, молодой человек. Я тебя помню. В ту ночь, когда ты появился на свет, стоял жуткий мороз. Все окна в твоём доме покрылись узорами, но я все же нашла клочок незамерзшего стеклышка и краешком глаза взглянула на тебя. Уж ты меня прости, но тогда ты мне показался маленьким, красным и ужасно уродливым.

Я настолько удивился, что даже не обиделся на нее.

— Стаббинс хочет выучить язык зверей, — сказал доктор. — Я как раз рассказывал ему о тебе, когда прибежал О’Скалли с известием, что ты прилетела. Может быть, ты согласишься помочь ему, как когда-то помогла мне?

— Да, я действительно научила доктора говорить по-звериному, но моя заслуга в том невелика. Ведь именно доктору я обязана тем, что в свое время перестала бездумно болтать по-человечьи и поняла значение слов. Ты думаешь, говорящие попугаи понимают, что говорят? Как бы не так. Их за это кормят печеньем, вот они и повторяют то, что слышат от людей.

Так беседуя, мы шли по направлению к моему дому. О’Скалли трусил рядом с нами, Полли сидела на плече у доктора и без умолку рассказывала ему о последних африканских новостях.

— Как поживает принц Бед-Окур?

— Как хорошо, что ты сам о нем спросил, — ответила Полли, — а то я заболталась и совсем о нем забыла. Представь себе, Бед-Окур сейчас в Англии.

— Ты шутишь?! — поразился доктор. — Что он делает в Англии?

— Король Ума-Лишинго отправил его в Боксфорд, чтобы он немножко подучился.

— В Боксфорд? Постой, постой, я никогда не слышал о городе Боксфорде! Может быть, в Оксфорд?

— Ну конечно, в Оксфорд! — согласилась Полли. — Хорошо еще, что я не назвала его Быксфордом!

— Вот так новость! — бормотал доктор. — Кто бы мог подумать, что Бед-Окур будет учиться в Оксфорде!

— Ты не представляешь, что творилось в Ума-Лишинго перед его отъездом. Бед-Окур дрожал от страха и не хотел ехать. Ведь до него еще ни один умалишенный, ох, прости, я хотела сказать, житель Ума-Лишинго, не бывал в Европе. Бедняга был совершенно уверен, что его съедят белые. Но отец настоял на поездке. Теперь среди черных монархов модно посылать детей учиться в Оксфорд. Бед-Окур хотел взять с собой всех своих жен, а их у него шесть, но король ему не позволил. Бедный принц рыдал от горя, а весь дворец буквально отсырел от слез.

— Скажи, Бед-Окур нашел свою Спящую Красавицу?

— Он не терял ни минуты, — ответила Полли, — и сразу же после вашего бегства отправился на поиски. И правильно сделал, потому что король узнал, что принц помог вам бежать, и страшно рассердился. Он кипел от гнева и пыхтел, словно чайник на огне.

— И что же, принц сумел разбудить свою суженую?

— Да. Он привез ее во дворец, и я ее хорошенько рассмотрела. По мне, лучше бы она и не просыпалась: рыжеволосая, черноглазая, с большими ступнями. Скорее всего, это была белая негритянка. Не смейся, я знаю, что говорю. Главное, что Бед-Окур был от нее в восторге, да и родителям она понравилась. Свадебный пир продолжался неделю. Теперь Спящая Красавица — первая жена принца, и зовут ее принцесса Бед-Окур, но я называю ее Бед-Окурица.

— Скажи, Полли, принц так и остался белым?

— Нет, лицо у него оставалось белым только три месяца, а потом снова почернело. И слава Богу, а то, когда он шел купаться, все разбегались от страха. Представляешь, руки, ноги, живот, грудь черные как смола, а лицо — белое!

— А как поживает Чи-Чи? — спросил доктор. Затем повернулся ко мне и объяснил: — Чи-Чи — моя любимая обезьяна, она тоже осталась в Африке.

— Как поживает Чи-Чи? — задумчиво переспросила Полли и наморщила лоб, от чего перья у нее на голове взъерошились. — Если уж говорить честно, то живется ей не сладко. В последнее время мы с ней часто виделись. Она тоскует по тебе и по друзьям. Странное дело, со мной происходило то же самое. Ты помнишь, как я плакала от радости, что возвращаюсь на родину? Африка — чудесная страна, что бы о ней ни говорили другие. Я думала: вернусь туда и заживу припеваючи. Но прошло несколько недель, и я заскучала. Я даже не могла себе найти места от тоски по дому. И я решила вернуться в Англию, в Паддлеби. Когда я сказала об этом Чи-Чи, она мне ответила: «Я не могу тебя винить, Полли, потому что сама чувствую то же самое». В Африке ничего не происходит, там нет бесед у очага, там нет твоих сказок. Звери приняли нас в Африке как дорогих гостей, но, положа крыло на сердце, должна сказать, что умом они не отличаются. Не думаю, чтобы они поглупели, просто мы стали другими. Когда я прощалась с Чи-Чи, бедняжка рыдала, словно провожала в последний путь своего последнего друга, а ведь у нее в Африке не одна сотня родственников. Она даже пожаловалась на судьбу, мол, у меня есть крылья и я могу лететь куда захочу, а ей, горемыке, далеко пешком не уйти. Но я ничуть не удивлюсь, если в один прекрасный день Чи-Чи заявится в Паддлеби. Хитрости Чи-Чи не занимать.

Тем временем мы подошли к нашему дому. Мастерская отца уже была заперта на замок, ставни на окнах закрыты, мать стояла на пороге и поджидала меня.

— Добрый вечер, госпожа Стаббинс, — приветствовал ее доктор Дулиттл. — Не браните Тома за то, что он так поздно вернулся. Во всем виноват я. Я натолкнулся на него во время грозы, мы упали в лужу и промокли до нитки. Вот я и пригласил его к себе поужинать и обсушиться.

— Спасибо, что привели моего сорванца домой, — ответила мать, — а то я стала уже беспокоиться.

— Не стоит благодарности, — отвечал доктор. — Был рад познакомиться с вашим сыном. Очень приятный молодой человек.

— Простите, сэр, с кем я имею честь беседовать? — спросила мать, с удивлением разглядывая попугая на плече у доктора.

— Меня зовут Джон Дулиттл. Ваш муж наверняка помнит меня — года четыре тому назад он сшил мне замечательные башмаки.

— Мама, доктор обещал вылечить мою белку! — вмешался я в разговор. — Доктор все-все знает про зверей!

— Далеко не все, Стаббинс, — возразил доктор. — Все-все не может знать никто.

— Как это любезно с вашей стороны, доктор, отложить все дела и проделать такой путь ради белки Тома, — сказала мать и не преминула пожаловаться: — С мальчишкой уже прямо сладу нет: что ни день тащит в дом всякую живность.

— Что же тут плохого? — не согласился с ней доктор. — Может, он когда-нибудь станет натуралистом. Кто знает?

— Проходите в дом, доктор, — пригласила мать. — У нас, правда, не убрано, уж вы не обессудьте, но в камине уже горит огонь.

— Благодарю за приглашение, с удовольствием, — ответил доктор. Он тщательно вытер свои огромные башмаки и вошел в наш дом.

Глава 6 РАНЕНАЯ БЕЛКА

Отец сидел у камина и играл на флейте. Это было его обычное занятие после трудового дня.

Доктор Дулиттл завел с ним разговор о флейтах, рожках, волынках и тому подобных инструментах.

— Может быть, вы тоже играете? — спросил его отец. — Не согласитесь ли вы сыграть нам что-нибудь?

— По правде говоря, я давно не держал в руках флейту, — ответил доктор, — но с вашего позволения попытаюсь.

И он заиграл. Это было чудесно. Мать и отец сидели, подняв взор вверх, как в церкви, и слушали. Меня до того музыка совершенно не занимала, самое большее, на что я был

способен, так это попиливать на губной гармошке, но в тот вечер звуки флейты глубоко тронули меня. Грусть охватила меня, мне захотелось стать лучше.

— Как хорошо, — вздохнула мать, когда доктор кончил играть.

— Вы замечательно играете, — сказал отец. — Я-то думал, что неплохо управляюсь с флейтой, но мне до вас далеко. Может быть, сыграете нам еще?

— С удовольствием, — ответил доктор, — но сначала я хотел бы осмотреть раненую белку.

Я вскочил на ноги и повел доктора Дулиттла в мою комнату. Там, на окне, в коробке, усталенной соломой, лежала моя белка.

Удивительное дело: все то время, что белка жила у меня, я всеми силами старался облегчить ее страдания, ухаживал за ней, колот ей орехи, менял воду, но зверек при моем приближении испуганно сжимался в комочек. Но едва она завидела доктора, как приподнялась со своей подстилки и что-то быстро-быстро залопотала.

Пока доктор вертел белку в руках и осматривал ее, я держал свечу и светил ему. Потом он собственноручно вырезал перочинным ножом лубки из тоненьких щепочек и наложил их на сломанные лапки.

— Бедняжка скоро поправится, — обнадежил меня доктор Дулиттл. — Не разрешай ей прыгать, выноси ее почаще на свежий воздух, а на ночь непременно укрывай сухими листьями, чтобы она не продрогла. Ночи все еще холодные. Я сказал ей, что ты добрый человек и она может тебе всецело доверять. Надеюсь, теперь она не будет тебя дичиться. Белка рассказала мне, что ей очень одиноко и что она беспокоится, как там в лесу поживают ее младшие братья и сестры. Не беда, завтра поутру я пошлю в лес белочку из моего сада разузнать, как поживает семейство нашей больной. Надо бы поднять ей настроение. Белки очень подвижные и живые по натуре, и им очень трудно смириться с вынужденным бездельем. Но ты не тревожься понапрасну, скоро твоя белка пойдет на поправку.

А потом мои родители попросили доктора сыграть еще. Он не стал кокетничать и с радостью согласился. Он играл и играл до позднего вечера.

Родители сердечно полюбили доктора Дулиттла с первой встречи и гордились тем, что он посетил наш дом и играл для них на флейте, — ведь мы были очень бедны, и гости у нас бывали нечасто. Тогда нам еще и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день доктор Джон Дулиттл прославится на весь мир. Теперь, когда любой ребенок и любой взрослый знает доктора Дулиттла и его книги, многие люди приезжают в Паддлеби-на-Марше, чтобы поглазеть на каменную доску, висящую у двери нашего домика. На доске можно прочесть:

В ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМ ГОДУ

В ЭТОМ ДОМЕ ИГРАЛ НА ФЛЕЙТЕ

ЗНАМЕНИТЫЙ НАТУРАЛИСТ

ДЖОН ДУЛИТТЛ

Тот давно минувший вечер часто оживает в моей памяти. Я закрываю глаза и вижу нашу скромно обставленную гостиную, притихших мать и отца и маленького забавного человека в сюртуке с длинными фалдами, похожими на хвост. Доктор сидит у камина и играет на флейте. Я зачарованно гляжу на пляшущее пламя и затаив дыхание слушаю музыку. У моих ног лежит О'Скалли. На вешалке висит потертый цилиндр доктора, а рядом с ним восседает Полли. Она с важным видом покачивает головой в такт мелодии. Я вижу всех их так живо, словно это было не далее как вчера.

В тот вечер мы проводили доктора домой, простились с ним, а потом еще долго говорили о нем. Он произвел на нас неизгладимое впечатление. Когда я наконец отправился в постель — а я еще никогда не ложился спать так поздно, — мне приснился доктор Дулиттл и его звери. Доктор играл на флейте сольную партию, а странные, печальные звери подыгрывали ему на скрипках.

Глава 7 ЯЗЫК ОБИТАТЕЛЕЙ МОРЯ

Проснулся я с первыми лучами солнца, хотя накануне лег спать очень поздно. Заспанные воробьи еще только начинали чирикать на карнизе под крышей, а я уже вскочил с постели и торопливо оделся. Мне не терпелось выбежать из дому, пересечь весь город и снова оказаться в маленьком домике, окруженном большим садом. Меня неудержимо тянуло к доктору и его зверям. Впервые за мою короткую жизнь я забыл про завтрак, на цыпочках прошмыгнул мимо спальни родителей, осторожно, стараясь не шуметь, открыл дверь и вышел на пустынную улицу.

Когда я уже подошел к ограде докторского сада, меня обожгла мысль: «А если он еще спит?» Я приоткрыл калитку и заглянул в сад. Поблизости никого не было. Я вошел и вдруг услышал голос:

— Здр-р-равствуй! А ты, оказывается, р-р-ранняя птичка!

Я вздрогнул от неожиданности, задрал голову вверх и увидел на яблонево́й ветке Полли.

— Доброе утро! — ответил я. — Доктор еще спит? Наверное, я пришел слишком рано.

— Нет, нет, — проскрипела Полли, заметив, что я огорчился. — Он уже часа полтора как встал и занялся делами. Дверь не заперта, открывай ее и заходи. Скорее всего, доктор готовит завтрак или работает в кабинете. Заходи, не робей. А я останусь здесь, мне что-то захотелось посмотреть, как всходит солнце. Но сегодня оно, кажется, забыло, что пора взойти и хотя бы немножко обогреть нас. Бр-р-р, какая жуткая погода! Не понимаю, как можно жить в Англии! Посмотри, какой туман висит над грядками капусты. У меня кости

начинают ныть от одного его вида. По-моему, Англия хороша только для лягушек. Почему вы не хотите жить в Африке? Сейчас там все блестит под солнцем! Однако я тебя задержала своей болтовней. Беги к доктору!

— Спасибо, — поблагодарил я Полли. — Я и в самом деле пойду поищу его.

Едва я открыл дверь, как в нос мне ударил соблазнительный запах поджаренной корейки, и я напрямик направился на кухню. На огне стояла сковорода с корейкой и яичницей. Мне показалось, что корейка начинает подгорать, и я снял сковородку с огня, а затем отправился на поиски доктора.

Я обошел полдома, прежде чем нашел доктора в кабинете. Теперь я знаю, что это был не кабинет, а лаборатория, но в то время я не мог даже выговорить: ла-бо-ра-то-ри-я, прежде всего потому, что мне было невдомек, что же это такое. У меня даже дух захватило от восторга: вокруг меня стояли микроскопы, телескопы и уйма других приборов, о назначении которых я не имел ни малейшего понятия. Но у меня сразу же зачесались руки добраться до них и повертеть все эти винтики и колесики.

На стенах висели рисунки, изображавшие рыб, зверей и растения, а в шкафчике под стеклом лежали коллекции птичьих яиц и морских раковин.

Доктор, в белом халате, стоял у стола. Поначалу я подумал, что он умывается. Он наклонился над аквариумом и совал в воду одно ухо, в то время как второе прикрывал рукой.

Услышав мои шаги, доктор обернулся.

— Доброе утро, Стаббинс, — сказал он с дружеской улыбкой. — Похоже, сегодня выдастся хороший денек. Мне об этом сказал Вифф-Вафф. Но, по правде говоря, он меня разочаровал.

— Почему? — недоуменно спросил я. — Потому что обещает хорошую погоду?

— Да разве можно огорчаться из-за хорошей погоды? — ответил доктор. — Нет, дело в том, что Вифф-Вафф знает всего несколько слов: «да», «нет», «тепло», «холодно» — и может поговорить только о погоде. Я надеялся, что он будет мне полезен.

— Наверное, — попытался я утешить доктора, — он не очень умен.

— И мне так кажется. Знаешь ли, встречаются даже люди, которые могут говорить только о погоде. Их тоже нельзя назвать особенно умными. Но у Вифф-Ваффа почти не осталось сородичей, и ему редко приходится говорить с кем-нибудь. Наверняка где-нибудь в глубоких морских ущельях есть древние обитатели моря, которые умеют говорить. Но они живут на самом дне, и их невозможно поймать в сети. Как бы мне придумать такой аппарат, чтобы спуститься глубоко-глубоко в море? Тогда я мог бы многому научиться. Ну да ладно. По-моему, нам пора перекусить. Ты уже завтракал, Стаббинс?

— Нет, — ответил я, — я так торопился к вам, что забыл позавтракать.

Доктор повел меня на кухню.

— Да, — говорил он, заваривая чай, — если бы человеку удалось спуститься на морское дно, он обнаружил бы там множество любопытнейших вещей, которые и не снились нашим мудрецам.

— Каким мудрецам? — не понял я. — К тому же люди опускаются на морское дно. Я много слышал о водолазах и ныряльщиках.

— Все это так, — ответил доктор, — водолазы действительно опускаются на морское дно, я и сам не раз спускался под воду в водолажном костюме. Но мне хочется проникнуть на большие глубины, туда, где еще никто не бывал. Надеюсь, что когда-нибудь мне это удастся. Поддай-ка мне твою чашку. Я налью тебе еще чаю.

Глава 8 А ТЫ УМЕЕШЬ НАБЛЮДАТЬ?

В это время на кухню влетела Полли и что-то прострекотала доктору по-птичьи. Доктор тотчас же отложил в сторону вилку и нож и опрометью выбежал вон.

— Дальше так продолжаться не может! — воскликнула Полли по-человечески, как только он скрылся за дверью. — Не успел доктор вернуться домой, как об этом знают все облезлые коты и линялые кролики в округе. Вот и теперь в саду его ждет толстая зайчиха с писклявым малышом. «Где доктор? — охает она. — Позовите его поскорее! У моего малышки подергиваются лапки и хвостик!» Наверное, глупышка объелся болиголовом. Звери часто поступают вопреки здравому смыслу, особенно матери и их детишки. Как им не лень идти сюда за десятки миль? Являются в любое время дня и ночи, отрывают доктора от дел по пустякам, поднимают его с постели, не дают даже спокойно позавтракать. Как он все это выдерживает?! Несчастный человек, нет ему ни сна, ни покоя. Сколько раз я говорила ему: «Назначь часы приема». Так нет же, он готов бросить все и мчаться на помощь любой букашке. Доктор говорит, что бывают случаи, когда минута промедления может стоить больному жизни. Конечно, он прав, но ведь нельзя злоупотреблять его терпением.

— А почему звери не идут к другим врачам? — спросил я.

— К другим врачам? — переспросила Полли с презрением в голосе. — Да потому, что другого звериного доктора просто нет. Разумеется, в Паддлеби есть ветеринары, но они нашему доктору и в подметки не годятся. Никто из них не говорит по-звериному и не понимает животных. Представь, что мать ведет тебя к врачу, а тот не понимает ни слова из того, что ты ему говоришь, к тому же не может объяснить вам, как надо лечиться. Ветеринары ни на что не годны, не стоит даже говорить о них. Поставь лучше сковородку на огонь, а то корейка уже остыла.

— Как ты думаешь, Полли, — спросил я, — мне удастся выучить язык зверей?

— Все зависит от тебя, — ответила Полли. — Ты хорошо учишься?

— Я вообще не учусь, — смутился я. — У моего отца нет денег на школу.

— В конце концов это неважно, — утешила меня Полли. — Ты ничего не потерял, если до сих пор не ходил в школу. Я знакома с несколькими школьниками — бóльших неучей и невежд я в жизни не встречала. Скажи мне лучше, ты умеешь наблюдать? Представь, что ты увидел на ветке двух скворцов. Сможешь ли ты на следующий день узнать их в стае?

— Не знаю, я никогда не пробовал, — опять смутился я.

— Вот это и называется уметь наблюдать, — пояснила Полли, стряхивая левой лапкой крошки со скатерти. — Присмотрись, как звери ходят, виляют хвостом, вертят головой, подергивают носом. Замечай все эти мелочи, если хочешь выучить наш язык. Мы общаемся не только голосом, но и движениями лап, хвоста, губ. Мы поступаем так с незапамятных времен, когда на земле жили пещерные львы и саблезубые тигры и другие звери боялись подавать голос, чтобы не привлечь к себе внимание кровожадных хищников. И только птицы чирикали без страха, потому что у них были крылья и они в любое мгновение могли вспорхнуть и улететь. Запомни самое важное: кто хочет выучить язык зверей, тот должен научиться наблюдать.

— Но это, наверное, очень трудно, — приуныл я.

— Не вешай нос и наберись терпения, — подбодрила меня Полли. — Тебе понадобится много времени на то, чтобы научиться правильно выговаривать несколько основных слов, но потом дело пойдет быстрее. Лиха беда начало. А когда ты немножко подучишься, сможешь помогать доктору, делать перевязки, выдавать больным зверям лекарства. А что, по-моему, мысль неплохая. Доктору уже давно нужен толковый помощник, а то у него работы невпроворот. Вот ты бы ему и помог, если, конечно, тебя интересуют животные.

— Да я о том только и мечтаю, с тех пор как познакомился с доктором! — воскликнул я. — А ты думаешь, он мне позволит помогать ему?

— А почему нет? — проскрипела довольная Полли. — Забудь о шалостях и берись за дело всерьез. Я сама поговорю с доктором, замолвлю о тебе словечко. А вот и он. Я слышу его шаги. Ставь сковородку на стол.

Глава 9 САД-МЕЧТА

После завтрака доктор повел меня в сад. И если в доме мне все было в новинку, то в саду я просто диву давался. Из всех виденных мною до того садов этот был самым необыкновенным. Я даже представить себе не мог, что он такой большой. Всякий раз, когда мне казалось, что мы его уже весь обошли, за живой изгородью или поворотом дорожки нам открывалась его новая часть, новый прекрасный уголок, о существовании которого я минутой раньше и не подозревал.

Там было все, что бывает или когда-либо бывало в других садах. Большие, поросшие мягкой травой лужайки и покрытые зеленым мхом каменные скамейки. Над скамейками и лужайками низко склонялись плакучие ивы. Их гибкие ветки покачивались под ветром и нежно поглаживали шелковистую траву. Старые тисы возвышались по обе стороны садовых дорожек, вымощенных каменными плитами, и мы шли по ним словно по улочкам старинного города. В живых изгородях внезапно открывался проход, увенчанный замысловатой аркой, а кроны деревьев были подстрижены в форме цветочных ваз, павлинов или полумесяцев.

Там был выложенный мрамором бассейн с зеркальными карпами и золотыми рыбками, на воде покачивались белые лилии, а из глубины выглядывали большие, удивительно зеленые лягушки. Рядом с ухоженными овощными грядками росли персики, и их ветви сгибались под тяжестью зреющих на солнце золотистых плодов. Поодаль стоял огромный столетний дуб, в дупле которого без труда могли разместиться четыре взрослых человека. То тут, то там встречались беседки из дерева и камня, увитые плющом. В одной из них я, к своему удивлению, обнаружил стопку книг. А в укромном уголке сада, среди камней и папоротников, стоял очаг, на котором доктор готовил себе обед, если не хотел уходить в дом. Рядом с ним доктор поставил диванчик и укладывался на нем спать в теплые летние ночи, когда соловьи распевали свои лучшие песни. У диванчика были колесики, и его легко было перекатывать под те деревья, на ветвях которых заливались соловьи. Но больше всего поразил мое воображение маленький домик, построенный на верхушке тополя. К нему вела длинная веревочная лестница. Доктор объяснил мне, что оттуда он наблюдает за Луной и звездами.

По этому саду можно было бродить целый день и на каждом шагу открывать что-то новое или с радостью узнавать уже знакомые места.

Когда я увидел сад доктора, он настолько очаровал меня, что мне захотелось остаться там навсегда и никогда не покидать его. В саду было все необходимое для счастья.

Словом, это был Сад-Мечта.

Когда я впервые оказался там, меня удивило, что в саду на ветках сидят сотни птиц, на каждом дереве они свили по меньшей мере два-три гнезда. Кроме того, по лужайкам и дорожкам сновали самые разные животные. Горностаи, черепахи, хомяки, белки и еноты чувствовали себя там как дома. Жабы всех размеров и расцветок прыгали по траве, а редкие в Паддлеби земляные ящерицы грелись на солнышке и подмигивали нам. Там были даже ужи.

— Не бойся, — подбодрил меня доктор, когда я увидел ползущего к нам по дорожке большого ужа и вздрогнул от неожиданности. — Эти безобидные змейки не ядовиты. Зато они поедают вредителей. Иногда по вечерам я играю им на флейте. Ужи это очень любят, встают на хвосты и покачиваются в такт музыке. Они тогда становятся такие смешные!

— А почему все эти звери пришли к вам и остались жить в саду? — спросил я. — Даже в лесу я не видел столько зверей.

— Потому что я кормлю их тем, что они любят. Потому что здесь их никто не обижает и не мучит. К тому же они хорошо знают меня и нисколько не боятся. А еще им очень удобно жить рядом с доктором: если кто-нибудь из них заболит или, упаси Бог, расхвораются детишки, я тут как тут с лекарствами. Посмотри вон на того воробья, что сидит на солнечных часах и переругивается с дроздом. Он переселился сюда из Лондона. Паддлебские воробьи подшучивают над ним, говорят, что он чирикает с лондонским акцентом. Он самая забавная пичуга из всех, кого я знаю, и большой задира. Его хлебом не корми, дай повздорить с другими птицами. Свет не видел такого озорника и нахала. Он всем гордо рассказывает, что в Лондоне жил под крышей собора Святого Павла. Мы окрестили его Горлопаном.

— А остальные птицы в вашем саду и раньше жили в Паддлеби? — продолжал я спрашивать, сам не свой от удивления.

— Почти все, — ответил доктор. — Но каждый год ко мне прилетают несколько очень редких птиц. Видишь вон ту крохотную пичугу, что устроилась на жимолости? Это красногрудый колибри, он родом из Южной Америки. По правде говоря, я сам не понимаю, каким ветром его сюда занесло, — в Англии ему слишком холодно, поэтому на ночь я беру его на кухню. А к концу августа я жду в гости пурпурную райскую птицу из Бразилии. Эта необыкновенно изящная птица навещает меня уже который год подряд. А в самый разгар лета ко мне навещают и другие птицы из дальних теплых стран. Настанет время, и я тебя с ними познакомлю. А теперь пойдем, я покажу тебе мой зоопарк.

Глава 10 ЗООПАРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Мне казалось, что я уже видел в этом саду все, что можно было увидеть, но доктор взял меня за руку и повел по узкой тропинке.

Тропинка долго петляла между деревьев и, наконец, привела нас к высокой кирпичной стене с маленькой дверцей. Доктор вытащил из кармана ключ и открыл ее.

За ней располагался еще один сад. Я был уверен, что увижу железные клетки с животными, но вместо клеток там стояли небольшие каменные домики с дверями и окнами.

Мы шли между домиками, а двери распахивались, и навстречу нам выбегали звери. Они радовались появлению доктора и всеми мыслимыми способами приветствовали его: виляли хвостами, терлись о его ноги, скулили, таякали и даже нежно рычали.

— У этих дверей нет замков? — удивился я.

— Конечно есть, — ответил доктор Дулиттл, — но не снаружи, а внутри. Я поставил на двери запоры лишь для того, чтобы звери могли укрыться от надоедливых людей или своих сородичей. В моем зоопарке звери живут не потому, что я держу их под замком, а потому, что им здесь нравится.

— Да, — согласился я, — по ним не скажешь, что им не по нраву ваш зоопарк. А не могли бы вы рассказать мне, что это за звери?

— С удовольствием. Вон те два маленьких зверька, что резвятся в пруду, — выдры. Они родом из России. Кстати, я совсем позабыл, что еще до обеда мне надо сходить в рыбную лавку и купить для них запас рыбы на пару дней, — завтра воскресенье и все лавочки будут закрыты. А вон из того домика сейчас выходит вилорогая антилопа из Южной Африки. А с той стороны к нам спешит забавный зверь с панцирем на спине — это южноамериканский броненосец. А теперь я покажу тебе такое, чего ты нигде не увидишь.

— Это серны? — спросил я, заглядывая за очередную живую изгородь.

— Какие серны? — удивился доктор. — Где ты видишь серн?

— Вон там, — ответил я, показывая пальцем на две украшенные рогами головы, — по моему, там стоят две серны.

— Ах, эти, — улыбнулся в ответ доктор. — Это всего-навсего один зверь с двумя головами. Его зовут тьяни-толкай. Я привез его из Африки, он привык ко мне и теперь по ночам сторожит мой зоопарк. Его головы спят по очереди.

— А львы и тигры у вас есть? — не унимался я.

— Нет, — ответил доктор Дулиттл, — держать у себя львов и тигров — об этом не может быть и речи. И дело не в том, что эти хищники очень опасны, просто я не могу и не хочу лишать их свободы. Будь на то моя воля, Стаббинс, во всем мире не было бы ни одного тигра и ни одного льва в неволе. Они никогда не смогут свыкнуться с жизнью в клетке. Ты ведь не раз бывал в зверинце, неужели ты не замечал, какие печальные глаза у львов и тигров? Они не в силах забыть родные края, им часто снятся бескрайние равнины и непроходимые джунгли, где мать впервые обучила их выслеживать дичь. И что они получают взамен? — воскликнул доктор и даже покраснел от стыда за людей. — Что они получают взамен жаркого африканского солнца, взамен свежего ветерка, шуршащего пальмовыми листьями, взамен прохладной тени переплетенных лиан, взамен звездных ночей, гула водопада, трудной охоты и желанной добычи? Что они получают взамен того, что у них отняли? Тесную, зловонную клетку с железными прутьями, кусок падали раз в день и ни минуты покоя от толпы зевак, глазающих на них. Нет, Стаббинс, львам и тиграм, этим Великим Охотникам, не место в зоопарке.

Доктор выглядел огорченным, и я пожалел, что своим вопросом задел его больное место, но через минуту он снова повеселел, взял меня под руку и произнес своим обычным добрым голосом:

— Но я обещал показать тебе такое, что ты не увидишь ни в одном зоопарке. Пойдем, я покажу тебе моих бабочек и аквариум. Это моя гордость.

Мы обогнули живую изгородь, и я увидел ряд не то шалашей, не то домиков из тонкой сетки, а внутри — удивительные цветы, над которыми порхали бабочки с крыльями всех мыслимых и немыслимых оттенков. В одном из шалашей-домиков стоял ряд коробочек с отверстиями.

— Это инкубаторы, — сказал доктор. — Сюда я помещаю гусениц и кормлю их, а когда они превращаются в бабочек, то переселяются в сад и выбирают себе дом по вкусу.

— А у бабочек тоже есть свой язык? — спросил я.

— Думаю, что да, точно так же как у пчел, шмелей и прочих насекомых, но я до сих пор не выучил его. Сейчас меня слишком занимает язык обитателей моря, поэтому до языка насекомых просто руки не доходят. Но когда-нибудь я непременно его выучу.

Тут к нам подлетела Полли и проскрипела:

— Доктор, к нам пришли две морские свинки. Они сбежали от своего маленького хозяина, потому что глупый мальчишка кормил их чем попало, и теперь спрашивают, нельзя ли им поселиться у нас.

— Милости просим, — ответил доктор. — Проведи их в зоопарк и посели их в домике, где раньше жила чернобурая лиса. Познакомь их с другими животными и, конечно, угости чем-нибудь вкусеньким. А мы с тобой, Стаббинс, пройдем к аквариуму. Там есть что посмотреть.

Глава 11 МОЯ ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ПОЛЛИ

Уверяю вас, с тех пор как я познакомился с доктором, я пропадал у него целыми днями. Меня безудержно тянуло к моему новому другу, и однажды вечером, когда я поздно вернулся домой, мать в шутку спросила, не собираюсь ли я перетащить свою постель к доктору и поселиться у него навсегда.

Моя мать была недалеко от истины: мне и вправду хотелось остаться в удивительном доме удивительного человека.

А некоторое время спустя я вдруг обнаружил, что мало-помалу становлюсь нужен доктору. Я кормил его зверей, помогал строить ограду и домики в зоопарке, ухаживал за больными и выполнял всякую работу, конечно, ту, что была мне под силу. Работал я в охотку, меня просто рапирало от сознания того, что я делаю что-то полезное, я словно переселился в другой, не такой, как наш, чудесный мир. К тому же мне казалось, что и доктор не имеет ничего против моих ежедневных визитов.

Полли сопровождала меня на каждом шагу и учила языку птиц и других животных. Поначалу я приходил в отчаяние от постоянных неудач, мне казалось, что я никогда не сумею правильно произнести ни слова, но у старушки попугаихи было поистине ангельское терпение, а ее настойчивость повергала меня в изумление. Иногда я недоумевал, как ей удается сдерживаться и не махнуть рукой, то есть крылом, на бестолкового ученика.

Как ни странно, вскоре я уже понимал чириканье птиц и ворчание и лай собак. По вечерам, перед тем как лечь в постель, я упражнялся в наблюдательности и подолгу подсматривал сквозь щель в полу за мышиным семейством, обосновавшимся в нашем доме. Я наблюдал за кошками на крышах и за голубями на Ратушной площади. Время бежало стремительно, как это обычно и бывает, когда жизнь заполнена чем-то увлекательным. Дни складывались в недели, недели — в месяцы, розы в саду у доктора увяли и растеряли свои лепестки, а затем и первые желтые листья упали на землю. Не успел я оглянуться, как лето кончилось.

Как-то я сидел в библиотеке и беседовал с Полли. Библиотека занимала самую большую комнату в доме, и ее стены сплошь были заставлены полками с книгами: книгами сказок, книгами по садоводству, книгами по медицине, книгами о животных и книгами о путешествиях. Больше всего мне нравилось листать книги о путешествиях с подробными картами дальних стран и рисунками. На рисунках были изображены индейцы, эскимосы, папуасы. Я часами мог сидеть и рассматривать их.

В тот день Полли показывала мне книги о животных, написанные самим доктором Дулиттлом.

— Да-а-а, — протянул я уважительно. — Как много книг! Вот бы мне научиться читать! Наверное, нет ничего более увлекательного, чем читать книги. А ты умеешь читать, Полли?

— Немножко, — ответила умная птица. — Будь аккуратнее, не мни страницы, когда листаешь книгу. По правде говоря, у меня не было времени на чтение. Смотри, это буква «К», а это — «Б».

— А что написано под рисунком? — спросил я.

— Дай-ка посмотрю. — Полли склонилась над книгой и прочитала по слогам: — Го-рил-ла. Горилла — это большая обезьяна, самая большая на земле. Читать вовсе не так трудно, как тебе кажется, надо только выучить все буквы.

— Полли, — сказал я, — послушай. Я хочу спросить тебя о чем-то очень важном.

— Я слушаю тебя, молодой человек. Спрашивай, не стесняйся, — ответила она, расправляя перышки на левом крыле.

Полли часто обращалась со мной свысока, но я не принимал это близко к сердцу, так как она не обижала меня и не была заносчивой, к тому же ей было уже почти двести лет, а мне — неполных десять.

— Дело в том, — начал я, смущаясь и робея, — дело в том, что моя мать недовольна мною. Она считает, что негоже мне целыми днями пропадать у доктора, завтракать и обедать с ним. Она говорит, что я сел доктору на шею. Поэтому я хочу спросить, нельзя ли мне остаться у доктора, а за это я буду работать больше, чтобы не зря есть хлеб. Что ты об этом думаешь?

— Ты хочешь стать ассистентом доктора? — спросила Полли.

— Кем? — удивился я. — Кто такой ассистент?

— Ассистент — это попросту помощник, — объяснила Полли.

— Именно это я и хотел сказать. Ты ведь сама говорила, что доктору нужен помощник.

— Ну что же. — Полли на минутку задумалась. — А почему бы и нет? Насколько я поняла, ты, когда вырастешь, собираешься стать натуралистом?

— Да, — без колебания ответил я. — Я давно об этом мечтаю.

— Вот и замечательно. Все складывается как нельзя лучше, — тихонько, про себя, прокричала Полли и громко добавила: — Пойдем к доктору и все ему расскажем. Он сидит у себя в кабинете. Приоткрой потихоньку дверь и загляни: может быть, он занят и не стоит ему мешать.

Когда я заглянул в щелку, первое, что мне бросилось в глаза, была огромная черная собака. Она сидела у камина и внимательно ловила каждый звук, а доктор сидел перед ней в кресле и странно таякал и ворчал.

— Что они делают? — шепотом спросил я Полли.

— Что тут непонятного? — с видом превосходства ответила птица. — Собака получила письмо от хозяйки и попросила доктора прочесть его. Хозяйку зовут Мими, это маленькая смешная девчонка, она живет на другом конце города. У нее две тоненькие косички, похожие на мышинные хвостики. Сейчас она отдыхает вместе с братом на море, а старая собака скучает по ним. Поэтому дети пишут ей письма, конечно, по-английски. Сама собака читать не умеет, поэтому доктор переводит ей письма. Смотри, как она волнуется. Наверное, Мими пишет, что скоро вернется домой.

Действительно, собака радостно поскуливала, а когда доктор закончил читать письмо, разразилась громким лаем, завиляла хвостом и принялась прыгать по всему кабинету. Потом она схватила письмо в зубы и выбежала вон. Она громко сопела и что-то бормотала себе под нос.

— Она побежала встречать хозяйку, — шепнула мне Полли. — Не понимаю, почему собаки так привязываются к детям. Видел бы ты эту Мими! Задирает нос выше колокольни, а вытирать его забывает.

Глава 12 «ПОЛУЧИЛОСЬ! ПОЛУЧИЛОСЬ!»

Доктор поднял голову и увидел у двери меня с Полли.

— А, это ты, Стаббинс, — сказал он. — Входи. Ты хотел мне что-то сообщить?

— Доктор, — начал я, волнуясь, — я хочу, когда вырасту, стать натуралистом, как и вы.

— Вот как? — удивился доктор. — А родителям ты уже сказал о своем желании?

— Пока еще нет, — смутился я. — Я хотел просить вас сходить к ним и сообщить об этом. Мне кажется, так будет лучше. Вас они послушают. Для начала я бы стал вашим помощником, как говорит Полли — ассистентом, если, конечно, вы не возражаете. Вчера моя мать отчитала меня за то, что я все дни пропадаю у вас да еще ем ваш хлеб. Вот я теперь и ломаю голову, как бы мне сделать так, чтобы я не был вам обузой.

— Дорогой мой Стаббинс! — произнес доктор с добродушной улыбкой. — Я всегда рад тебя видеть и готов делить с тобой и кров и хлеб. К тому же ты мне по-настоящему помогаешь, и я уже давно подумываю о том, что ты должен получать плату за свой труд. Так как же ты можешь быть мне обузой?

— Не могли бы вы поговорить с моими родителями и попросить их, чтобы они разрешили мне переехать к вам, жить у вас и работать. А вы научите меня читать и писать. Ведь без этого я никогда не стану настоящим натуралистом, не так ли?

— Конечно, — ответил доктор. — Любой человек должен уметь читать и писать, а тем более натуралист. А знаменитый натуралист Чарлз Дарвин даже закончил университет. Но, как ни странно, самый великий в мире натуралист не умеет даже написать собственное имя и понятия не имеет об азбуке.

— Как так? Кто он такой?

— О-оо! Весьма загадочная личность! Его зовут Большая Стрела, сын Золотой Стрелы. Он индеец.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, — покачал головой доктор Дулиттл, — ни один белый человек не видел его. Мне даже кажется, что сам мистер Дарвин не подозревает о его существовании. Большая Стрела почти все время проводит среди зверей и краснокожих племен. Он живет где-то в горах Перу и странствует от одного племени к другому.

— А откуда вы о нем знаете, если его никто не видел?

— Мне о нем рассказала Миранда, пурпурная райская птица, та, что навещает меня каждый год. Я просил ее передать от меня привет Большой Стреле и теперь со дня на день жду ее возвращения и прямо сгораю от нетерпения — так мне хочется получить ответ от Большой Стрелы. А ведь уже идет последняя неделя августа. Надеюсь, что с Мирандой не случилось ничего плохого в пути.

— А почему тогда звери и птицы обращаются за помощью к вам, а не к Большой Стреле, если уж он такой великий? — спросил я.

— Наверное, потому, что я не только натуралист, но и доктор. Но если судить по рассказам Миранды, то никто не знает живой мир лучше, чем Большая Стрела. А ты уверен, Стаббинс, что хочешь стать натуралистом? Ты не передумаешь через месяц-другой?

— Нет-нет, — решительно замотал я головой. — Никогда не передумаю! Я так решил!

— Но учти, что это занятие не приносит денег, скорее наоборот. Большинство натуралистов не получают ни гроша за свою работу, зато им приходится тратить уйму денег на сачки для ловли бабочек, ящики для птичьих яиц, аквариумы и тому подобное. Только теперь, когда я издал несколько книг о моих путешествиях, я сумел кое-что заработать, да и то сами путешествия обошлись мне намного дороже. Так что, если ты действительно решил стать натуралистом, о деньгах и не мечтай!

— Деньги меня не интересуют, — ответил я. — Не могли бы вы прийти к нам в четверг и поужинать с нами? А заодно и поговорить с моими родителями. А если я стану вашим ассистентом, вы возьмете меня с собой в путешествие?

— Ах, вот оно что! — улыбнулся доктор. — Тебе хочется попутешествовать со мной!

— Еще как! — вскричал я. — Возьмите меня с собой! Я буду носить за вами сачки для ловли бабочек и записные книжки.

Доктор сидел молча и барабанил пальцами по крышке стола, а я с нетерпением ждал его ответа. Наконец он пожал плечами и поднялся с кресла.

— Так и быть, Стаббинс, — сказал он. — В четверг я поговорю с твоими родителями, а там посмотрим. Передай родителям привет и поблагодари их от моего имени за приглашение.

У меня словно выросли крылья. Я мчался домой и кричал: «Получилось! Получилось!»

Глава 13 ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

На следующий день после обеда я сидел на скамейке у ограды сада и беседовал с Крякки. К тому времени я с помощью Полли научился немного говорить по-звериному. Когда я узнал поближе Крякки, она показалась мне милой и доброй птицей, хотя и не такой

умной, как Полли. Весь день она хлопотала по хозяйству, и только изредка у нее выдавалась свободная минутка, чтобы отдохнуть и поболтать, то есть покряхать, о том о сем.

Итак, как я уже сказал, я и старая утка сидели на скамье и смотрели на улицу. Мимо гнали стадо овец на ярмарку в Паддлеби. Крякки рассказывала мне об увлекательных приключениях доктора Дулиттла в Африке.

Вдруг до нас донесся странный шум: где-то весело кричали мальчишки, затем к ним присоединились крики взрослых. Я встал ногами на скамью, чтобы получше рассмотреть, что там происходит, и увидел, как из-за поворота выбежала женщина, одетая в нелепые лохмотья. За ней по пятам с криками и улюлюканьем следовала толпа школьников.

— Что случилось? Что случилось? — разволновалась Крякки.

Дети бывают очень злы, вот и эти смеялись во все горло и показывали пальцем на женщину, выглядевшую и в самом деле очень странно. У нее были длинные руки, достававшие ей до колен, и согбенная спина, украшенная красными маками шляпку чудом держалась на голове, а слишком длинная юбка волочилась за ней по мостовой, словно шлейф бального платья. Лица ее я не смог рассмотреть, потому что его скрывала надвинутая на глаза шляпка. Необычная процессия приближалась к нам, смех детей становился все громче. И тут я заметил, что руки у женщины были коричневого цвета и сплошь покрыты волосами, как у настоящей ведьмы, хотя, честно признаться, я в ведьм не верил и не верю до сих пор.

И все-таки я ужасно испугался. Но Крякки громко вскрикнула:

— Да ведь это Чи-Чи! Чи-Чи! Она вернулась! Эти маленькие негодники вконец измучили ее. Вот я вас проучу, чертенята!

Утка спрыгнула со скамьи прямо в толпу детей и с пронзительным кряканьем принялась щипать их своим твердым клювом за ноги. Сорванцы бросились врассыпную.

Странная женщина в нелепой соломенной шляпке некоторое время смотрела им вслед, затем подошла к воротам. Она не стала отодвигать засов, а ловко, без малейшего труда, вскарабкалась на ограду, хватаясь за прутья и руками и ногами. И только тут я наконец-то разглядел ее лицо. Это была обезьяна!

Чи-Чи, а это была она, взирала на меня с высокой ограды и недоверчиво морщилась. Видимо, она думала, что я, как и другие мальчишки, стану над ней смеяться. Затем она спрыгнула с ограды в сад и тут же сорвала с головы соломенную шляпку, растоптала ее ногами и вышвырнула на улицу. Стащила с себя остальную одежду и заплясала от радости.

В доме поднялся переполох, к обезьяне бежали звери, летели птицы, пес О'Скалли прыгал вокруг нее и вилял хвостом. Появился и доктор.

— Чи-Чи! Чи-Чи! — послышался скрипучий голос Полли. — Наконец-то ты здесь. Я всегда говорила доктору, что ты непременно вернешься домой. Я верила в тебя!

Все обступили обезьяну, обнимали ее, радостно смеялись и наперебой спрашивали, как ей удалось добраться до Англии, а затем повели ее в дом.

— Стаббинс, — попросил меня доктор, — не сочти за труд, поднимись в мою спальню и принеси оттуда мешочек орехов. Он лежит в левом ящике письменного стола. Я берег орехи на случай возвращения Чи-Чи. Крякки, у тебя среди запасов не найдется несколько бананов? Ах, целая связка? Стаббинс, бананы тоже тащи сюда. Бедняжка Чи-Чи говорит, что она уже два месяца не ела бананов.

Когда я вернулся на кухню с лакомствами для обезьяны, все сидели вокруг Чи-Чи, а она рассказывала о своем путешествии из Африки в Англию.

Глава 14 ПУТЕШЕСТВИЕ ЧИ-ЧИ

После того как Полли улетела из Африки, Чи-Чи еще больше затосковала по доктору и его маленькому домику в Паддлеби и, в конце концов, решила последовать примеру своей пернатой подруги. Но как? Крыльев у нее не было, и улететь она не могла.

Как-то она увидела у берега корабль, отплывающий в Англию. Толпа белых и черных людей поднималась по трапу на палубу. Обезьянка попыталась прошмыгнуть вместе с ними, но ее заметили, прогнали и чуть не побили палкой. Бедняжка пригорюнилась и побрела назад, как вдруг увидела какую-то семью, направлявшуюся к кораблю. Мать вела за руку девочку, которая напомнила Чи-Чи ее младшую сестренку. И Чи-Чи сказала себе: «Эта девочка точно так же похожа на обезьяну, как я на девочку. Было бы у меня платье, и я без труда пробралась бы на корабль вместе с этой человеческой семейкой. Если люди не принимают девочку за обезьяну, то и меня примут за девочку».

Чи-Чи помчалась в город, но все магазины были закрыты, к тому же у нее не было денег. И Чи-Чи решила на отчаянный шаг: она забралась через открытое окно в чужой дом и нашла там платье и шляпку. Они принадлежали одной знатной черной даме, которая, к счастью, как раз в это время принимала ванну. Чи-Чи вырядилась как щеголиха, вернулась к морю, смешалась с толпой и проникла на судно. И хотя никто не заподозрил подвоха, она все же сочла нужным держаться подальше от других пассажиров, чтобы случайно не выдать себя. И только по ночам, когда все спали, Чи-Чи выходила на палубу, чтобы найти там что-нибудь съестное.

Когда корабль пристал к английским берегам и Чи-Чи попыталась сойти с судна, матросы увидели, что это обезьяна, переодетая девочкой, и хотели схватить ее, но ей чудом удалось вырваться. Чи-Чи нырнула в толпу — и была такова.

Однако до Паддлеби-на-Марше было еще далеко, и чтобы попасть туда, Чи-Чи пришлось пересечь всю Англию.

Для обезьянки настали трудные дни. Как только она появлялась на улице города, за ней по пятам следовали толпы улюлюкающих ребятишек, а взрослые не раз пытались поймать ее, и ей не раз пришлось спастись на фонарных столбах и на каминных трубах. Ночевала она в стогах сена, старых сараях и амбарах, а то и просто в лесу на дереве. Бедняжка изголодалась за дорогу, потому что единственно, что ей удавалось добыть, это лесные орехи и ягоды, а ими, как известно, сыт не будешь.

Наконец после многодневных скитаний Чи-Чи увидела колокольню паддлебской церкви и поняла, что она уже дома.

Закончив свой рассказ, обезьянка в один присест съела шесть бананов и залпом выпила кружку молока.

— Боже! — вздохнула она. — Почему я не родилась с крыльями, как Полли! Как просто: лети себе да маши крыльями! Вы себе не представляете, как я возненавидела платье и шляпку! Зачем только люди выдумали такую нелепую одежду? Никогда в жизни я не чувствовала себя так скверно, как в этом шутовском наряде. Шляпка то и дело сползала мне на глаза или падала с головы, а подол платья на каждом шагу цеплялся за камни, корни деревьев, кусты, а то и просто путался в ногах. Но зато как я обрадовалась, когда сегодня утром увидела мой любимый город!

— Ты, наверное, устала, — сказал доктор. — Твоя постель на шкафу в кладовой ждет тебя.

— А если озябнешь ночью, — добавила Крякки, — укройся старым сюртуком доктора. Ты ведь и раньше им укрывалась.

— Спасибо, — ответила Чи-Чи. — Как хорошо снова оказаться дома! Здесь все так же, как и было до моего отъезда. А теперь я и в самом деле пойду прилягу. По правде говоря, я падаю от усталости.

Мы все проводили Чи-Чи в кладовую. Она ловко, словно матрос на мачту, вскарабкалась на шкаф, свернулась клубочком под старым сюртуком доктора и мгновение спустя уснула. Она тихонько посапывала, а мы на цыпочках вышли и закрыли дверь.

— Добрая, милая Чи-Чи, — вздохнул доктор, — я очень рад, что она вернулась.

— Да, да, добрая, милая Чи-Чи! — повторяли за доктором Полли и Крякки.

Глава 15 Я СТАНОВЛЮСЬ АССИСТЕНТОМ ДОКТОРА

В четверг, ближе к вечеру, в нашем доме все оживилось.

— А что любит твой доктор? — спрашивала мать. — Что ему приготовить на ужин?

— Свиные отбивные на ребрышках, — отвечал я, — овощной салат, гренки, креветки и пирожные с джемом.

И даже когда ужин был готов, мать не успокоилась и все металась по дому, вытирала пыль, протирала посуду и проверяла, все ли готово для приема гостя.

Наконец раздался стук в дверь. Я первым кинулся открывать.

На этот раз доктор принес свою флейту. Он долго нахваливал поварское искусство моей матери, а когда все было съедено и мать убрала со стола, отец и доктор Дулиттл принялись играть на флейтах. Они так были поглощены музыкой, что я испугался, как бы доктор не забыл поговорить о моих делах. Но мои страхи оказались напрасными.

— Ваш сын признался мне, что мечтает стать натуралистом, — сказал доктор.

И потекла долгая беседа, продолжавшаяся до глубокой ночи.

Поначалу мои родители и слышать об этом не желали. Они считали мои намерения детским капризом и были уверены, что скоро я заброшу свои мечты. Однако доктор обладал даром убеждения.

— Давайте посмотрим на это дело со всех сторон, господин Стаббинс, — говорил он. — Представьте себе, что ваш сын проведет два года в моем доме, пока ему не исполнится двенадцать лет. Двух лет ему с избытком хватит, чтобы убедиться, действительно ли ему хочется стать натуралистом. По истечении этого срока он будет волен остаться у меня или избрать себе новое поприще. А я обещаю вам, что за это время научу его читать и писать и даже немножко подучу математике. Что вы на это скажете?

— Не знаю, что и сказать, — отвечал отец и в задумчивости встряхивал головой. — Очень любезно с вашей стороны сделать нам такое предложение, но я бы все же предпочел, чтобы Том научился какому-нибудь ремеслу и зарабатывал им себе на жизнь. Все-таки верный кусок хлеба. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

И тогда в разговор вмешалась мать. И хотя ей было больно оттого, что я покидаю родной дом, она неожиданно стала на мою сторону.

— Что толку в синице, Джейкоб? — говорила она. — Ты же знаешь, что многие ребята ходят в школу до четырнадцати, а то и до пятнадцати лет, и если Том потратит два года на образование, он не потеряет время зря. Будет ли у него другая возможность хотя бы немножко подучиться грамоте? Подумай об этом! Хотя, Господи, — она достала платок и стала утирать слезы, — дом опустеет, когда Том покинет его.

— Обещаю вам, госпожа Стаббинс, что Том будет приходить к вам в любое время, как только пожелает, — утешал ее доктор. В конце концов, он ведь не уезжает в другой город.

Отец еще немного поспорил и уступил. На том они и порешили: два года я проведу в доме доктора и буду ему помогать, за что доктор научит меня читать и писать, а также будет меня кормить.

— Разумеется, — добавил доктор, — я обязуюсь покупать Тому одежду, по крайней мере до тех пор, покуда у меня водятся деньги. К сожалению, деньги — вещь ненадежная. Они обладают удивительной особенностью кончаться в самый неподходящий момент.

— Вы очень добры к нам, доктор, — сказала мать, вытирая слезы. — Я знаю, мальчику будет у вас хорошо. Он родился в сорочке.

А когда уже все было решено, я повернулся к доктору и сказал:

— Доктор, не забудьте сказать про путешествия.

Мать испуганно приподняла голову. В ее глазах я прочел грусть и мольбу и сразу же раскаялся в том, что не пощадил ее чувства.

— Да, конечно, — снова заговорил Джон Дулиттл. — Мой род занятий требует частых разъездов, иногда мне даже приходится отправляться в другие страны. Надеюсь, вы не будете возражать против того, чтобы ваш сын сопровождал меня в путешествиях?

Я стоял позади доктора и с замершим сердцем ожидал, что ответит отец.

— Нет, мы не будем возражать, — ответил он после недолгого раздумья. — Раз уж мы согласились на ваше предложение, к чему возражать против путешествий? Пусть мальчик посмотрит мир.

В ту минуту на всей земле не было человека счастливее меня. Мне казалось, что я попал в рай, и я с трудом сдержал себя, чтобы не запрыгать от радости по комнате. Наконец-то сбывалась мечта моей жизни! Наконец-то я мог пуститься в путешествие и пережить удивительные приключения! Полли говорила мне, что доктор никогда не бывает дома больше полугода, и по секрету шепнула, что через две недели он снова покинет Паддлеби. Теперь я, Том Стаббинс, поеду вместе с ним! Я поплыву по морям, я буду бродить по джунглям, я увижу невиданных зверей! Сбылось!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1 КОМАНДА «РЖАНКИ»

С тех пор как я поселился у доктора, на меня в городе стали смотреть по-другому. Теперь никто не отворачивался с презрением от сына бедного сапожника, и я высоко держал голову, гуляя с псом в золотом ошейнике по Волонгвей улице. И если раньше другие мальчишки не хотели со мной знаться, потому что у моего отца не было денег на школу, то теперь они перестали чваниться и искали моей дружбы. Я часто слышал у себя за спиной уважительный шепот:

— Смотри, ему всего десять лет, а он уже стал помощником у доктора Дулиттла!

Представляю, как бы у них открылись от удивления рты, если бы они узнали, что я к тому же могу разговаривать с псом!

Два дня спустя после памятного ужина в нашем доме доктор с грустью сказал:

— Увы, Стаббинс, придется мне на время забросить язык обитателей моря. Я пытался поговорить с устрицами и мидиями, с крабами и омарами, но ничего от них не добился. Делать нечего, поищем кого-нибудь поразговорчивее.

— А чем мы займемся сейчас? — спросил я. Как новоиспеченный ассистент доктора я считал себя вправе говорить «мы».

— А сейчас, Стаббинс, настало время подумать нам о путешествии, — ответил доктор. — По-моему, я уже засиделся в Паддлеби. Дела зовут меня в дальние края.

— Когда? — воскликнул я. — Когда мы отправляемся в путь?

— Не торопись, — охладил мой пыл доктор. — Надо подождать, когда прилетит пурпурная райская птица с посланием от Большой Стрелы. Что-то она опаздывает. По моим расчетам, Миранда должна была появиться уже дней десять тому назад. Как бы с ней не приключилось несчастья в пути.

— Почему бы нам тем временем не заняться подготовкой к путешествию? — спросил я. — Нам надо еще найти корабль и подумать о припасах. А когда райская птица прилетит, у нас уже все будет готово и мы сразу же отправимся в путь.

— Наверное, ты прав, — сказал доктор. — Схожу-ка я к твоему другу Джозефу, он поможет мне подобрать подходящее судно.

— Можно, я пойду с вами? — завилял хвостом О’Скалли.

— Конечно, — согласился доктор, — прогулка тебе не повредит.

И мы втроем вышли на улицу.

Джозеф внимательно выслушал нас и сказал, что совсем недавно он по случаю приобрел за полцены прекрасную шхуну и готов уступить ее нам. Однако, чтобы управлять ею, требовалась команда из трех человек.

— Я полностью доверяю твоему мнению, Джозеф, — сказал доктор, — но сначала хотелось бы посмотреть на шхуну.

Джозеф повел нас вдоль реки и показал нам небольшое судно, пришвартованное к старому причалу. Шхуна и в самом деле была прекрасная. Называлась она «Ржанка». Доктор сразу же согласился купить ее.

— Но как же мы будем управлять ею? — спросил я. — Ведь Джозеф говорит, что нужна команда из трех человек, а нас всего двое.

— Что-нибудь придумаем, — ответил доктор. — Конечно, с нами поплывет Чи-Чи, но она, хоть и ловкая и умная, все же слабее человека. Придется взять с собой еще кого-нибудь, иначе нам не справиться.

— Я знаю одного хорошего матроса, господин доктор, — предложил Джо. — Он старый морской бродяга и с удовольствием пойдет к вам на службу. С ним вы не пропадете.

— Нет-нет, — отказался доктор, — матрос нам не нужен. Во-первых, у меня не будет денег, чтобы заплатить ему. А во-вторых, боюсь, что мы с морским бродягой не пойдем друг друга. Моряки всегда поступают по правилам, а я — как Бог на душу положит.

— А если взять Мэтьюза Магга, «кошачьего кормильца»? — вставил я.

— Извини, Стаббинс, но он нам тоже не подходит. Мэтьюз — славный малый, но слишком много говорит, и чаще всего — о своем ревматизме. Не так-то просто подобрать себе товарища по путешествию.

— А что вы скажете о Луке-Отшельнике? — спросил я.

— Прекрасная мысль! Лишь бы он согласился! Пойдем к нему и спросим, не согласится ли он плыть с нами.

Глава 2 ЛУКА-ОТШЕЛЬНИК

Как я уже говорил, Лука-Отшельник был моим другом. Его считали чудаком, не от мира сего, и, признаться, на то были основания. Он жил далеко за городом, на болоте, в полуразвалившейся сторожке.

Никто не знал, как в действительности его зовут и откуда он пришел. Его прозвали Лукой-Отшельником, и он откликался на это имя. Он избегал людей, уклонялся от разговоров и никогда не появлялся в городе, а его большой пес по кличке Боб рычанием и лаем отгонял от сторожки любопытных.

И сколько бы ни спрашивали у жителей Паддлеби, кто такой Лука и почему он живет в одиночестве в ветхой сторожке на болоте, ответ всегда был один и тот же:

— Лука-Отшельник? Вы спрашиваете о нем, сэр? Тут дело нечисто. Что-то за всем этим кроется, иначе зачем ему сторониться людей? Но не вздумайте пойти к нему на болото, чего доброго, он еще натравит на вас пса.

И все же в Паддлеби нашлись два человека, безбоязненно навещающих Луку-Отшельника в его сторожке. Доктор Дулиттл и я, Том Стаббинс. Странное дело: бульдог Боб ни разу не залаял на нас, наверное, он чувствовал, что мы желаем его хозяину добра.

Вот и в тот день мы шли к болоту. Холодный восточный ветер дул нам в лицо. До сторожки Луки уже было рукой подать, как вдруг О'Скалли насторожился и сказал:

— Что-то тут не так.

— Что не так? — спросил доктор.

— А то не так, что Боб не выбежал нам навстречу. Он уже давно должен был учуять нас. А это что за странный звук?

— Похоже на скрип, — сказал доктор, — Может быть, это скрипит дверь? Лука никогда не смазывал петли.

— Надеюсь, что Боб жив и здоров, — произнес О'Скалли. Но в его голосе слышалось сомнение, и он громко залаял, в надежде, что пес Луки услышит его и ответит.

Однако ответа не последовало. Только ветер шелестел в сухих камышах болота.

Непонятная тревога охватила нас, и мы прибавили шагу. Когда мы наконец добрались до хижины Луки, то увидели, что она пуста.

— Куда же ушел Лука? — удивился я. — Может быть, он вышел прогуляться?

— Нет, — доктор наморщил лоб, — Лука обычно сидит дома: ему не надо выходить, чтобы глотнуть свежего воздуха. А если бы он даже решил пройтись, чтобы размять ноги, то обязательно запер бы дверь. Случилось что-то из ряда вон выходящее. Эй, О'Скалли, что ты делаешь?

— Ничего, — ответил пес, обнюхивая глинобитный пол сторожки. — Ничего особенного. Не стоит об этом и говорить.

— Почему же? — строго сказал доктор. — По-моему, ты что-то скрываешь. Ну-ка, выкладывай, что ты сумел вынюхать. Что тут произошло? Где Лука?

— Не знаю, — недовольно твякнул О'Скалли. — Здесь нюхай не нюхай, ничего толком не понять. Мне известно не больше, чем вам.

— Позволь тебе не поверить, — продолжал настаивать доктор. — Ты что-то все-таки разнюхал. По глазам вижу, что ты заподозрил что-то неладное. Так что же здесь произошло?

О'Скалли молчал.

Десять минут доктор увещевал его, просил, уговаривал. Все было напрасно: пес не произнес ни слова.

— Так и быть, — сдался в конце концов доктор. — Ни к чему нам больше стоять на холодном ветру. Доподлинно мы знаем только одно — Лука-Отшельник исчез. Пойдем-ка лучше домой обедать.

Мы закутались в плащи и повернули назад. О'Скалли притворился, сделал вид, что ему вздумалось поохотиться на водяных крыс, и шмыгнул в кусты. Но провести доктора ему не удалось.

— Готов дать руку на отсечение, — шепнул мне доктор, как только пес скрылся в зарослях, — он уже догадывается, что произошло. И сейчас он побежал разузнать побольше. Странно, очень странно, что он таится от меня и не хочет сказать ни слова. Я знаю его одиннадцать лет, и ни разу за все это время он так себя не вел. Ума не приложу, что же с ним случилось!

— Вы думаете, ему стала известна тайна Луки-Отшельника? Может быть, он сумел узнать то, о чем шепчутся все жители Паддлеби?

— Я бы не удивился, если бы узнал, что О'Скалли известны все тайны нашего городка, — задумчиво ответил доктор. — Ты не заметил, как он насторожился, когда дверь оказалась открытой, а сторожка — пустой? Он увидел на полу чьи-то следы, обнюхал их и все понял. Но почему он не захотел мне ничего сказать? Почему он молчит? Эй, О'Скалли! Поди сюда! Эй! Куда он убежал? Как сквозь землю провалился. Мне казалось, что он рыщет в зарослях где-то впереди.

— Он только что был вон там, — подтвердил я. — О'Скалли! Где ты?

Но пес не откликнулся. Мы долго звали его, даже вернулись к сторожке Луки. Пес как в воду канул.

— Наверное, он побежал домой и уже ждет нас там, — сказал я.

Доктор только поднял воротник и прошептал про себя:

— Странно, очень странно.

Глава 3 ТАЙНА

Едва мы переступили порог дома, как доктор позвал Крякки:

— Где О'Скалли? Он уже здесь?

— Вам лучше знать, где носит пса, ведь он ушел из дома вместе с вами, — недовольно ответила утка. Она очень не любила, когда ее отрывали от привычных домашних хлопот. — Я его с самого утра не видела.

— Как только он вернется, тут же скажи мне, — попросил ее доктор. — Дело очень срочное.

— Ничего с О'Скалли не случится, — крякнула утка. — Уж кто-кто, а он не пропадет. Он с детства умел постоять за себя. Мойте руки и садитесь к столу, обед уже готов.

Не успели мы даже прикоснуться к еде, как дверь открылась и на кухню влетел О'Скалли. Если бы он был человеком, то я сказал бы, что на нем лица нет.

— Доктор, — позвал он, — я должен вам кое-что сказать. Вам и Тому, и никому больше. Поэтому давайте пройдем в библиотеку. Нет-нет, Крякки, обед подождет. Скорее, доктор, нельзя терять ни минуты.

Как только мы оказались в библиотеке, пес попросил:

— Доктор, закройте, пожалуйста, дверь на ключ, чтобы нам не помешали.

— Не волнуйся, — сказал доктор, поворачивая ключ в двери, — сюда никто не придет. Ты же знаешь, наши звери умеют себя вести.

Пес с трудом перевел дыхание. Было похоже, что он мчался домой со всех ног.

— Доктор, — начал он, отдышавшись, — я уже давно знаю, кто такой Лука-Отшельник и почему он поселился в сторожке на болоте. Но раньше я не мог сказать вам об этом.

— Почему? — удивился доктор Дулиттл.

— Мне все рассказал Боб, бульдог Луки, а я поклялся самой страшной клятвой, что буду хранить тайну.

— А теперь? — спросил доктор.

— А теперь сам Боб просит меня об этом. Надо спасти Луку. Я побежал по следам Боба, нашел его и спросил: «Может быть, обратимся к доктору? Он единственный может нам помочь». И Боб ответил: «Да, я сам уже подумывал об этом, потому что...»

— Что случилось? — перебил его доктор. — Немедленно выкладывай, что случилось. Потом, когда у нас будет время, ты нам расскажешь, что ты сказал Бобу и что он ответил тебе. Где Лука-Отшельник?

— В тюрьме.

— Господи! Что он натворил?

О'Скалли метнулся к двери, обнюхал ее, чтобы удостовериться, что никто не стоит за порогом и не подслушивает нас, затем вернулся к нам и тихо прошептал:

— УБИЛ ЧЕЛОВЕКА!

— Вот тебе раз! — воскликнул доктор и без сил упал в кресло. — Кого? Где? Когда? Да говори же, не тяни!

— Лет пятнадцать тому назад, на золотых приисках в Мексике. Поэтому он и поселился подальше от людей, отпустил бороду, чтобы его не узнали, и зажил отшельником. А на

прошлой неделе в город пришли ищейки, я имею в виду не собак, а сыщиков. Они уже много лет искали убийцу с мексиканских приисков, а теперь услышали, что на болоте прячется человек, и заподозрили неладное. Сыщики схватили Луку, опознали его по шраму на плече и посадили в тюрьму.

— Кто бы мог подумать! — прошептал доктор и с сомнением покачал головой. — Кроткий Лука убил человека! Не могу поверить!

— К сожалению, это правда, — сказал пес. — Но он его убил невольно, без умысла. Боб в то время был еще щенком, но все видел и хорошо запомнил. Боб говорит: «Лука не виноват».

— А где сейчас Боб? — спросил доктор.

— В тюрьме, возле хозяина. Я хотел его привести к вам, но он не уйдет оттуда, пока там Лука. Он лежит на пороге камеры и не двигается с места, даже к еде не притрагивается. А кормежка там намного лучше, чем у хозяина. Прошу вас, сходите в тюрьму и попробуйте спасти Луку. Суд над ним начнется в два часа.

— А уже десять минут второго, — заметил доктор, посмотрев на часы.

— Боб говорит, что Луку повесят, а в лучшем случае оставят в тюрьме, под замком, до конца жизни. Поговорите с судьей, расскажите ему, что Лука добрый, что он и мухи не обидит. Может быть, судья согласится отпустить Луку?

— Не знаю, не знаю, — опять покачал головой доктор и встал с кресла. — Боюсь, я ничем не смогу помочь Луке. — Он подошел к двери и вдруг остановился. — А что, если попробовать?

И доктор с решительным видом вышел. Мы с О'Скалли последовали за ним.

Глава 4 БОБ

Крякки разволновалась, когда мы спешно засобирались, принялась уговаривать нас сначала пообедать, но в конце концов уступила и только сунула в руки мне и доктору по большому куску мясного пирога, чтобы мы подкрепились по дороге.

Огромная толпа запрудила улицу перед зданием суда. Там же, рядом, была и тюрьма.

Начиналась неделя судебных дел. В Паддлеби не было своего судьи, и раз в три месяца к нам приезжал королевский судья из Лондона, чтобы вершить суд и расправу над карманниками, бродягами, браконьерами и прочими злодеями и злоумышленниками.

В такую «судную» неделю все не обремененные делами жители Паддлеби считали своим долгом поприсутствовать на судебном заседании. Но в тот день в суд пришли не одни бездельники и зеваки. Весть о том, что Луку-Отшельника обвиняют в убийстве и что на суде его тайна откроется, взбудоражила всю округу. Принаряженные горожане и жители

окрестных деревень пытались проникнуть в зал суда или же стояли на улице и перемывали косточки бедному Луке. Даже мясник и рыбник закрыли свои лавочки и устроили себе выходной.

Наш городок шумел как встревоженный улей. Такого захватывающего судебного процесса в Паддлеби не было с тех пор, как судили старшего сын пастора, Фердинанда Пипса, который ограбил банк.

Не будь со мной доктора, мне ни за что не удалось бы проложить себе дорогу сквозь плотную толпу у здания суда. Но доктора знали и уважительно уступали ему дорогу, а я держался рукой за полу его сюртука и семенил рядом. Так мы беспрепятственно добрались до ворот тюрьмы. У ворот стоял важный господин в синем мундире с блестящими медными пуговицами.

— Мне необходимо срочно поговорить с обвиняемым по имени Лука-Отшельник, — сказал доктор важному господину.

— Разрешение на свидание выдает канцелярия, — ответил тот. — Обратитесь туда. По коридору вниз, третья дверь направо.

— Кто это? — спросил я доктора, пока мы спускались по ступенькам.

— Полицейский, — мрачно ответил доктор.

— А что делают полицейские? — продолжал спрашивать я.

— Полицейские — это последнее изобретение нашего века. Их придумали, чтобы охранять порядок там, где и без них все в порядке. Мы живем в удивительное время, что ни день, то новшество...

— А что такое канцелярия? — не унимался я.

— Еще одно новшество. Канцелярию изобрели, чтобы можно было безнадежно запутать самое простое дело. А вот, кажется, и она...

В канцелярии доктору без спору разрешили побеседовать с Лукой и дали полицейского, чтобы он показал нам дорогу.

Грустный Боб сидел на пороге камеры Луки. Полицейский открыл дверь, впустил нас и сказал:

— Мне придется запереть за вами дверь. Таковы правила. Когда закончите беседу, постучите, и я выпущу вас.

Когда дверь захлопнулась, мурашки побежали у меня по коже.

В камере было темно. Поначалу я ничего не видел, но через минуту освоился и сумел рассмотреть каменные стены, каменный пол, низкие нары у стены и зарешеченное окошко, сквозь которое почти не проникал свет.

На нарах, уставившись глазами в пол, сидел мой друг Лука-Отшельник. Он с видимым усилием оторвал взгляд от каменных плит у своих ног и взглянул на нас:

— Здравствуй, Том. Здравствуйте, доктор. Что вас привело ко мне?

— К сожалению, я только полчаса назад узнал, где вы. Мы утром заходили к вам в сторожку, чтобы спросить, не согласитесь ли вы отправиться с нами в путешествие. Но вас не было дома, и мы забеспокоились. Теперь я знаю, что случилось, и хочу помочь вам.

Лука грустно покачал головой:

— Мне уже ничто не поможет. Они поймали меня. Теперь мне конец.

Он встал с нар и принялся ходить взад и вперед по камере.

— Я даже рад, что скоро все кончится. Все эти годы мне не было покою. На каждом шагу меня донимали страхи, мне казалось, что за мной следят, я пугался даже собственной тени. Но теперь они выследили меня, и я рад, что скоро все кончится.

Целых полчаса доктор беседовал с Лукой, пытался утешить и ободрить его, а я сидел рядом и тщетно ломал голову, что же мне сказать Луке и как помочь ему.

— Извини, Лука, времени остается мало, а мне еще надо поговорить с Бобом, — сказал наконец доктор. — Мы еще увидимся на суде и после него.

Мы постучали в дверь, и полицейский сразу же выпустил нас. В тюремном коридоре доктор обратился к псу:

— Боб, ступай за мной. Мне надо кое о чем расспросить тебя.

— Как себя чувствует мой хозяин? — тявкнул бульдог, когда мы поднимались по ступенькам.

— Не так уж плохо, как могло бы показаться, — ответил доктор. — Конечно, ему несладко, но надежда еще не потеряна. Скажи мне, Боб, ты видел, как погиб тот человек?

— Видел. Я стоял в двух шагах от него. Говорю вам, что Лука ни в чем не виноват...

— Вот и хорошо, — перебил его доктор. — Пока это все, что мне надо узнать. Суд уже начинается. Ты пойдешь со мной и сделаешь все, что я тебе скажу. И веди себя повежливей, что бы ни говорили про Луку, ни на кого не бросайся, не лай, не рычи и даже не скаль зубы. А когда я буду тебя спрашивать, отвечай мне правду, и только правду. Ты меня понял?

— Вы надеетесь, что мы его выручим, господин доктор? Он хороший человек, мой хозяин. Лучшего, пожалуй, и в целом мире не найти.

— Попробуем, Боб, попробуем. Лишь бы судья разрешил мне сделать так, как я хочу. Ну что же, нам пора в зал суда. Не забудь, что тебе нельзя рычать, лаять и кусаться, иначе тебя выставят вон из зала и все пойдет прахом.

Глава 5 МЕНДОСА

В зале суда у одной стены стоял на возвышении стол, за которым уже сидел судья, благообразный старик в длинном седом парике и черной мантии. Чуть ниже стоял еще один стол, за которым восседали адвокаты, как мне объяснил доктор.

Я впервые попал в суд, и все увиденное напомнило мне и школу и церковь одновременно.

— Вон те двенадцать человек, — шептал мне доктор, — те, что сидят на большой скамье у стены, — это присяжные. Они должны решить, виновен Лука или нет в том, в чем его обвиняют. Посиди пока здесь с Бобом и не спускай с него глаз, а еще лучше держи за ошейник. А я отойду на несколько минут, мне надо поговорить с одним из тех господ в белых париках.

Доктор исчез в толпе, а я принялся осматривать зал и нашел глазами Луку. Он сидел в стороне, отгороженный от зала невысоким деревянным барьером. По обе стороны от него стояли полицейские.

А потом судья взял в руки маленький забавный молоток и ударил им по столу. И сразу же публика в зале затихла, все успокоилось и приготовились слушать. И тогда встал важный господин в черной мантии и принялся читать вслух какую-то бумагу. Он бормотал, словно бубнил себе под нос молитву, и, скорее всего, никто не понял ни слова. Я даже подумал вначале, что он говорит не по-английски. Я стал прислушиваться: «Бу-бу-бу... называемый Лука-Отшельник... бу-бу-бу... пс-пс-пс... в убийстве своего товарища... бу-бу-бу-бу... та-та-та... по кличке Синяя Борода... в ночь того же числа... та-та-та... Бу-бу-бу... на прииске... бу-бу-бу... ва... ва... в Мексике... по законам Его Королевского Величества... бу-бу-бу...»

Вдруг я почувствовал, что кто-то взял меня под локоть, повернулся и увидел доктора в сопровождении господина в белом парике.

— Познакомься, Стаббинс, это господин Перси Дженкинс, — сказал доктор. — Он адвокат и будет защищать на суде Луку. Он готов сделать все, лишь бы Луку оправдали... если, конечно, это возможно.

Господин Дженкинс был очень молод. Его круглое, почти мальчишечье лицо излучало дружелюбие. Он пожал мне руку и тут же обратился к доктору, продолжая прерванный разговор:

— Поистине прекрасная мысль! Вы правы, дорогой доктор, собака непременно должна дать показания в суде. Она одна видела, как все произошло. Я рад, что вы обратились ко мне. Нельзя упускать такую изумительную возможность. Для прокурора это будет как гром среди ясного неба! То-то удивятся старые хрычи присяжные! На судебных заседаниях всегда такая скука! Вот мы и встряхнем их. Бульдог — свидетель защиты! Как хорошо, что в зале сидит много журналистов. Вот и один из них. Видите во-о-он того мужчину в цилиндре, который рисует карандашом портрет обвиняемого? Да мы с вами прославимся, доктор! Надеюсь, Длинный Нос по достоинству оценит сюрприз. Гром среди ясного неба!

Он зажал рот рукой, чтобы не прыснуть. Его глаза хитро поблескивали.

— А кто такой Длинный Нос? — спросил доктор.

— Судья. Досточтимый Длинн Макноски. А пока, — сказал господин Дженкинс и вытащил из кармана записную книжку, — расскажите мне о себе. Вы говорили, что сдали экзамен на доктора в Дархеме? А как называется ваша последняя книга?

Они продолжали шептаться, я ничего не слышал и не понимал, поэтому скоро перестал обращать на них внимание и стал с любопытством глазеть по сторонам.

Я мало что понимал из того, что происходило в зале суда. Судейские, сидевшие за длинным столом, вызывали свидетелей и задавали им вопросы «о событиях в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое». Свидетели отвечали и садились на место, а судейские вызывали все новых и новых людей и задавали им те же вопросы. Особенно старался крючконосый и противный господин в белом парике, которого все называли «господин обвинитель», хотя ему больше подошло бы «господин очернитель». Он из кожи вон лез, чтобы выставить Луку в черном свете, а по его вопросам можно было заключить, что обвиняемый родился, вырос и умрет негодяем.

Я с жалостью и состраданием поглядывал на Луку. Он сидел между дюжими полицейскими, уставившись в пол, словно ему все было безразлично. И только когда в зал суда вошел невысокий смуглый человек с маленькими злыми глазками, лицо Луки искривилось от гнева и презрения.

Смуглолицый явно не понравился и Бобу. При его появлении собака напряглась и глухо заворчала. Человек встал на место свидетеля и сообщил суду, что его зовут Мендоса и что именно он видел, как Лука убил своего товарища Билла по кличке Синяя Борода. Именно он, Мендоса, привел полицию на золотой прииск. Он просит суд примерно наказать гнусного убийцу...

Смуглолицый продолжал говорить, а Боб, сидевший под моим стулом, гневно рычал:

— Непр-р-авда! Он вр-р-рет, вр-р-рет! Я р-р-ра-зор-р-рву его на клочки!

Я как мог пытался успокоить пса, но он не унимался. И только когда доктор пригрозил ему, что так они не сумеют вызволить Луку, Боб замолчал.

Пока мы уговаривали пса вести себя прилично, господин Дженкинс исчез в толпе, а потом я вдруг увидел его возле стола с судейскими.

— Досточтимый суд, — говорил он звонким голосом, — позвольте мне вызвать еще одного свидетеля по делу обвиняемого Луки-Отшельника. Это известный натуралист и доктор медицины Джон Дулиттл. Я думаю, он сумеет представить доказательства невиновности моего подзащитного.

Возглас удивления прокатился по залу, когда доктор вышел вперед. Я заметил, как противный крючконосый обвинитель наклонился к своему приятелю, что-то шепнул и скорчил отвратительную гримасу. Мне захотелось подкрасться к нему сзади и ущипнуть его.

Господин Дженкинс задал доктору несколько вопросов о его научной работе, а потом спросил:

— Готовы ли вы поклясться, господин доктор, что знаете язык собак и можете разговаривать с ними?

— Да, — ответил доктор, — я готов поклясться в том, что это правда.

Судья удивленно наморщил лоб и произнес полным достоинства голосом:

— А что общего имеют ваши... гм... скажем, поразительные способности с убийством этого... гм... как его, Билла по кличке Синяя Борода?

— Досточтимый господин судья, — ответил господин Дженкинс голосом первого ученика, читающего перед классом вызубренный стишок, в этом зале присутствует единственный оставшийся в живых свидетель убийства. Это бульдог по кличке Боб. Я предлагаю, если, конечно, высокий суд позволит, выслушать показания собаки. А допрашивать ее будет знаменитый натуралист доктор Джон Дулиттл!

Глава 6 СОБАКА СУДЬИ

В зале суда воцарилась гробовая тишина. А потом вдруг все стали перешептываться и хихикать, и в конце концов зал загудел, как потревоженный улей. Одни просто возмущались, другие смеялись и показывали на доктора пальцем, третьи удивленно качали головой и озадаченно кряхтели.

Противный крючконосый обвинитель вскочил со своего места.

— Я протестую, ваша честь! — вскричал он, размахивая руками, как мельница крыльями. — Я протестую! Здесь хотят унизить достоинство суда!

— О достоинстве суда я позабочусь сам, — ответил судья.

Обвинитель с обиженной и злой физиономией нехотя сел на место, и тут вскочил господин Дженкинс. Будь дело менее серьезным, я бы подумал, что попал в театр кукол: так смешно они вскакивали и садились, вскакивали и садились.

— Если у суда возникают сомнения в том, что доктор Дулиттл говорит правду и действительно владеет собачьим языком, то я попрошу досточтимого судью устроить доктору испытание здесь же, в зале суда.

Мне показалось, что старый судья весело подмигнул доктору. Скорее всего, мне это действительно показалось, потому что он долго раздумывал, прежде чем ответил:

— Думаю, в таком деле испытание — вещь совершенно необходимая.

А потом он обратился к Джону Дулиттлу:

— А вы уверены, господин доктор, что выдержите испытание?

— Совершенно уверен, ваша честь, — ответил доктор.

— Если вы сумеете убедить нас, — продолжал судья, — что говорите на собачьем языке, я позволю псу обвиняемого выступить свидетелем. Но предупреждаю вас: если вы вздумаете водить нас за нос, то сегодня же предстанете перед судом. Я не позволю дурачить себя.

— Я протестую! Протестую! — не унимался крючконосый обвинитель. — Только подумать: привести в суд пса! Неслыханное оскорбление!

— Прошу вас сесть! — строго прикрикнул на него судья.

— С каким животным я должен сначала поговорить, чтобы убедить высокий суд? — спросил доктор.

— С моей собакой, — ответил судья. — Она ждет меня в гардеробной. Пусть ее приведут сюда. Посмотрим, посмотрим, на что вы способны.

Кто-то вышел и через две минуты вернулся с собакой судьи, породистой шотландской овчаркой, длинноногой, поджарой и с густой волнистой шерстью. У нее был такой же гордый и неприступный вид, как и у судьи.

— Вы когда-нибудь раньше видели мою собаку? — спросил судья. — Не забывайте, что вы поклялись на Библии говорить правду, и только правду.

— Нет, ваша честь, — отвечал доктор. — Я никогда раньше не видел вашу собаку.

— Прекрасно. Спросите у нее, что я ел на ужин вчера. Она сидела рядом со мной и все видела.

Доктор заговорил с собакой. Он морщил лицо, поднимал брови, подавал ей знаки руками, рычал, поскуливал и в конце концов рассмеялся, словно забыл про судью, адвокатов, прокуроров и публику.

В зале стояла тишина, и тут толстая дама позади меня громко, так что все услышали, зашептала:

— Да он смеется над нами! Слыханное ли дело — говорить с собакой! За кого он нас принимает? Мы не дети, чтобы поверить в басню о собачьем языке!

Судья тоже услышал ее слова и с недовольным видом спросил доктора:

— Как долго нам еще придется ждать? Неужели, чтобы спросить, что я ел на ужин, вам требуется десять минут?

— Нет, ваша честь, — ответил доктор, — собака мне уже давно сказала, что вы ели на ужин вчера, а теперь рассказывает, что вы делали после ужина.

— Это к делу не относится, — оборвал его досточтимый Длинн Макноски. — Отвечайте на мой вопрос.

— Собака сказала мне, ваша честь, что вы поужинали бараньей котлеткой, печеным картофелем и маринованными грецкими орехами и запили ужин стаканом светлого пива.

Судья смертельно побледнел.

— Это какое-то колдовство... — прошептал он. — Кто бы мог подумать... Ведь там, кроме собаки, никого не было...

— А после ужина, — как ни в чем не бывало продолжал доктор Дулиттл, — вы пошли посмотреть, как фехтует молодежь в спортивном клубе, а потом до полуночи играли в карты. Вернулись домой вы уже под утро и громко распевали: «Я обнимал ее до третьих петухов...»

— Достаточно, достаточно, — перебил доктора Дулиттла судья. — Вы меня убедили. Вызовите собаку обвиняемого, пусть она даст показания.

— Я протестую! — взвизгнул обвинитель. — Это неслыханно! Ваша честь, я протестую!

— Замолчите! — прикрикнул на него судья. — Я уже сказал: пусть собака даст показания.

Впервые за всю многолетнюю историю старой доброй Англии суд Его Королевского Величества выслушивал свидетельство собаки. А я, мальчишка по имени Том Стаббинс, провел Боба сквозь замершую от удивления толпу, с трудом удержался, чтобы не показать язык скривившемуся обвинителю, и усадил бульдога на высоком стуле, предназначавшемся для свидетелей. Старый пес скалил зубы и свысока поглядывал на изумленную публику.

Глава 7 РАЗГАДКА

А дальше все закружилось как в водовороте. Господин Дженкинс, адвокат, с торжествующим видом обратился к Джону Дулиттлу:

— Уважаемый доктор, будьте так добры, спросите у бульдога по кличке Боб, что он видел и слышал в ночь на двадцать девятое ноября тысяча восемьсот двадцать четвертого года.

И вот что сказал бульдог, а доктор перевел на человеческий язык:

— В то время я вместе с моим хозяином Лукой Фицджойном, известным вам под именем Луки-Отшельника, находился на одном из золотых приисков в Мексике. С нами были также его приятели Мануэль Мендоса и Вильям Баггс по кличке Билл Синяя Борода. Все трое были компаньонами и уже давно искали золото. Для этого они вырыли в земле глубокий колодец. Утром двадцать восьмого ноября они докопались до золотой жилы. Мой хозяин и его товарищи прыгали от радости, словно щенки, и говорили: «Наконец-то мы разбогатеем!» А к вечеру того же дня Мендоса и Билл Синяя Борода пошли прогуляться. Моего хозяина они не взяли с собой, и я заподозрил неладное. Поэтому я пошел за ними, чтобы подслушать, о чем они будут говорить. Я не напрасно подозревал их: Мендоса и Билл Синяя Борода спрятались в пещере и решили убить Луку, чтобы разделить между собой его золото.

— А где же свидетель Мендоса? — прервал пса досточтимый Длинн Макноски. — Пусть полицейские не спускают с него глаз.

Но было уже поздно: смуглый человек с водянистыми глазами успел потихоньку улизнуть из зала суда, пока вся публика затаив дыхание вслушивалась в слова Боба. С тех пор Мендоса никогда больше не показывался в Паддлеби.

— Потом я вернулся к хозяину, — продолжал бульдог, — и попытался предупредить его об опасности. Но как я ни старался, он ничего не понял, ведь он не умел говорить по-собачьи. Единственное, что я мог сделать, — это не оставлять его одного ни днем, ни ночью. А старатели уже взялись за дело. Один из них сажился в деревянную бадью и спускался на веревке на самое дно глубокого-преглубокого колодца. Там он долбил киркой землю, нагружал бадью золотыми самородками, а двое остальных тащили и его, и золото наверх.

— Уже начинало темнеть, — рассказывал Боб, — когда Билл Синяя Борода сказал, что сходит в соседнее селение за припасами. Но на полдороге он передумал и вернулся, чтобы мой хозяин и Мендоса не разделили уже добытое золото без него. Он спустился в колодец, набрал там золота, а когда Лука-Отшельник вытаскивал его наверх, в дверях хижины, где мы жили, показался Мендоса. Он увидел, что мой хозяин тянет из колодца тяжелую бадью. Он не знал, что Билл вернулся и сидит в бадье, поэтому достал из кармана револьвер и подкрался к Луке, чтобы подло выстрелить ему в спину. Я залаял, чтобы предупредить моего хозяина об опасности, но тот не замечал ничего вокруг, потому

что Билл Синяя Борода был очень тяжелым и вытащить его наверх, да еще с золотом, было делом очень непростым. Я понял, что, если не вмешаюсь, моего хозяина убьют, и, недолго думая, укусил его за ногу. Лука подпрыгнул от боли и сделал именно то, на что я и рассчитывал: он выронил из рук веревку и набросился на меня с бранью и кулаками. А Мендоса тем временем успел спрятать в карман револьвер и с улыбкой подошел к Луке. «Ай-ай-ай! Что же ты натворил! — закричал он, когда увидел, что в колодце лежит разбившийся насмерть Билл Синяя Борода. — Ты его убил! Я видел: ты уронил его нарочно, и теперь я должен рассказать все полиции».

Смерть Билла была ему на р-р-р-руку, — зарычал от негодования Боб. — Все золото доставалось ему одному. Поэтому он и решил засадить моего хозяина за решетку, прыгнул в седло и помчался верхом в ближайший город, чтобы вызвать полицию. К счастью, Лука сразу же сообразил, что все улики против него, что Мендоса наврет полицейским с три короба, лишь бы завладеть золотиносным участком, и что ему никогда не удастся доказать, что в смерти Билла виноват щенок бульдога по кличке Боб. И он бросил все и пустился в бегство, пока не вернулся Мендоса с полицейскими. Мы вернулись в Англию, и здесь Лука отрастил бороду и поселился на болоте, чтобы не быть узнанным. Пятнадцать лет мы с ним сторонились людей. Вот и все, что я могу рассказать о событиях в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое ноября.

Как только доктор закончил переводить на английский язык рассказ Боба, зал зашумел. Публика с трудом закрыла разинутые от удивления рты и зашепталась. Присяжные жалостливо покачивали головами, а один из них, седовласый старик, даже разрыдался, когда услышал, что Лука сам себя наказал пятнадцатилетней добровольной ссылкой. Но тут вновь вскочил со своего места обвинитель, замахал руками и завопил:

— Я протестую, ваша честь! Как я могу верить такому свидетелю? Собака выгораживает своего хозяина, это даже ребенку ясно! Вот если бы она рассказала, что Лука — убийца, тогда другое дело, тогда я поверил бы! Поэтому я протестую!

— Как обвинитель вы обязаны проверить показания свидетеля, — осадил его судья. — Пес перед вами, доктор Дулиттл любезно переведет ему ваши вопросы на собачий язык. Насколько я знаю, вы большой любитель перекрестных допросов. Приступайте.

Мне показалось, что противного обвинителя хватит удар. Он безмолвно переводил взгляд с бульдога на доктора, с доктора на судью, с судьи снова на бульдога. А Боб восседал на высоком стуле и скалил зубы. Обвинитель открыл было рот, но не издал ни звука. Потом он воздел руки к небу, лицо его побагровело, и он без сил рухнул на стул. Двое его друзей подхватили беднягу под руки и повели вон из зала, а он только визгливо вскрикивал:

— Я протестую! Это неслыханно! Я протестую...

Глава 8 ТРОЕКРАТНОЕ «УРА»

Затем судья встал и обратился к присяжным с длинной речью. Я не буду пересказывать, что он говорил, скажу только, что он уже не называл Луку убийцей.

Присяжные выслушали его и удалились. Тем временем доктор привел Боба ко мне и сел рядом. Бульдог улегся у его ног.

— А куда ушли присяжные?

— Они пошли совещаться, — объяснил мне доктор. — Сейчас они решают, виновен Лука или нет.

— А не могли бы вы с Бобом пойти с ними и подсказать им, как решить дело? — снова спросил я.

— Нет, нет, это запрещено. Присяжные совещаются тайно, и иногда это занимает несколько часов... Смотри, они уже возвращаются! Сегодня им не понадобилось и пяти минут.

Двенадцать присяжных сели на свои места, один из них, розовощекий коротышка с брюшком, встал лицом к судье.

Публика притихла. Я даже затаил дыхание, ожидая, что он скажет. В ту минуту в зале можно было бы услышать, как жужжит муха: все жители Паддлеби, собравшиеся там, сидели с вытянутыми шеями, боясь пропустить хоть слово.

— Досточтимые судьи, — сказал коротышка, — присяжные решили: обвиняемый Лука-Отшельник невиновен.

— Что это значит? — спросил я доктора.

Но доктор не ответил мне, я повернулся к нему и разинул рот от удивления: известный натуралист, доктор медицины Джон Дулиттл вскочил на стул и вытанцовывал на нем не хуже школьного озорника.

— Свободен! — вопил он. — Лука свободен!

— Значит, он отправится с нами в путешествие?

Ответа я не услышал из-за шума в зале. Мне показалось, что все как один сошли с ума. Одни, по примеру доктора, выкидывали немыслимые коленца, стоя на стульях, другие размахивали руками и бежали к Луке, третьи просто громко кричали. Все они радовались, что суд оправдал Луку. От шума дрожали стекла.

Но когда судья собрал свои бумаги и торжественно встал, чтобы покинуть зал, все вдруг умолкли и замерли. Досточтимый Длинн Макноски с блеском завершил дело, о котором до сих пор говорят не только в Паддлеби, но и во всей Англии. Когда он уже подошел к

двери, та вдруг неожиданно распахнулась, и в зал вбежала запыхавшаяся женщина. Она тянула руки к Луке и кричала:

— Лука! Наконец-то я тебя нашла!

— Это его жена! — прошептала толстая дама, которая теперь оказалась впереди меня. — Она искала его пятнадцать лет, бедняжка! Как я счастлива, что пришла сюда. — Тут дама шмыгнула носом и пустила слезу. — Я бы никогда в жизни не простила себе, что пропустила такое трогательное событие.

Люди окружили Луку, пожимали ему руки, смеялись и плакали от радости.

— Пойдем, Стаббинс, — сказал доктор. — Мы здесь больше не нужны.

— Вы не хотите поговорить с Лукой? — удивился я. — Вы передумали и в путешествие мы не отправимся?

— Отправимся, Стаббинс, непременно отправимся, — утешил меня доктор. — Но Лука с нами не поедет. Как видишь, к нему приехала жена. Они не виделись пятнадцать лет, и после такой долгой разлуки ни одному мужчине не под силу ускользнуть из дома. Пойдем-ка лучше домой, уже пора пить чай, а мы еще не обедали. Устроим себе пир — мы его заслужили.

В ту минуту, когда мы покидали зал, я услышал, что кто-то выкрикивает имя доктора.

— Джон Дулиттл! Где же он? — кричали сразу несколько голосов в толпе. — Где наш славный доктор? Если бы не он, не миновать Луке виселицы. Пусть доктор скажет речь! Мы хотим слушать доктора!

Кто-то подбежал к нам и ухватил доктора за рукав:

— Не уходите, доктор!

— Сожалею, — ответил доктор, — но у меня совершенно нет времени. Я спешу.

— Нельзя отказывать людям, — не сдавался человек. — Они требуют, чтобы вы произнесли речь на Ратушной площади.

— Поблагодарите их от моего имени, — не уступал доктор, — и скажите, что я приношу им свои глубочайшие извинения. Я действительно спешу — дома меня ждут неотложные дела. А речь им произнесет Лука, он сделает это не хуже меня.

С этими словами доктор Дулиттл ухватил меня за руку, и мы выбежали на улицу. Но и там нас ждала толпа людей.

— О Господи! — простонал доктор. — Попробуем-ка улизнуть от них по этой аллее!

Мы пустились наутек, пробежали по аллее, свернули в ближайший переулок и оказались на Воловьевой улице. Только здесь мы остановились и перевели дух. Со стороны Ратушной площади доносился многоголосый рев. Я прислушался.

— Ура! — ревела толпа. — Ура Луке-Отшельнику! Ура его собаке! Ура его жене! И трехкратное ура доктору! Ура! Ура! Ура!

Глава 9 ПУРПУРНАЯ РАЙСКАЯ ПТИЦА

Полинезия ждала нас в саду. У нее был такой вид, словно она собиралась огорошить нас неожиданным известием.

— Доктор! — громко и радостно проскрипела она, как только мы открыли ворота и вошли. — Прилетела Миранда!

— Ну наконец-то! — с облегчением вздохнул доктор. — Я уже беспокоился за нее. Как она себя чувствует?

Потому, как взволновался доктор и как у него задрожали руки, когда он открывал ключом дверь, я понял, что обед и чаепитие снова откладываются.

— Неплохо, на здоровье она не жалуется, — проскрипела Полли. — Долгое путешествие утомило ее. Но это пустяки. Беда в другом. Этот негодный воробышка, Горлопан, успел обидеть Миранду. Наша гостья заливается слезами и собирается не медля ни минуты лететь обратно в Бразилию. Я с трудом уговорила ее подождать тебя. А Горлопана я заперла в шкафу с книгами и пообещала рассказать все тебе, как только ты вернешься.

Доктор нахмурил брови и молча поднялся в кабинет.

Уже смеркалось, и в кабинете горели свечи. Крякки стояла рядом с книжным шкафом и караулила посаженного под замок Горлопана. Крикливый воробышка метался за стеклом и отчаянно чирикал. Как только мы вошли, он внезапно успокоился, нахохлился и с обиженным видом устроился на корешке толстой книги.

А посреди письменного стола на чернильнице сидела прекрасная птица. Она спрятала голову под крыло и спала, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Грудка у нее была темно-фиолетовая, крылья — пурпурные, а длинный хвост — золотой. Такой красивой птицы я никогда не видел.

— Тс-с-с, — шепнула Крякки. — Миранда очень устала. Пусть отдохнет с дороги. Негодник Горлопан ждет в шкафу. У мальчишки нет ни стыда ни совести. Лучше прогнать его отсюда, пока он не успел нашкодить. Подать вам чай сюда?

— Нет, мы пойдем на кухню, — сказал доктор. — Но прежде открой шкаф и выпусти Горлопана.

Утка открыла шкаф, и воробей выпорхнул. Всем своим видом Горлопан говорил, что здесь какое-то недоразумение, что его зря наказали и что его мучители еще поплатятся за это.

— Лети сюда, Горлопан, — строго сказал доктор. — Как ты встретил Миранду?

— Я не обмолвился с ней ни словечком, ни единым словечком, клянусь вам, доктор, — зачирикал воробей. — Как бы то ни было, я не обижал ее. Разве на правду обижаются? Я как раз клевал зернышки на тропинке, когда прилетела эта расфуфырка и стала вертеть головой по сторонам, словно невеста какая принцесса. И все только потому, что у нее в хвосте блестит пара цветных перьев. Да если хотите знать, один лондонский воробей стоит десятка таких райских птичек! Чего она так вырядилась? Зачем ее к нам принесло? Терпеть не могу нахальных иностранцев!

— Что же ты ей сказал? Почему она обиделась? — прервал его доктор.

— Ничего не сказал. То есть сказал только, что давно пора ощипать ее наголо, а перья пустить на дамские шляпки. А что, разве не так?

— Как тебе не стыдно, Горлопан, — укорял его доктор. — Миранда пролетела тысячи миль, чтобы встретиться со мной, а когда наконец оказалась в моем саду, бесстыжий желторотый воробей наговорил ей гадостей! Что ты себе позволяешь?! А если бы Миранда улетела и не подождала меня? Я никогда тебя не прощу! Убирайся вон!

Горлопан, явно обескураженный, попытался сохранить невозмутимый вид и выпорхнул в коридор. Доктор закрыл за ним дверь, подошел к прекрасной птице и ласково погладил ее по спине. Миранда встрепелась и вынула голову из-под крыла.

Глава 10 БОЛЬШАЯ СТРЕЛА, СЫН ЗОЛОТОЙ СТРЕЛЫ

— Мне очень жаль, что так случилось, Миранда, — сказал ей доктор. — Не обращай внимания на Горлопана. Он просто глупый шалопай и не умеет вести себя по-другому. всю жизнь он провел в большом городе, где ему приходилось сражаться за каждое зернышко, за каждую крошку. Ему надо многое прощать.

Миранда расправила свои чудесные крылья и стала еще прекраснее. Она огорченно покачивала маленькой, увенчанной диадемой головой, а на ее глазах блестели слезинки, клюв дрожал от обиды.

— Я бы пропустила его слова мимо ушей, — произнесла птица высоким серебряным голосом, — но я так устала... к тому же в последнее время неудачи преследуют меня...

— С тобой что-то случилось в дороге? — спросил доктор.

— Перелета труднее нельзя себе и представить, — ответила Миранда. — Дожди, ветры... но теперь не стоит об этом говорить. В конце концов я уже здесь.

— Скажи мне, — спросил доктор голосом, звенящим от нетерпения, — что ответил тебе Большая Стрела? Ты передала ему мое предложение?

Пурпурная райская птица понурила голову.

— Это самая большая неудача, — отозвалась она с грустью. — Я принесла плохие новости. Я не передала Большой Стреле твое послание, потому что нигде не смогла его найти. Большая Стрела, сын Золотой Стрелы, исчез.

— Исчез? — воскликнул доктор. — Что с ним случилось?

— Никто этого не знает. Он и раньше надолго пропадал, и иногда даже индейцы не знали, где его искать. Но скрыться от взора птиц невозможно, поэтому я посылала на его поиски сов или ласточек. Но на этот раз они не нашли Большую Стрелу, потому-то я и опоздала к вам на две недели. Я искала его всюду, я облетела Южную Америку вдоль и поперек, но никто, никто не мог сказать мне, где Большая Стрела.

В кабинете стало тихо. Доктор задумчиво сдвинул брови, а Полли почесала лапкой хохолок на макушке.

— А ты спросила у черных попугаев? — неожиданно вмешалась она. — Эти болтуны знают все и обо всем.

— Ну конечно, — ответила Миранда. — Я спросила у черных попугаев, у журавлей и даже у кондоров, но и они не видели Большой Стрелы. Я так расстроилась и разволновалась, что даже не спросила о погоде над Атлантическим океаном. Я забыла, что уже не июль, а август, и, вместо того чтобы остановиться на Азорских островах и осмотреться, бросилась очертя голову в дорогу. Разумеется, не успела я добраться до Гибралтара, как разразилась страшная буря. Я едва не погибла! Но когда ветер немного стих, я увидела на волнах обломки корабля, они-то и спасли мне жизнь. Сутки я сидела на перевернутой шлюпке, а когда отдохнула, снова пустилась в дорогу.

— Бедняжка, — сказал доктор. — Через какие опасные испытания ты прошла! Но ты хотя бы узнала, где в последний раз видели Большую Стрелу?

— Один молодой альбатрос говорил мне, что в последний раз его видели на Острове Паучьих Обезьян.

— На Острове Паучьих Обезьян? Если не ошибаюсь, это где-то рядом с берегами Бразилии?

— Да, доктор. Как вы сами понимаете, я сразу же полетела туда и расспросила всех птиц на острове. А остров, поверьте, очень большой. Птицы в один голос говорят, что в

последний раз видели Большую Стрелу в горах, где он искал лечебные травы. А ручной сокол вождя островитян сказал, что Большая Стрела гостил у его хозяина. Но меня там чуть не поймали и не посадили в клетку. Красивые перья — сущее наказание, стоит присесть на ветку рядом с людьми, как тут же тебя норовят или подстрелить, или поймать в силки. В мире есть только два человека, к которым я не боюсь приближаться, — это доктор Дулиттл и Большая Стрела.

— Так никто и не знает, остался ли он на острове или отправился куда-то дальше? Не случилось ли с ним беды? — спросил доктор с тревогой в голосе.

— Боюсь, что да, — ответила Миранда.

— Если я не встречу с Большой Стрелой, то это будет самой большой неудачей в моей жизни. И какая потеря для науки! Судя по твоим рассказам, Большая Стрела знает и понимает живую природу лучше, чем все ученые, вместе взятые. Я должен записать все, что ему известно, и сохранить его знания для человечества. Неужели он и в самом деле погиб?

— Боюсь, что да, — повторила Миранда и залилась слезами. — Прошло шесть недель с тех пор, как его видели в последний раз! И теперь ни звери, ни птицы, ни рыбы не знают, где он.

Глава 11 ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕДАННЫЕ ДАЛИ

Неутешительная новость встревожила нас. Во время запоздалого обеда доктор молчал. Он рассеянно ковырял вилкой рагу, а иногда даже забывал о еде и рассматривал узоры на скатерти. По-видимому, мысли доктора витали далеко от Паддлеби. И тогда Крякки начинала покашливать и греметь кастрюлями, чтобы отвлечь доктора от его дум и заставить его подкрепиться.

Я попытался ободрить доктора и напомнил ему, что в тот день он уже сделал доброе дело: спас Луку-Отшельника от виселицы. А когда моя детская лесть не подействовала, я заговорил о подготовке к путешествию.

— Видишь ли, Стаббинс, — сказал доктор, когда мы встали из-за стола, а Крякки и Чи-Чи принялись мыть посуду, — теперь я даже не знаю, куда нам ехать. Новости, принесенные Мирандой, выбили меня из колеи. Еще раньше я решил, что обязательно навещу Большую Стрелу, я мечтал об этом и надеялся, что с его помощью выучу язык обитателей моря, а может быть, даже найду способ побывать на морском дне. И вот он исчез, исчез бесследно, а с ним и все его знания.

И доктор снова задумался.

«Подумать только, — шептал он про себя, — я никогда не встречался с Большой Стрелой, но мне всегда казалось, что мы с ним давно знакомы. Он никогда ничему не учился, но делал то же, что и я, по-своему и даже лучше. А теперь он исчез!»

Мы вернулись в кабинет. О'Скалли принес туда трубку и мягкие шлепанцы доктора. Дым ароматного табака расплывался по комнате, а доктор понемножку приходил в себя.

— Но ведь мы все равно куда-нибудь поедem, господин доктор? — спросил я. — Неужели мы останемся дома, если Большая Стрела не найдется?

Доктор с любопытством взглянул на меня, и мне показалось, что он понял мое беспокойство. Он вдруг улыбнулся своей обычной мальчишеской улыбкой и сказал:

— Не волнуйся, Стаббинс. Конечно, мы поедem. Даже если Большая Стрела погиб, нам нельзя прекращать работу и учебу. Вопрос в другом: куда ехать? Куда?

В голове у меня замелькали названия дальних стран и тропических островов, и я никак не мог решиться произнести хотя бы одно из них вслух. Пока я раздумывал и колебался, доктор встал с кресла и сказал:

— Я уже знаю, что мы сделаем, Стаббинс. Я предлагаю тебе увлекательную игру. Я часто играл в нее в молодости. Я сам ее придумал и назвал «Путешествием в неизведанные дали». Когда мне хотелось отправиться в путешествие, но я не мог решить, куда ехать, я с закрытыми глазами открывал наугад географический атлас и, также зажмурившись, тыкал карандашом в страницу. А потом открывал глаза и смотрел, куда показывает кончик карандаша. Игра эта азартная, потому что я клялся непременно отправиться в то место, куда попал карандашом. Сыграем?

— Конечно! — вскричал я в восторге. — Как это здорово! А вдруг нам выпадет Китай! Нет, лучше Борнео! Нет, лучше всего Багдад!

Продолжая выкрикивать названия дальних мест, я быстро вскарабкался на верхнюю полку книжного шкафа и достал оттуда большой атлас.

Я знал наизусть каждую страницу, сколько раз днем и ночью я рассматривал эти пожелтевшие от старости карты! Сколько раз я мысленно путешествовал вдоль голубых рек от их горных истоков до самого устья! Маленькие точки городов в моем воображении превращались в улицы и площади, а пятнышки озер — в глубокие темные воды.

Пока доктор чинил карандаш, мне пришла в голову неожиданная мысль.

— А что делать, если карандаш попадет на Северный полюс? Неужели мы отправимся и туда?

— Нет. По условиям игры нельзя посещать дважды одно и то же место, а на Северном полюсе я уже был, — преспокойно ответил доктор. — Именно поэтому мы туда и не поедem.

У меня рот открылся от изумления.

— Неужели вы уже побывали на Северном полюсе? — с трудом выдавил я из себя. — А я думал, что это еще никому не удалось. Вот тут на карте показано, куда сумели дойти путешественники, искавшие Северный полюс. И возле каждой точки стоят их имена. Почему же возле Северного полюса на карте не написано крупными буквами: Джон Дулиттл?

— Я обещал держать это в тайне. И ты обещаю мне, что никому не скажешь. Я открыл Северный полюс в тысяча восемьсот девятом году. Но прежде чем я уехал оттуда, ко мне пришли белые медведи и рассказали, что на полюсе под толстым слоем снега находятся залежи каменного угля. Медведи знают, что люди способны на что угодно и проберутся куда угодно, лишь бы только заполучить уголь. И тогда погибнет прекрасная Страна Белого Безмолвия, а белым медведям, привыкшим к холоду, негде будет жить. Теперь ты понимаешь, почему я держу в тайне открытие полюса? Конечно, когда-нибудь люди непременно доберутся туда, но пока пусть белые медведи гуляют без страха по снежным полям. Думается, что человек еще не скоро обоснуется на Северном полюсе. В конце концов, это чертовски далеко. Ну как, ты готов? Бери карандаш и становись у стола. Открывай наугад атлас, опиши карандашом три круга в воздухе и опускай его на страницу. Закрывай глаза!

Это были минуты великого ожидания. Я крепко зажмурился. С шелестом раскрылся атлас, и я мысленно пытался угадать, какая страна вычерчена тонкими линиями на бумаге. Неужели Азия? Только бы не Англия! А если острый кончик карандаша попадет туда, где доктор уже был?

Я описал карандашом три круга в воздухе и опустил руку.

— Свершилось! — воскликнул я.

Глава 12 ПРИХОТЬ СУДЬБЫ

Мы с доктором открыли глаза и поспешно склонились над раскрытым атласом, чтобы проверить, куда же нам предстоит отправиться в путешествие. И столкнулись лбами!

Перед нами лежала карта Атлантического океана, и конец карандаша упирался в маленький островок. Доктор надел очки и склонился еще ниже, чтобы прочесть его название, написанное крохотными буквами. От нетерпения меня била дрожь.

— Остров Паучьих Обезьян, — медленно прочитал доктор и даже присвистнул от неожиданности. — Поразительно! Ты попал карандашом в остров, где в последний раз видели Большую Стрелу. Как это странно!

— Мы поедем туда, доктор? — спросил я.

— По правилам игры мы непременно должны поехать туда.

— Как хорошо, что я не попал в Бристоль и какой-нибудь другой город в Англии, — отозвался я. — Это будет чудесное путешествие! Посмотрите, как много морей нам придется пересечь! А сколько времени нам понадобится, чтобы добраться туда?

— Не очень-то и много. На хорошем судне и при попутном ветре мы доберемся туда в четыре недели. И все же как странно, что из тысячи островов на земном шаре ты по прихоти судьбы выбрал Остров Паучьих Обезьян! Ну да ладно! Даже если это случайное совпадение, хорошо уже то, что там я найду жуков из рода ябизри.

— Из рода? А что это за род? — спросил я.

— Эти жуки очень редки, они чем-то похожи на майских жуков, но отличаются весьма странными свойствами. Их можно встретить лишь в трех местах в мире, и одно из них — Остров Паучьих Обезьян.

— А что значит вон тот вопросительный знак возле названия острова? — полюбопытствовал я, указывая на карту.

— Это значит, что точное положение острова пока неизвестно, вполне возможно, что мы станем первыми белыми людьми, которые высадутся на Острове Паучьих Обезьян. Боюсь, что найти этот островок в океане будет не так-то просто. Но ведь мы не боимся трудностей, правда, Стаббинс?

— Держу пари, что это будет замечательное путешествие! — воскликнул я. — А остров окажется замечательно красивым! А там живут чернокожие?

— Нет. Миранда говорит, что на острове живет неизвестное племя индейцев.

Увлеченные игрой, мы забыли, что рядом дремлет усталая Миранда, и разбудили ее своими криками.

— Мы отправляемся на Остров Паучьих Обезьян, — сказал ей доктор, когда птица вздрогнула, открыла глаза и уставилась на нас. — Ты знаешь, где он находится?

— Я знаю, где он был месяц тому назад, но где он теперь? — загадкой ответила птица.

— Что значит — где он теперь? — удивился доктор. — Все острова стоят на своих местах и не плавают взад-вперед по морю.

— В том-то и дело, что Остров Паучьих Обезьян — плавучий остров, — сказала Миранда. — Правда, он плавает вблизи берегов Южной Америки и не заплывает далеко в океан. Разумеется, я его отыщу, если вы захотите отправиться туда.

Я дрожал от нетерпения. Какой мальчишка сможет долго сдерживаться и не поделиться с кем-нибудь такой необыкновенной новостью? Подпрыгивая от радости, я пулей вылетел из кабинета. Для начала я расскажу о путешествии Чи-Чи.

В дверях я столкнулся с Крякки. Наша экономка шла вразвалочку по коридору и бережно несла в крыльях высокую стопку тарелок. Мы столкнулись, растянулись на полу. Послышался тонкий звон разбитого фарфора.

— Этот мальчишка спятил! — гневно закричала утка. — Куда ты несешься как угорелый?

— На Остров Паучьих Обезьян! — вскричал я, вскакивая на ноги. — На Остров Паучьих Обезьян!

— Скорее в дом умалишенных, — продолжала браниться Крякки. — Ты посмотри, во что ты превратил наш лучший фарфор!

Но я был слишком счастлив, чтобы обращать внимание на крики утки, затянул матросскую песню и помчался вниз по лестнице на кухню в поисках Чи-Чи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1 КОМАНДА В СБОРЕ

Мы сразу же, не откладывая в долгий ящик, начали готовиться к путешествию.

Наш друг Джозеф провел «Ржанку» вниз по реке и пришвартовал ее у Королевского моста. Три дня мы грузили припасы на корабль. Я не мог на него налюбоваться, до того он был красивый и ладный. Внутри располагались три небольшие каюты и столовая — как объяснил мне Джо, моряки называют ее кают-компанией. Там же была просторная кладовая для провизии, запаса парусины, свернутых кольцами канатов и других столь же необходимых на море вещей.

По-видимому, Джо успел раструбить по всему городу, что мы собираемся в путешествие. На причале толкались зеваки и с любопытством глазели, как мы таскаем на судно тюки, ящики и бочонки. Конечно, и Мэтьюз Магг тоже был тут как тут.

— Здорово, Том! — окликнул он меня, когда я поднимался по трапу с мешком муки на плечах. — Какой замечательный у вас корабль! И куда же держит путь доктор?

— На Остров Паучьих Обезьян, — ответил я гордо.

— Он берет с тобой только тебя?

— Доктор говорит, что нам нужен еще один человек, но мы до сих пор никого не подобрали.

Мэтьюз пробормотал что-то себе под нос и окинул долгим взглядом стройные мачты «Ржанки».

— Я бы тоже с большой охотой поплыл с доктором, — сказал он с грустью, — да только куда мне с моим ревматизмом. Когда вижу готовый к отплытию корабль, меня прямо

тоска берет — до того мне хочется попутешествовать по дальним странам. Я ведь всю жизнь любил всяческие приключения. А что у вас вон в том бочонке? Уж не ром ли?

— Сироп, — ответил я, — тридцать фунтов превосходного сладкого сиропа.

— Боже мой, — вздохнул Мэтьюз Магг и отвернулся, — мне так хочется отплыть вместе с вами! Да вот только колени у меня так болят, что жизнь не мила...

Я хотел было снова взвалить мешок на плечи и тащить его на корабль, но мне помешал большой, грузный мужчина с рыжей бородой и синей татуировкой на руках. Он подошел ко мне, вытер ладонью рот, сплюнул, задумался, сплюнул еще раз и наконец спросил:

— Где твой шкипер, малец?

— Шкипер?

— Ну да, шкипер. Где капитан этой посудины? — и он ткнул своим толстым пальцем на «Ржанку».

— Так вы спрашиваете доктора Дулиттла? Он скоро придет.

В ту же минуту из-за угла появился доктор, нагруженный сачками для ловли бабочек, банками, склянками, аквариумами и всем прочим, что нужно натуралисту. Толстяк оставил меня, подошел к доктору и уважительно приподнял шляпу.

— Добрый день, капитан, — поздоровался он. — Я слышал, вы набираете команду для опасного плавания? Меня зовут Бен Батчер, спросите обо мне в любом порту всех океанов, и вам всякий скажет, что другого такого моряка не найти.

— Рад познакомиться с вами, — ответил доктор, — но боюсь, что не смогу воспользоваться вашими услугами. Попросту говоря, у меня нет денег, чтобы нанять большую команду.

— Судно у вас не маленькое, — настаивал моряк, — и вы не справитесь с морскими бурями вдвоем с мальчуганом. Вам нужен я, и никто другой!

И он принялся рассказывать о судах, отправившихся на дно только потому, что на них была слишком маленькая и неопытная команда. Он живописал штормы и смерчи, подводные рифы и отмели. Он даже вытащил из кармана бумагу, назвал ее свидетельством и показал доктору и даже мне. В бумаге действительно было написано, что Бен Батчер — доблестный моряк.

«Доблестный моряк» долго страшал нас кораблекрушением и умолял взять его в команду, если нам дорога жизнь. Однако доктор был непреклонен, и Бен Батчер удалился с обиженным видом. Прежде чем уйти, он напроорочил нам ужасную гибель в пучине моря.

От посетителей в то утро у нас не было отбоя. Как только доктор скрылся в каюте, на причале появился новый гость. Это был чернокожий. До сих пор я видел негров только на рисунках, с перьями в волосах, луками, стрелами и увешанных бусами. Этот же щеголял в модном сюртуке с длинными полами и огромном ярко-красном галстуке. На его курчавой голове сидела соломенная шляпа с цветной лентой, а над головой он держал большой зеленый зонт. Он выглядел бы настоящим джентльменом, будь у него на ногах хоть какая-то обувь — чернокожий щеголь разгуливал босиком.

— Прощу прощения, — сказал он и отвесил мне поклон, — я ищу доктора Дулиттла. Не его ли это корабль?

— Да, — ответил я. — Вы хотите его видеть? Как мне о вас доложить?

— Я — принц Бед-Окур Кебаби, наследник престола Ума-Лишинго.

Я тут же помчался к доктору.

— Какая радость! — воскликнул Джон Дулиттл. — Мой старый друг Бед-Окур!

И он выбежал на палубу, даже забыв надеть цилиндр.

Странный чернокожий радовался встрече с доктором как маленький ребенок. Он тряс то одну, то другую руку доктора, заглядывал ему в глаза и широко улыбался.

— Мне сказали, что вы, доктор, собираетесь в долгое плавание, и я сразу же пустился в путь, чтобы успеть повидаться с вами. Как хорошо, что я не опоздал!

— Вам помог случай, — ответил доктор. — Нам пришлось отложить путешествие, чтобы набрать команду. Если бы не это, мы отплыли бы уже три дня тому назад.

— Вам не хватает людей? — спросил Бед-Окур. — А сколько матросов вам требуется?

— Всего один. Желающих много, но они нам не подходят.

— Это знак судьбы! — воскликнул черный принц. — Может быть, я вам подойду?

— Замечательно! — обрадовался доктор. — А как же ваша учеба? Мне говорили, вы теперь учитесь в Оксфорде.

— Пора устроить каникулы, — улыбнулся Бед-Окур. — Мой дорогой отец, король Ума-Лишинго, сказал мне, что я должен посмотреть мир и чему-нибудь научиться. Вы, доктор, человек ученый, и если я отправлюсь в путешествие вместе с вами, то, думаю, мне это будет полезнее, чем занятия в университете. Нельзя упускать такой случай!

— Как вам понравилось в Оксфорде?

— Меня там измучили две вещи: алгебра и башмаки. От алгебры у меня болит голова, а от башмаков — ноги. Сегодня поутру, прежде чем уехать, я выбросил башмаки в

придорожную канаву, а алгебру — из головы. Но вообще-то мне там понравилось. Профессора просто без ума от меня и говорят, что у них никогда не было такого ученика, как я. А еще я очень полюбил Цицерона.

— Как? Вы уже прочли на латыни великого римского оратора Цицерона?

— Какая латынь? Какой римский оратор? — в свою очередь удивился черный принц. — Я знаю одного Цицерона — пса университетского сторожа. Мы с ним большие друзья.

Доктор задумчиво смотрел на босые ноги Бед-Окура.

— Да-да, — бормотал он себе под нос. — Принц прав. Посмотреть мир и чему-то научиться намного важнее, чем получить университетский диплом. Милости прошу, — добавил он громко, — мы будем очень рады вам.

Глава 2 В ПУТЬ

Через два дня мы были готовы отплыть.

О’Скалли так долго и так настойчиво просил доктора взять его с собой, что тот в конце концов уступил. С нами также отправлялись Полли и Чи-Чи. Прочие звери оставались на попечении Крякки.

Как это обычно и бывает, в последнюю минуту оказалось, что мы забыли захватить уйму нужных и полезных вещей, и вышли из дома нагруженные выше головы коробками и свертками.

На полпути к порту доктор вдруг вспомнил, что оставил на огне суп. К счастью, мимо пролетал черный дрозд, и доктор чирикнул ему просьбу слетать к нему домой и сказать Крякки о супе.

На причале собралась большая толпа провожающих. У трапа стояли мои родители. Я боялся, что они расплачутся и прощание превратится в пытку. Но все обошлось: конечно, мать пустила слезу, надавала мне наставлений, чтобы я вел себя хорошо, укутывал горло и не промочил ноги, а отец только сказал: «Долгие проводы — долгие слезы», хлопнул меня по плечу и пожелал счастливого пути.

Доктор неприятно удивился, когда не увидел среди провожающих Мэтьюза Магга.

— А я-то надеялся, что он придет, — сокрушался доктор. — Я хотел попросить его, чтобы он носил еду моим зверям.

Наконец после многочисленных рукопожатий, объятий и пожеланий счастливого пути мы оказались на палубе и с трудом подняли якорь. Отлив подхватил «Ржанку», и судно медленно отчалило. Толпа на берегу кричала «ура» и махала нам вслед платочками.

По правде говоря, нам здорово не хватало сноровки. Для начала мы столкнулись с баржей и чуть не опрокинули ее, а за поворотом реки сели на мель, и нам пришлось изрядно потрудиться, прежде чем мы смогли продолжить путь. Но доктор не обращал внимания на такие пустяки.

— Мелкие неприятности неизбежны в любом деле, — невозмутимо говорил он, шаря руками в мутной воде в поисках потерянного башмака. — То ли дело плыть по открытому морю. По крайней мере, там не натыкаешься на каждом шагу на препятствия.

Я никогда не забуду, как запела моя душа, когда берег и маленький маяк в устье реки остались позади. Впереди меня ждали море, небо и приключения.

На долгие недели «Ржанка» превращалась в наш дом, в нашу улицу, в нашу землю, в наш сад. Среди необъятного моря она казалась совсем крохотной, но я чувствовал себя на ее борту удивительно уютно и безопасно.

Я глубоко вдохнул морской воздух и огляделся вокруг. Доктор стоял за штурвалом, «Ржанка» плавно опускалась и поднималась, легко взбираясь на крутые волны. Признаться честно, до отплытия я побаивался, что у меня начнется морская болезнь, но теперь с радостью убедился, что мне не угрожает такая постыдная для моряка хворь. Бед-Окур добровольно взял на себя обязанности кока, то есть корабельного повара, и пошел готовить обед. Чи-Чи укладывала якорный канат кольцами, по-морскому — в бухту. А мне предстояло принайтовать, как говорят на берегу — закрепить, все, что было на палубе, на случай шторма. О’Скалли сидел на носу судна. Его острые глаза высматривали у нас по курсу мели, скалы и остовы затонувших кораблей.

Словом, каждый был занят своим делом. Даже старушка Полли не сидела сложа крылья и время от времени опускала в воду термометр, чтобы проверить, не похолодала ли вдруг вода и не заплыл ли случайно в наши широты айсберг. Внезапно я услышал, как она тихо бранится про себя: наступили сумерки, и Полли не могла разглядеть маленькие цифры на термометре. И только тогда я окончательно уверился, что мое путешествие началось в самом деле и что эту ночь я проведу в открытом море.

Глава 3 НАЧИНАЮТСЯ НЕПРИЯТНОСТИ

Перед ужином из камбуза вышел Бед-Окур и обратился к доктору, стоявшему за штурвалом:

— Доктор... то есть капитан, у нас в трюме «заяц»... то есть не настоящий заяц... — запутался он и смутился. — Словом, капитан, за мешками с мукой сидит человек.

— Вот те на! — воскликнул доктор. — Стаббинс, спустись с Бед-Окуром вниз, и приведите сюда этого «зайца». Я не могу бросить штурвал.

Мы с Бед-Окуром спустились в трюм и вытащили из-за мешков человека, обсыпанного с головы до ног мукой. Мы отряхнули его и, пока он чихал и кашлял, без хлопот выволокли

на палубу и поставили перед капитаном. «Зайцем» оказался не кто иной, как Мэтьюз Магг!

— Что вы здесь делаете? — несказанно удивился доктор.

— Соблазн оказался сильнее меня, — ответил «кошачий кормилец», потупив глаза. — Сколько раз я просил вас взять меня с собой в путешествие, а вы всегда мне отказывали. А тут я узнаю, что вам нужен матрос в команду, и думаю: «А что, если тебе, Мэтьюз, спрятаться в трюме? А когда корабль выйдет в открытое море, доктор волей-неволей оставит тебя. Не бросит же он тебя за борт!» Вы меня знаете — что задумал, то сделаю. Да только вышло все не так складно, как хотелось. Когда я свернулся калачиком за мешками и пролежал так весь день, у меня снова разыгрался ревматизм. Пришлось мне вытянуть ноги, а ваш черный кок едва не споткнулся о них. Вот так все и произошло. А почему это шхуну так сильно качает? И ветер что-то крепчает... Уж не приближается ли шторм? Похоже, я сгруппировался, и не след мне с моим ревматизмом соваться в море.

— Хорошо, что хоть теперь вы это поняли, Мэтьюз, — журил его доктор. — С вашими болезнями морские путешествия противопоказаны. Удовольствия вам они уж точно не доставят. Поэтому мы зайдем в Пензанс и высадим вас там на берег. Бед-Окур, будь добр, спустись в мою каюту, там в кармане моего халата лежит лочия с морскими картами. Принеси, пожалуйста, ее сюда. Надо бы проверить, где там стоят маяки и как нам войти в порт.

— Есть, капитан, — сказал принц, сделал поворот кругом и затопал к трапу.

— А вы, Мэтьюз, — продолжал доктор, — доберетесь на дилижансе из Пензанса до Бристоля, а оттуда до Паддлеби уже рукой подать. И не забудьте каждый четверг приносить еду моим зверям. И неплохо бы на следующей неделе побаловать выдр кусочком трески побольше — у них будет день рождения.

Пока Бед-Окур ходил за лочией, я и Чи-Чи зажгли бортовые огни: зеленый — по правому, а красный — по левому борту и белый ходовой огонь на мачте.

— А вот и наш принц с лочией, — сказал доктор, услышав шаги.

Но, к нашему изумлению, на палубу вышел не только Бед-Окур. За ним, понутив головы, следовали еще двое.

— Боже мой, кого еще ты нашел?! — воскликнул доктор.

— Еще двоих «зайцев», — выступил вперед черный принц. — Они спрятались под кроватью в вашей каюте, капитан.

— Ну нет, это уж слишком, — отозвался доктор слабым голосом. — Кто они? Подай-ка сюда фонарь, Стаббинс. Я не могу рассмотреть их в темноте.

Я поднес фонарь к лицам непрошенных пассажиров и чуть не выронил его от неожиданности. Это были Лука-Отшельник и его жена! Женщина стояла бледная и несчастная — она жестоко страдала от морской болезни. Лука, переминаясь с ноги на ногу, виноватым голосом рассказал, что их вынудило тайком пробраться на корабль.

Когда вновь нашедшие друг друга супруги вернулись в сторожку на болоте, каждый день к ним стали приходить целые толпы любопытных, желающих узнать подробности о необыкновенном судебном деле. Жизнь превратилась в пытку, и они решили бежать. Но у них не было ни гроша, поэтому они и решились на такой отчаянный шаг.

Растерянный Лука не переставал извиняться и все повторял: «Если бы не жена, я никогда не пошел бы на то, чтобы плавать «зайцем» на корабле доктора».

А доктор уже послал Бед-Окура за саквояжем с лекарствами и хлопотал вокруг бедной женщины, укачавшейся на волнах. Потом он предложил им денег взаймы и пообещал высадить на берег в Пензансе, а также написать письмо одному из своих друзей с просьбой подыскать Луке работу.

Когда доктор открыл кошелек и вынул из него несколько золотых монет, Полли, сидевшая на моем плече, встрепенулась. Она проводила глазами исчезнувшие в кармане Луки монеты и недовольно забормотала:

— Что ни день — одно и то же. С таким трудом он накопил деньги на путешествие, а теперь раздает их направо и налево. А потом мы сами останемся без гроша, и если придется заменить якорь или паруса, то у нас не будет денег даже на двухпенсовую марку, чтобы отправить письмо в Англию и попросить взаймы. Куда уж проще подарить шхуну первому встречному и возвратиться домой пешком.

Доктор смотрел в карту, поглядывал на компас, время от времени поворачивал штурвал. Я не понимал, как мы сможем ночью подойти к берегу, если не было видно ни зги и только где-то вдали горел огонь маяка. Однако судно уверенно шло вперед, то слева, то справа до нас доносился шум бурунов у скал, но мы, благодаря чуду, а может быть, удивительному умению доктора, обходили их.

К одиннадцати вечера мы вошли в Пензанс, небольшой уютный порт в Корнуэлле. Доктор спустил на воду шлюпку и доставил в ней на берег незваных пассажиров, снял для них комнаты в гостинице, привел в чувство измученную качкой жену Луки и вернулся на борт «Ржанки».

Было уже за полночь, поэтому мы решили заночевать в порту и продолжить путь утром.

Я был взбудоражен событиями дня, полон впечатлений и совершенно не хотел спать, но так устал, что даже засмеялся, когда добрался до постели. Моя койка располагалась над койкой доктора, я вытянулся на ней, укрылся одеялом и неожиданно заметил, что могу, не отрываясь от подушки, смотреть в иллюминатор. Вдали горели огни Пензанса, они раскачивались вверх и вниз, в такт движениям нашего судна. Не знаю почему, но мне

показалось, что меня одновременно убаюкивают и показывают театральный спектакль. До сих пор, убей меня Бог, не знаю, откуда мне в голову пришло такое сравнение.

Не успел я подумать, что морская жизнь как раз по мне, как уснул.

Глава 4 НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На следующий день во время завтрака, когда мы уписывали за обе щеки ветчину и почки под белым соусом, доктор сказал:

— Как ты думаешь, Стаббинс, что будет лучше: остановиться на несколько дней у острова Капа-Бланка или же плыть напрямик в Бразилию? Миранда говорила, что по меньшей мере еще четыре недели погода в Атлантике не испортится.

— Мне кажется, — сказал я, выливая в себя последние капли замечательно сладкого какао, — что лучше воспользоваться хорошей погодой и поскорее добраться до Бразилии. К тому же Миранда ждет нас и будет беспокоиться, если через месяц мы не встретимся в условленном месте.

— Конечно, ты совершенно прав, Стаббинс, однако остров Капа-Бланка — замечательное место для отдыха, кроме того, это последний порт по пути в Бразилию, где мы можем запастись провизией и подштопать корабль.

— А как далеко отсюда до Капа-Бланки? — спросил я.

— Не больше недели пути, — ответил доктор. — В ближайшие два дня мы будем идти тем же курсом, поэтому решим попозже, заходить на Капа-Бланку или нет. Если ты уже сыт, пойдем на палубу поднимать якорь.

Вокруг «Ржанки» с криком носились стаи белых и серых чаек. Их перышки поблескивали в лучах восходящего солнца. Птицы высматривали на воде корочки хлеба, которые им обычно бросают пассажиры.

Мы подняли якорь, приятный, легкий ветерок заполнил паруса. На этот раз нам удалось выйти в открытое море без неожиданных помех. Навстречу нам, в Пензанс, шли рыбацкие баркасы. Рыбаки возвращались с ночного лова. Их суденышки, чистенькие и красивые, были похожи на солдат, шагающих в ногу в строю, — они плавно двигались вперед, а кирпичного цвета паруса покачивались над белыми гребешками волн.

Три последующих дня прошли без особых происшествий. За это время мы втянулись в жизнь на борту и привыкли к своим обязанностям. Доктор был очень занят и все же умудрялся выкроить час-другой, чтобы научить нас нести вахту, стоять у штурвала, управляться с парусами при попутном и встречном ветре. Мы разделили двадцать четыре часа на три вахты, чтобы каждый из нас мог отдыхать восемь часов и шестнадцать — работать. Таким образом, двое из команды всегда были на вахте.

За всеми нами непрерывно присматривала Полли. Она была самым старым морским волком среди нас и, думается, более «доблестным моряком», чем Бен Батчер, так настойчиво набивавшийся к нам в команду. Только изредка она позволяла себе вздремнуть на солнышке, да и то при этом придерживала одной лапкой штурвал. Благодаря ее бдительному оку никому из нас не удавалось поспать больше восьми часов в сутки. Она следила за сменой вахт по корабельному хронометру, и стоило кому-нибудь из нас опоздать на минуту, как строгая птица уже летела в каюту и клевала соню и лентя в нос.

Вскоре я хорошо узнал и полюбил нашего черного принца Бед-Окура Кебаби. Я привык к его изысканно-вежливому обхождению и уже не обращал внимания на босые ноги, о которые то и дело кто-нибудь спотыкался. Он был намного старше меня и даже учился в университете, но не задирал нос и обращался ко мне как к равному. Доктор был совершенно прав, когда решил взять его с собой в путешествие, несмотря на то что наследник престола Ума-Лишинго ничего не смыслил в морской науке.

На четвертый день нашего путешествия, когда я сменил доктора у штурвала, прибежал Бед-Окур и сказал:

— Капитан, у нас ветчина уже на исходе.

— Ветчина на исходе? — удивился доктор. — Это невозможно! Мы взяли с собой в дорогу сто двадцать фунтов ветчины. Не могли же мы всю ее съесть за четыре дня! Куда она исчезла?

— Не знаю, капитан, — развел руками Бед-Окур. — Всякий раз, как я захожу в кладовую, вижу, что ее становится все меньше и меньше. Крысы не могли ее всю слопать, не такие уж они большие обжоры.

Полли, прогуливавшаяся взад-вперед по вантам, проскрипела:

— Так не может продолжаться. Том, иди с нами, посмотрим, кто повадился в нашу кладовую. Если мы не изловим воришку, через неделю придется затягивать пояса потуже.

Тихонько как мышки мы спустились по трапу и заглянули в кладовую. И вдруг услышали, что в дальнем темном углу кто-то храпит.

— Так я и думала, — шепнула Полли. — Еще один «заяц», но размером со слона. Полезайте туда и вытащите его на свет божий. Кажется, он устроился вон за той бочкой. Господи, похоже, мы взяли с собой в плавание полгорода! Словно мы не уважаемые путешественники, а паромщики, катающие публику взад-вперед за пару грошей.

Бед-Окур и я, с фонарем в руке, переступая через ящики и мешки, добрались до темного угла. Там и в самом деле лежал здоровенный детина и сладко спал. Я толкнул его.

— Кто? Что случилось? — забормотал он во сне, так и не открыв глаз.

Бед-Окур поднес фонарь к его лицу, и я узнал детину: это был «доблестный моряк» Бен Батчер!

При его виде Полли взорвалась как петарда:

— Что за нахал! Где это видано? Самый бесполезный для нас человек — и тот увязался за нами! От такой наглости перья на голове встают дыбом!

— Не лучше ли, — предложил Бед-Окур, — пока он спит, стукнуть его по голове и выбросить за борт?

— Нет, ты заработаешь кучу неприятностей и большую головную боль, — ответила Полли.

— Не понимаю тебя, — удивился Бед-Окур. — Почему голова будет болеть у меня, если я стукну его?

— Потому что ты не в Ума-Лишинго, о чем я искренне сожалею, — зашипела на него Полли. — К тому же он слишком толст и не пролезет в иллюминатор. Будите его и ведите к доктору.

Мы так и сделали. Доктор стоял у штурвала и ошарашенно смотрел на Бена Батчера.

— Вот вам еще один любитель прокатиться на дармовщину, капитан, — доложил, вытянувшись в струнку, Бед-Окур.

Лицо доктора скривилось, словно его укусил в щеку комар, но он тут же взял себя в руки. А «доблестный моряк» сорвал с головы шляпу и с достоинством поклонился.

— Добрый день, капитан, — сказал он. — Доблестный моряк Бен Батчер к вашим услугам. Я ведь чувствовал, что вам без меня не обойтись. Поэтому я пошел против собственной совести и пробрался тайком на вашу шхуну. По правде говоря, моя совесть не очень-то и возражала, надеюсь, что и вы не будете возражать. Не мог же я взять грех на душу и допустить, чтобы вы утонули, как слепые котят. Вы только посмотрите, как у вас закреплен грот-бом-брамсель! А бом-кливер совсем провис!

Он еще несколько минут сыпал непонятными мне словами, а потом добавил:

— Но ничего, это дело поправимое. Раз уж я с вами, то скоро на шхуне будет полный порядок.

— Ну нет, — решительно возразил доктор. — Не знаю, будет ли на шхуне порядок, но вас здесь не будет! Я еще в Паддлеби сказал вам, что не желаю брать вас на службу!

— Одумайтесь, капитан, — настаивал моряк. — Вам без меня не справиться. Что вы смыслите в мореплавании? Взгляните на компас — вы уже отклонились от курса!

Вспомните детский стишок: «Три мудреца в одном тазу...» Вас здесь тоже трое, значит, вам нужен четвертый! Как пить дать вы потеряете корабль.

— Мне плевать, потеряю я корабль или нет! — вскричал задетый за живое доктор. — Он у меня не первый и, надеюсь, не последний. Но раз уж я решил куда-то добратся, то я туда непременно доберусь. Вы можете быть самым доблестным моряком в мире, но на борту «Ржанки» вам нет места. Я высажу вас на берег в ближайшем порту.

— И благодари Бога за то, что мы не упечем тебя в тюрьму за бесплатный проезд и съеденную ветчину! — вставила свое слово Полли.

Старая попугайха наклонилась к Бед-Окуру и шепнула ему на ухо:

— Ума не приложу, что же теперь делать. У нас не осталось ни гроша, чтобы пополнить припасы. Теперь, без ветчины, нам не доплыть до берегов Бразилии.

— Может быть, — также шепотом ответил Бед-Окур, — будет дешевле, если мы засолим и прокоптим этого моряка? Ты посмотри, в нем одни окорока потянут фунтов на сто. До берегов Бразилии его мяса нам наверняка хватит.

— Сколько раз я говорила тебе: ты не в Ума-Лишинго! — возмутилась Полли. — Белые люди так не поступают! Хотя, по правде говоря, зря! Мысль неплохая. Вряд ли кто-нибудь видел, как он прошмыгнул на наш корабль. — Она задумалась и добавила с сожалением: — К тому же у нас не хватит соли, чтобы его хорошенько просолить. Да и кто станет его есть, если от него разит табаком за милю?

Глава 5 СТРЕЛЯНОГО ПОПУГАЯ НА МЯКИНЕ НЕ ПРОВЕДЕШЬ

— Встань-ка к штурвалу, Стаббинс, — попросил меня доктор. — А я тем временем рассчитаю новый курс. Волей-неволей нам придется встать на якорь в Капа-Бланке. Ужасное невезение! Уж лучше вернуться в Паддлеби, чем всю дорогу до Бразилии выслушивать поучения незваного гостя.

Действительно, нам везло как утопленникам. В конце концов я даже уверился, что лучше уж утонуть, чем каждый день выслушивать брюзжание Бена Батчера. А ему на судне было не по вкусу все: как принайтовлен якорь, как задраены иллюминаторы, как подняты паруса.

С Беном Батчером было трудно поладить. Представьте, что вы говорите человеку в лицо, что он вам неприятен, и наивно рассчитываете, что вас оставят в покое. Однако «доблестный моряк» и в ус не дул и на каждом шагу упрекал нас в ошибках. Он считал, что на «Ржанке» все было не слава Богу.

В конце концов терпение доктора Дулиттла лопнуло, и он приказал Бену Батчеру убраться вон с палубы: в трюм, в каюту, в кают-компанию, хоть к черту на рога. Я никогда не слышал, чтобы доктор так яростно бранился.

Но Бен Батчер и не подумал подчиниться. Он заявил, что не собирается идти на корм рыбам, поэтому никуда не уберется, пока у него есть надежда спастись самому и спасти нас.

После этого мы встревожились не на шутку. Силы ему было не занимать, к тому же никто не знал, что он выкинет, если его разозлить.

Как-то раз после обеда мы с Бед-Окуром остались вдвоем в кают-компании и шептались, как же нам быть, когда в дверь впорхнула Полли. И тут же вошли О'Скалли и Чи-Чи.

— Вы еще попомните мои слова, — сказала Полли, — Бен Батчер — разбойник, контрабандист и отъявленный негодяй. Уж я-то моряков повидала немало на своем веку. Когда-то, лет сто с лишним тому назад, меня поймали, посадили в клетку и заставили плавать на пиратском бриге. Бен Батчер — вылитый капитан пиратов, наверное, он приходится ему правнуком и тяга к разбою у него в крови...

— Ты думаешь, — перебил ее я, — нам и вправду удастся добраться целыми и невредимыми до Бразилии? Кем бы ни был Бен Батчер, он все же бывалый моряк.

Дело в том, что я уже начал прислушиваться к словам Бена Батчера и засомневался, выдержим ли мы даже небольшую бурю.

— Дорогой мой мальчик, — презрительно встряхнула головой Полли, — запомни: ты можешь чувствовать себя в полной безопасности, пока с тобой доктор Дулиттл, а у Бена Батчера ума не больше, чем у старой ржавой селедки. Да, доктор далеко не всегда поступает по правилам, ну и что с того? Я плаваю с ним не в первый раз и знаю, что доктор попадает туда, куда хочет попасть. Ему удивительно везет, и он всегда знает, как выпутаться из беды. Помню, как-то мы с доктором шли через Магелланов пролив. И вдруг разразилась страшная буря...

— Погоди, байку про страшную бурю ты нам расскажешь в другой раз, — оборвал ее О'Скалли, — давайте придумаем, что делать с Беном Батчером. Ты говорила, что у тебя есть план.

— Да. Я боюсь, что «доблестный моряк» поднимет бунт на корабле, высадит доктора на необитаемом острове, а «Ржанку» заберет себе.

— Вот-вот, я сам боюсь того же, — сказал О'Скалли, — поэтому нам надо что-то придумать. Мы будем в Капа-Бланке не раньше чем послезавтра. А я опасаясь оставлять доктора один на один с Беном Батчером. От него пахнет плохим человеком.

— Я уже все придумала, — таинственно шепнула Полли. — Смотрите, ключ остался в двери.

Мы посмотрели на дверь кают-компания. И вправду, ключ торчал в замочной скважине.

— Сейчас принц накроет на стол, — продолжала Полли, — а потом позовет всех на полдник. Батчер первым прибежит сюда, чтобы ухватить кусок побольше. Как только он сядет за стол, Бед-Окур захлопнет дверь и закроет ее на ключ. А в Капа-Бланке мы его выпустим.

— Какая ты умная, Полли! — воскликнул Бед-Окур. — Теперь я понимаю, почему говорят: стреляного попугая на мякине не проведешь!

— Но сначала убери отсюда все съестное, — наставляла его Полли, — он и так объел нас, пусть теперь немножко попостится. Надо его проучить, чтобы в другой раз неповадно было.

Мы спрятались в коридоре, а Бед-Окур тщательно подготовил «клетку» для моряка. Затем он позвонил в колокольчик, как обычно делал, когда звал нас к столу, и встал за дверью. Мы ждали затаив дыхание.

Тут же послышались тяжелые шаги «доблестного моряка». Он влетел в кают-компанию, плюхнулся на стул доктора, завязал под толстым тройным подбородком салфетку и оглянулся. Он думал, что сейчас Бед-Окур подаст ему ветчину.

Тр-р-рах! Черный принц захлопнул дверь и повернул ключ в замке.

— Вот теперь мы наверняка доберемся до Капа-Бланки, — довольно проскрипела Полли, вылезая из своего укрытия. — Пусть попробует поговорить о морской науке с пустыми тарелками. Стаббинс, ступай к доктору и доложи ему, что и как мы сделали. А тебе, принц, придется до Капа-Бланки подавать обед в каюты.

Полли устроилась у меня на плече и затянула матросскую песню.

Глава 6 МОНТЕВЕРДЕ

Хотя мы и торопились, обстоятельства вынудили нас задержаться на острове Капа-Бланка на три дня. Этих обстоятельств было два.

Во-первых, у морского волка и аппетит оказался волчий, и он основательно опустошил наши запасы съестного. Когда мы бросили якорь и пересчитали наши припасы, то только ахнули. Нечего было и думать пускаться в путь с тем, что у нас осталось. Но денег у нас не было.

Доктор перерыл свой саквояж в надежде найти что-нибудь на продажу, но единственное, что он там обнаружил, были старые часы без стрелок и с треснувшей крышкой. За такой лом в лучшем случае можно было получить полфунта чая.

— Я пойду по улицам и буду петь веселые песенки, — предложил черный принц, — и прохожие набросают мне полную шляпу монеток. Я знаю очень много веселых песенок.

— У испанцев очень хороший слух, — возразил доктор, — боюсь, что они не станут бросать тебе монетки, а забросают тухлыми яйцами.

Во-вторых, нас задержал на острове бой быков, но о нем я расскажу попозже.

Итак, мы приплыли на остров в пятницу, высадили на берег «доблестного моряка» и пошли прогуляться по городу.

Город был старый и назывался очень красиво — Монтеверде. Он был совершенно не похож на города старой доброй Англии. На узких крутых улочках не могли разъехаться даже две повозки. Крыши домов огромными зонтиками нависали над мостовой, а по утрам люди распахивали окна второго этажа и здоровались за руку с соседями, живущими напротив.

В карманах у нас было пусто, поэтому мы не пошли ни в гостиницу, ни на постоялый двор. Вечером, гуляя по улицам, мы набрали на мастерскую мебельщика. Рядом с ней, прямо на тротуаре, стояли кровати, а сам хозяин сидел у двери и весело пересвистывался с попугаем в клетке. Доктор разговорился с ним о птицах, и тот пригласил нас поужинать вместе с ним.

Ужин был замечательный. Особенно мне понравились поджаренные на оливковом масле ломтики банана, хотя и остальные блюда пришлись по вкусу. Потом мы снова сели на скамью у двери и проговорили до позднего вечера.

Когда настало время возвращаться на корабль, мы стали прощаться, но мебельщик принялся отговаривать нас.

— Фонари на портовых улицах не горят, — говорил он. — Вы заблудитесь. Почему бы вам не заночевать у меня? Дом, правда, у меня крохотный, но вы можете устроиться на ночлег на моих кроватях, на тех, что стоят на улице.

В конце концов мы согласились последовать его совету. Ночь была теплая, и одеяла нам не понадобились. Я лежал на кровати и с любопытством наблюдал за веселыми горожанами. Мне показалось, что испанцы никогда не спят: несмотря на поздний час, по улице сновали прохожие, светились окна кабачков, за столиками, прямо на тротуаре, сидели люди и отхлебывали кофе из маленьких чашечек. Издалека доносились звуки гитары, звон посуды, слышались голоса.

Я вспомнил родителей, оставшихся в Паддлеби, и скучную домашнюю жизнь, которую не скрашивала даже ежевечерняя игра отца на флейте. «Как жаль, что их нет со мной, — подумал я. — Здесь так много интересного! Боюсь, правда, что они наотрез отказались бы ночевать на улице. Что же делать, у каждого свой вкус».

И я уснул.

Глава 7 БЕД-ОКУР СТАВИТ НА ДОКТОРА

Утром нас разбудил гомон прохожих. По улице шагали несколько мужчин, разодетых в яркие, шитые золотом костюмы. За ними по пятам бежала толпа женщин и визжащих от восторга детей.

— Кто это? — спросил я.

— Тореадоры, — ответил доктор. — Завтра в городе бой быков.

— Бой быков? — удивился я.

И вдруг доктор побагровел, точно так же как тогда, в зоопарке, когда говорил о львах и тиграх в клетках.

— Да, бой быков. Глупая, жестокая и отвратительная выдумка людей. Вообще-то испанцы очень милые и гостеприимные, но почему-то им ужасно весело смотреть на бой быков.

И доктор рассказал мне, как быка выпускают на арену, размахивают у него перед глазами красной тряпкой, доводят до бешенства, дают ему забодать пару старых лошадей, таких старых, что они уже и убежать не могут, а потом, когда бык едва не падает от усталости, на арену выходит человек со шпагой и безжалостно закалывает его.

— Это не бой быков, — возмущался доктор, — это убийство быков. Каждое воскресенье в городе убивают так шесть быков и дюжину лошадей.

— А бывает, что бык поднимает человека на рога? — спросил я.

— Увы, слишком редко. Бык, даже в ярости, только с виду очень страшный, и если у человека холодная голова и твердая рука, то он всегда выйдет победителем. Такого убийцу быков называют тореадором, и все испанцы, особенно дамы, сходят по ним с ума, для них тореадор чуть ли не главнее самого короля. Посмотри, как гордо они выступают, а девушки с балконов посылают им воздушные поцелуи! Боже, какое варварство!

Наш новый друг, мебельщик, тоже вышел на улицу, чтобы полюбоваться на тореадоров. Он встал рядом с нами, пожелал нам доброго утра и спросил, хорошо ли нам спалось. В ту же минуту к нему подошел статный черноусый испанец.

— Позвольте вам представить моего друга, дона Энрике Карденаса, — сказал доктору мебельщик.

Дон Энрике заговорил с нами по-английски. Внешне он выглядел джентльменом.

— Вы пойдете завтра на бой быков? — спросил он доктора.

— Ни в коем случае, — ответил доктор и нахмурился. — Я не люблю бой быков, это жестокая, бессердечная забава.

Дон Энрике запыхтел, как чайник на огне, налился кровью, и я даже испугался, как бы он не взорвался.

— Вы сами не понимаете, что говорите! — кипятился дон Энрике. — Издавна бой быков считается самым благородным мужским занятием, а тореадоры — самыми отважными людьми в мире!

— Чушь! — пренебрежительно ответил ему доктор. — Только когда бык теряет силы и не в состоянии защищаться, ваши хваленые тореадоры нападают на него и убивают несчастное животное.

Мне показалось, что испанец набросится на доктора с кулаками, но между ними встал мебельщик. Он отвел доктора в сторонку и шепнул ему на ухо, что с доном Энрике лучше не ссориться, что тот очень влиятельный на острове человек и что именно он выращивает быков особой черной породы, с которыми и сражаются тореадоры.

Я вдруг заметил, что глаза доктора сверкнули мальчишеским озорством, и понял, что он что-то задумал. Джон Дулиттл с улыбкой повернулся ко все еще кипящему от гнева испанцу.

— Дон Энрике, — сказал Джон Дулиттл, — простите меня, если я вас обидел. Но я считал и считаю бой быков безнравственным зрелищем и хотел бы заключить с вами пари. Как зовут лучшего тореадора из тех, что выйдут завтра на арену?

— Пепито де Малага, — ответил дон Энрике, — его имя знают во всей Испании.

— Я никогда в жизни не сражался с быками, — продолжал доктор. — Согласитесь ли вы исполнить мою просьбу, если я завтра выйду на арену вместе с Пепито де Малага или с любым другим тореадором на ваш выбор и сумею показать больше трюков с быками?

Дон Энрике запрокинул голову, как петух, и громко рассмеялся.

— Вы сошли с ума! — проговорил он сквозь смех. — Не пройдет и минуты, как бык забодает вас и растопчет ногами. Люди тратят годы на особые упражнения и только после этого становятся настоящими тореадорами.

— Забодает меня бык или нет — это мы еще посмотрим. Считайте, что я хочу испытать судьбу. Но мне кажется, вы боитесь принять мое предложение.

Испанец гневно сдвинул брови.

— Боюсь? — прорычал он. — Я принимаю ваше пари. Если вы сумеете посрамить на арене Пепито де Малага, я обещаю выполнить любую вашу просьбу.

— Превосходно! — ответил доктор. — Мне сказали, что вы — уважаемый человек на острове. Если я выиграю пари, вы запретите бой быков на острове Капа-Бланка.

— Идет! — не задумываясь выпалил испанец и протянул доктору руку. — Я обещаю запретить на острове бой быков, но предупреждаю, что вы не выиграете. Зря вы испытываете судьбу, господин Дулиттл. Вас ждет смерть, хотя, не в обиду будь сказано, вы и не заслуживаете лучшей участи, если называете бой быков безнравственной забавой. Встречаемся завтра утром здесь же, и я объясню вам, что и как вы должны делать. До свиданья.

И он отвернулся от нас и ушел. Сидевшая у меня на плече Полли шепнула мне на ухо:

— Отнеси-ка меня к Бед-Окуру. Мне надо с ним переговорить, но так, чтобы не слышал доктор. Кажется, я кое-что придумала.

Я подошел к Бед-Окуру и направился с ним на противоположную сторону улицы к витрине ювелира. Там мы остановились с видом зевак, рассматривающих драгоценные безделушки.

— Я придумала, где нам раздобыть денег на провизию, — сказала Полли. — Конечно, доктор завтра выиграет пари, это даже мне, старой попугаихе, ясно. А что, если мы поставим на доктора?

— Что мы поставим на доктора? — не понял я, что к чему.

— Сейчас я тебе все объясню, — сказал Бед-Окур. — В Англии так же поступают на скачках — выигрывает тот, кто угадает победителя. Я немедленно отправляюсь к дону Энрике и говорю ему: «Ставлю сто фунтов на доктора». Если доктор выиграет, дон Энрике заплатит мне сто фунтов, а если проиграет — сто фунтов заплачу я.

— Никаких ста фунтов, — остановила его Полли. — Здесь в ходу другие деньги. Требуй две с половиной тысячи песо. А теперь пойдем поищем этого дона Эне-Бене-Раба. Когда будешь с ним говорить, напусти на себя вид богатого бездельника.

Мы оглянулись. Доктор сидел на кровати и пытался развязать затянувшийся узелком шнурок на башмаке. Мы потихоньку улизнули от него, завернули за угол и быстро нагнали дона Энрике.

— Дон Энрике, — обратился к нему наш принц, — позвольте представиться — Бед-Окур Кебаби, наследник престола Ума-Лишинго. Я хотел бы сделать ставку на завтрашний бой быков. Ставлю на доктора Дулиттла.

Дон Энрике отвесил глубокий поклон.

— С большим удовольствием, — ответил он. — Однако должен предупредить, что у вас нет ни малейшей надежды на выигрыш.

— Пустое, — ответил Бед-Окур. — Какая разница, выиграю я или проиграю. Игра есть игра. Ставлю три тысячи песо.

— Принимаю, — ответил испанец и снова согнулся в поклоне. — Встретимся завтра после боя быков.

— Вот и хорошо, — приговаривала Полли, когда мы возвращались к доктору. — У меня словно гора с плеч свалилась. Теперь одной заботой стало меньше.

Доктор все еще безуспешно сражался со шнурками и не подозревал, что мы поставили на него.

Глава 8 БОЙ БЫКОВ

И вот настал великий день в жизни города Монтеверде. Улицы утопали в цветах, а разнаряженные жители спешили к арене, чтобы занять места поудобнее.

Известие о том, что некий англичанин бросил вызов лучшим тореадорам, облетело весь город и ужасно развеселило его жителей. Да как какой-то чужеземец смеет мериться силами с самим Пепито де Малага! Неслыханно! А раз так — пусть наглец погибнет!

Дон Энрике одолжил доктору костюм тореадора, очень нарядный и красивый. Правда, мы с Бед-Окуром изрядно попотели, пока сумели застегнуть расшитую жилетку на толстеньком брюшке доктора. Я с опаской поглядывал на пуговицы — как бы они не отлетели при первом же глубоком вдохе.

Когда мы вышли из порта и двинулись по узким улочкам к арене, за нами увязалась толпа мальчишек. Они бежали следом, смеялись над брюшком доктора и кричали:

Бык зазнайке толстяку Дырку сделает в боку. Видно, жизнь не дорога, Напросился на рога.

Доктор только добродушно ухмылялся.

Прежде всего он попросил показать ему быков еще до начала боя. Нас тут же провели в загон. За высокой прочной изгородью бродили шесть огромных черных быков, ошалевших от страха и отчаяния.

Доктор заговорил с ними, представился и объяснил, что им следует делать, чтобы навсегда избавить остров от убийц-тореадоров. Само собой разумеется, что люди, стоявшие рядом и глазевшие на доктора, ничего не поняли и даже не догадались, что он беседует с животными. Скорее всего, они подумали, что толстый англичанин окончательно спятил. Затем доктор ушел в комнату для тореадоров, а я с Бед-Окуром и Полли на плече уселся среди зрителей. Тысячи разодетых в пух и прах дам и господ весело смеялись, предвкушая любимое зрелище.

Дон Энрике встал со своего места и торжественно объявил:

— Высокочитимая публика! Сегодня вам предстоит увидеть состязание между прославленным Пепито де Малага и англичанином Джоном Дулиттлом. Не стану скрывать, я обещал Джону Дулиттлу, что, если он победит, я запрещаю бой быков на острове.

Публика от души хохотала. Никто из них не поверил, что доктор может превзойти Пепито де Малага.

И вот на арену вышел любимец Монтеверде и всей Испании. Мужчины закричали: «Ура! Ура Пепито!» — а дамы посылали ему воздушные поцелуи.

По другую сторону арены распахнулись большие ворота, и из них медленно вышел бык. Ворота тут же захлопнулись, и тореадор начал показывать свое искусство. Он взмахнул красным плащом, бык опустил к земле голову, выставил вперед рога и бросился на него. Пепито ловко увернулся, и над ареной снова прокатилось «ура».

Так повторялось много раз. Я заметил, что, когда Пепито ошибался, его всегда выручал помощник. Он бросался к разъяренному быку, махал у того перед глазами красной тряпкой и уводил его в сторону от замешкавшегося тореадора. Иногда, когда Пепито приходилось совсем туго, он прятался от острых рогов за деревянным щитом. Словом, правила забавы были таковы, что тореадору ничто не грозило, а неуклюжий несчастный бык был обречен.

Через десять минут, когда запас трюков иссяк, Пепито отошел в сторону, и на арену вышел доктор Дулиттл. При виде невысокого толстяка, затянутого в голубой бархат, зрители разразились хохотом. Но доктор не смутился и торжественно поклонился сначала дамам в ложах, затем быку и только потом — Пепито и его помощнику. Тем временем бык, стоявший за спиной у доктора, начал рыть копытом землю и вдруг сорвался с места.

— Оглянись! Бык! Он убьет тебя! — кричала публика.

Но доктор невозмутимо продолжал кланяться, и когда уже казалось, что бык вот-вот поднимет его на рога, повернулся, сдвинул брови и грозно посмотрел на него.

И тогда произошло нечто странное: бык остановился как вкопанный. Со стороны казалось, что он испугался насупленных бровей. Доктор поднял руку и погрозил быку пальцем. Тот задрожал от страха и пустился наутек. Зрители просто остолбенели — такого боя быков никто никогда не видел! Бык бежал от тореадора, а тот мчался за ним, словно мальчишка, вздумавший поиграть с теленком.

Так они пробежали десять кругов, а затем «английский тореадор» Джон Дулиттл догнал быка и ухватил его за хвост. Доктор вывел присмирившее животное на середину арены и заставил его ходить на задних ногах, танцевать и кувыркаться. В завершение доктор влез на быка, ухватился руками за рога и сделал стойку.

Пепито и его помощник, зеленые от злости и пристыженные, стояли у края арены и перешептывались. Зрители, пораженные невиданным представлением, уже успели забыть своего любимца.

Доктор встал перед ложей дон-Энрике, поклонился и громко произнес:

— Этот бык для боя не годится, он испуган и еле дышит. Прикажите увести его.

— Вы желаете сразиться с другим быком? — спросил дон-Энрике.

— Да, — ответил доктор, — но не с одним, а с пятью одновременно. Пусть их выпустят на арену.

По рядам зрителей прокатился крик ужаса. Пять быков! Он или сумасшедший, или самоубийца!

Пепито де Малага тоже выступил вперед.

— Это против правил! — кричал он. — Нельзя нарушать правила боя быков!

— Опять та же история, — хихикнула мне на ухо Полли. — Одни считают, что доктор плавает против правил, другим не нравится, как он выступает на арене с быками.

Среди публики мнения разделились. Половина зрителей встала на сторону Пепито, а вторая половина — на сторону доктора. И тогда Джон Дулиттл повернулся к прославленному тореадору и поклонился ему. При этом с его жилета отлетели последние две пуговицы.

— Если тореадор вспоминает о правилах, значит, он испугался, — сказал он и улыбнулся.

— Я испугался?! — взревел Пепито. — Я никогда и ничего не боялся! Вот этой рукой я убил девятьсот пятьдесят семь быков!

— Достоин восхищения! — снова улыбнулся доктор. — Почему самому знаменитому тореадору Испании не убить еще пять той же самой рукой?

Зрители затаили дыхание. Тяжелые ворота медленно распахнулись, и пять быков с ревом выбежали на арену.

— Задайте ему перцу! — велел им доктор. — Нападайте на него строем, но не вздумайте убить. Хватит того, что вы выставите его на посмешище и прогоните вон с арены. Вперед!

Могучие быки опустили головы и строем, словно атакующие солдаты, ринулись на несчастного Пепито.

Хваленому тореадору хватило храбрости не больше чем на мгновение. Устрашающий вид пяти пар острых рогов лишил его последних сил. Он смертельно побледнел, отступил на шаг, а потом повернулся спиной к быкам и бросился наутек.

— А теперь — второго! — приказал доктор быкам.

Помощник тореадора убрался с арены еще быстрее, и теперь «английский тореадор» Джон Дулиттл остался один на один с пятеркой грозных быков.

Последовавшее зрелище стоило многого. Сначала быки носились как бешеные по арене, рыли землю копытами и били острыми рогами в щиты, ограждавшие публику, так что щепки летели. Затем один за другим они начали нападать на доктора.

От их рева кровь стыла в жилах, и хотя я знал, что доктор и быки сговорились дать представление и что Джону Дулиттлу ничто не угрожает, мне становилось страшно за его жизнь. У меня замирало сердце, когда то один, то другой бык пытался боднуть доктора. Но всегда в последнее мгновение, когда острый рог уже должен был вспороть голубой бархатный жилет, «английский тореадор» успевал увернуться от удара, и огромные животные проносились мимо, не причинив ему ни малейшего вреда.

А потом все пять быков окружили доктора и с бешеным ревом помчались на него. Я до сих пор удивляюсь, как доктору удалось уцелеть. Его смешная фигура с кругленьким брюшком скрылась за могучими телами, огромными головами, бьющими копытами и яростно хлещущими хвостами.

Не в силах сдержать чувства, женщины кричали дону Энрике: «Прикажите прекратить бой! Он не должен погибнуть! Он слишком отважен, чтобы умереть! Он лучший тореадор в мире! Сохраните ему жизнь!»

И вдруг ошеломленная публика увидела, как доктор выходит из круга обезумевших животных, одного за другим хватая быков за рога и валит их с ног. Могучие животные лежали на песке там, куда их бросил доктор. Они казались поверженными исполинами. А Джон Дулиттл поклонился дамам, достал из кармана сигару, закурил и медленным шагом покинул арену.

Глава 9 ПОСПЕШНЫЙ ОТЪЕЗД

Не успела дверь закрыться за доктором, как публика разразилась криками. Женщины требовали, чтобы доктор снова вышел на арену, но мужчины — то были друзья посрамленного Пепито — кричали от ярости.

Доктор Дулиттл снова появился на арене, и дамы совсем потеряли голову. Они кричали ему: «Дорогой! Любимый!» — осыпали его цветами, снимали с себя кольца, ожерелья, брошки и бросали их к ногам доктора. Это был настоящий дождь из ласковых слов, роз и драгоценностей.

Доктор снова раскланялся и ушел.

— А теперь ты, Бед-Окур, — сказала Полли, — спустишься на арену и соберешь эти побрякушки. Так поступают все знаменитые тореадоры: уходят, а потом присылают

помощника собрать подарки. Мы их продадим и выручим деньги на припасы. И не забудь сходить к дону Эне-Бене-Раба. Он проиграл нам три тысячи песо! И запомни — доктору ни слова!

Публика все еще горячилась, слышались вскрики, то тут, то там вспыхивали ссоры.

Бед-Окур вернулся с оттопыренными карманами. Мы с трудом протолкались сквозь толпу и вошли в комнату для тореадоров.

— Прекрасно! — воскликнула Полли и уселась на плечо к доктору. — Ты был великолепен! Но теперь будь поосторожнее, что-то не нравятся мне лица зрителей. Они злы на тебя за то, что ты выиграл пари и отныне бой быков на острове будет запрещен. Ты лишил их любимой забавы, и они готовы отомстить тебе. Прикрой плащом свой шутовской наряд и беги на корабль.

— К сожалению, ты, кажется, права, — ответил доктор. — Нам надо поскорее убраться отсюда. Я пойду на «Ржанку», а вы пробирайтесь другим путем, так будет безопаснее.

Как только доктор ушел, Бед-Окур Кебаби, наследник престола Ума-Лишинго, отыскал в толпе дону Энрике и потребовал с него свой выигрыш. Позеленевший от злости дон Энрике не сказал ни слова, а только достал кошелек и отсчитал деньги. Он все еще никак не мог прийти в себя после поражения.

Мы быстро наняли повозку, забежали в десяток лавочек и накупили уйму всякой провизии на дорогу. Я не удержался и набрал два огромных мешка сладостей и других лакомств.

Полли была как всегда права, и нам действительно угрожала опасность. Когда мы грузили покупки на повозку, то увидели, что по городу рыскают разъяренные мужчины, размахивают палками и кричат:

— Англичане! Где они? Повесить их на фонарном столбе!

— Смерть им! Они украли у нас бой быков!

— Бросить их в море!

Медлить было нельзя. Бед-Окур схватил хозяина повозки за шиворот, пригрозил вытрясти из него душу, если тот хоть пикнет, и велел гнать в порт. Мы прыгнули в повозку, устроились на горе мешков и ящиков с провизией и помчались.

Повозка подпрыгивала на ухабах. Полли сидела у меня на плече и ворчала:

— Жаль, что нам не удалось продать драгоценности. Ведь в конце концов доктор их честно заработал! Ну да не беда — у нас даже после покупок осталось полторы тысячи песо. Кстати, Бед-Окур, извозчику за глаза хватит двух песо, не вздумай швыряться деньгами, как европейские принцы.

До порта мы добрались без помех. Доктор был уже на корабле и послал нам навстречу Чи-Чи в шлюпке.

К несчастью, когда мы перегружали припасы из повозки в шлюпку, на причал вбежала толпа мстительных любителей боя быков. Нас выручило то, что Бед-Окур в детстве обожал играть в рыцарей и научился управляться с копьем. Сейчас копья у него не было, но под рукой оказалась длинная оглобля. С оглоблей наперевес наследный принц бросился на толпу и сумел задержать ее, пока мы с Чи-Чи не загрузили продукты.

На прощание Бед-Окур издал воинственный клич, оскалил зубы в ужасной гримасе, швырнул оглоблю в нападавших, свалив при этом шестерых, и прыгнул к нам в шлюпку.

Работая веслами изо всех сил, мы поплыли к «Ржанке».

Толпа на берегу орала, грозила нам кулаками и швыряла в нас что попало. Рядом с нами в воду то и дело шлепались увесистые камни, а бедняжка Бед-Окур получил бутылкой по голове. К счастью, королевский дом Ума-Лишинго отличается удивительно крепкими черепами, поэтому бутылка разлетелась на мелкие осколки, а принц отделался большой шишкой.

К нашему возвращению доктор уже успел поднять якорь и ставил паруса. Мы оглянулись назад и увидели, что от берега к нам плывут лодки, полные орущих людей. Поэтому мы решили не терять времени на разгрузку нашей шлюпки, а только взяли ее на буксир и поднялись на борт.

Спустя мгновение «Ржанка» развернулась, паруса заполоскались на ветру, и мы двинулись в открытое море. Путешествие к берегам Бразилии продолжалось.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — вздохнула Полли, когда мы растянулись на палубе, чтобы отдышаться. — Светит солнце, ветер попутный. Что-то слишком часто вспоминаются мне те времена, когда я плавала с пиратами. Тогда я попадала в переделки — не чета сегодняшним! А за свою голову, Бед-Окур, ты не волнуйся: доктор смажет шишку йодом — и все как рукой снимет. Ты только подумай, что мы раздобыли — уйму провизии, полные карманы дорогих побрякушек да еще полторы тысячи песо! Неужели все это не стоит одной шишки на голове?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1 С НОВА ЯЗЫК ОБИТАТЕЛЕЙ МОРЯ

Пурпурная райская птица не ошиблась, когда предсказала хорошую погоду. Три долгих недели попутный ветер дул в наши паруса, и «Ржанка» резво бежала вперед.

Наверняка настоящим бывалым морякам эти три недели показались бы скучнее скучного, но для меня они пролетели как один день. Чем ближе к южным широтам мы плыли, тем

больше менялось море, и каждый день приносил новые и новые впечатления, конечно, новые для меня, а не для морского волка.

Изредка мы замечали вдалеке другие корабли. Тогда доктор доставал свою подзорную трубу, и мы подолгу рассматривали их. Иногда доктор развешивал на мачтах треугольные, квадратные, с разноцветными крестами и кругами флажки, чтобы таким образом обмениваться новостями со встречными судами. Что означал каждый флажок, объясняла толстая книга, которую доктор хранил в своей каюте. Это был язык моря, понятный всем морякам и капитанам, из какой бы страны и в какую они ни плыли.

Самым удивительным происшествием за эти дни была встреча с айсбергом. Огромная ледяная гора сверкала под солнцем словно сказочный дворец, украшенный драгоценными камнями. В подзорную трубу мы увидели, что по айсбергу разгуливает белая медведица с медвежонком. Медведица с опаской посматривала на приближающееся судно, но когда мы подошли совсем близко, вдруг встала на задние лапы и дружелюбно заворчала. Оказалось, что, когда доктор шел через арктические льды к Северному полюсу, она сама была еще медвежонком и познакомилась с удивительным человеком.

Доктор предложил медведям пересечь на корабль, но медведица отказалась.

— Спасибо, доктор, — сказала она. — Но нам лучше остаться на айсберге. Мы привыкли ко льду, а у вас на корабле жарко, чего доброго, мой сынишка расхворается.

«Вот уж действительно — у каждого свой вкус», — подумал я. День выдался жаркий, но вблизи айсберга было холодно, как в январе. У нас стучали зубы, и даже пришлось натянуть на себя всю теплую одежду.

Все это время доктор учил меня читать и писать. Учеба захватила меня, и вскоре я настолько преуспел, что доктор доверил мне вести судовой журнал, то есть каждый день записывать в толстую книгу направление ветра, пройденное расстояние и любые происшествия на борту и за бортом.

А доктор использовал каждую свободную минуту на записи в своем дневнике. Иногда он разрешал мне полистать дневник, но я еще не мог разобрать его мелкий, похожий на путанные закорючки почерк. Зато я с удовольствием рассматривал сделанные им рисунки морских растений, птиц, крабов и рыб.

Как-то утром мы увидели, что на волнах качается огромный пук водорослей. Потом водоросли стали попадаться чаще, а к обеду они уже покрывали воду сплошным зеленым ковром. Можно было подумать, что «Ржанка» плывет по лугу.

По траве, как по суше, сновали крабы, и доктор решил вернуться к языку обитателей моря. Он бросил сеть, поймал нескольких крабов и посадил их в аквариум, чтобы наблюдать за ними. Случайно в сеть попала вместе с крабами странная, похожая на бугристый шар рыба. Как мне сказал доктор, ее называли за неказистую внешность серебристой неприглядкой.

Доктор долго, но безуспешно возился с крабами, а потом отсадил неприглядку в отдельный аквариум и занялся ею. К сожалению, мне пришлось выйти на палубу и взяться за дела. Не успел я смотать в бухту лежащий на носу корабля канат, как доктор позвал меня обратно.

— Стаббинс! — радостно вскричал он, едва я переступил порог каюты. — Невероятно! Ну-ка, ущипни меня! Уж не сплю ли я? Я... я... я...

— Что случилось? — забеспокоился я, но щипать доктора не стал.

— Неприглядка... — прошептал доктор и дрожащим пальцем указал на аквариум, где спокойно плавала похожая на шар рыба. — Она говорит, говорит по-английски, и даже насвистывает песенки!

— По-английски? — воскликнул я. — Насвистывает песенки? Это невозможно!

— Но это правда, — сказал доктор, бледный от волнения. — Конечно, она произносит лишь отдельные слова и не понимает их смысла. Она постоянно бормочет что-то на своем языке, который я еще не понимаю, а потом вдруг ни с того ни с сего выговаривает несколько английских слов. Я не верю собственным ушам! А мелодию она насвистывает одну и ту же. Прислушайся и скажи мне, брежу я или нет. Прислушайся и повтори все слово в слово.

Я сунул правое ухо в воду, но в течение первых минут не услышал ничего, зато мое левое ухо слышало, как сопел от волнения доктор. В конце концов в воде раздался тоненький голосок, похожий на далекий плач ребенка.

— О! — воскликнул я.

— Что? Что она сказала? — спросил доктор хриплым, дрожащим шепотом.

— Я ничего не понял. Что-то странное, я такого языка никогда не слышал. Погодите, погодите! «У нас не курят». «Господи, что за урод!» «Покупайте жареную кукурузу и почтовые открытки!» «Выход». «Плевать запрещено». Но почему она это говорит? А сейчас она насвистывает песенку.

— Какую песенку? — с трудом вымолвил доктор.

— «Растяпа Джон».

— Вот-вот, я услышал то же самое. — И доктор бросился записывать что-то в своем дневнике. — Невероятно! — бормотал он про себя, а его карандаш быстро бегал по бумаге. — Очень, очень любопытно! Я непременно должен узнать, откуда...

— Доктор, — перебил его я, продолжая держать правое ухо под водой. — Она говорит: «Пора почистить большой бассейн». Вот и все. Теперь она снова перешла на свой язык.

— Большой бассейн, большой бассейн, — повторял доктор и удивленно поднимал брови. — Но где же она научилась...

Внезапно он вскочил со стула.

— Знаю! — закричал он во все горло. — Эта рыба, эта умница сбежала из аквариума. Суди сам: почтовые открытки и жареная кукуруза — ими всегда торгуют возле больших аквариумов, куда ходят посетители. «У нас не курят», «Плевать запрещено» и «Выход» — обычные надписи на стенах. А что скажет человек, если увидит что-то странное? Конечно же: «Какой урод!» Несомненно, Стаббинс, она сбежала из аквариума. Какая удача! Может быть, она поможет мне поближе познакомиться с обитателями моря?

Глава 2 ИСТОРИЯ НЕПРИГЛЯДКИ

Доктор забросил все дела и работал всю ночь напролет. Я помогал ему, но после полуночи уснул, сидя на стуле. А в два часа ночи Бед-Окур задремал у штурвала. Пять часов, до самого рассвета, «Ржанка» плыла куда ее несли волны и ветер. А Джон Дулиттл работал и работал, пытаясь понять язык неприглядки и научиться говорить на нем.

Солнце уже взошло, когда я проснулся. Уставший и осунувшийся от бессонной ночи доктор стоял у аквариума со стетоскопом в руках. На его лице сияла счастливая улыбка.

— Стаббинс, — сказал он, заметив, что я открыл глаза, — мой опыт удался. Я нашел ключ к языку неприглядки. У них очень трудный язык, совсем не похожий на те, что мне до сих пор приходилось встречать, немножко, совсем немножко он напоминает японский. Сделан первый шаг в изучении языка обитателей моря! Бери тетрадь и карандаш и записывай все, что я скажу. Неприглядка обещала мне рассказать историю своей жизни. Готов?

Доктор склонился к аквариуму и стал переводить на английский то, что ему говорила рыба, а я тщательно записывал каждое слово. И вот что поведала нам неприглядка.

ТРИНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В АКВАРИУМЕ

Я родилась в Тихом океане у берегов Чили. У меня было две тысячи пятьсот девять братьев и сестер, что, впрочем, в нашем роду дело обычное. Вскоре родители покинули нас, и мы разбрелись по океану кто куда. Поначалу мы держались стаей, но потом за нами погнался кит, и мы разбежались в разные стороны. Не знаю почему, но он увязался за мной и моей сестрой Клиппой. Мы пытались спрятаться от него под камнями или в густых водорослях, но кит шел по нашему следу, находил нас и гнал дальше. Наконец, когда мы отплыли на добрую сотню миль от родных берегов, нам удалось убежать от него. Но мы рано радовались: не успели мы перевести дух, как мимо промчалось семейство неприглядох. Они летели как угорелые и вопили: «Спасайтесь! Акулы!»

Убежать от акулы куда труднее, чем от неуклюжего кита. Они очень ловкие и жестокие, их не так-то просто сбить со следа, к тому же они до смерти любят нас, неприглядох, но

не просто любят, а любят есть. Мы — их любимое блюдо. Поэтому мы снова пустились наутек.

Целый день мы плыли что было сил, но когда к вечеру оглянулись назад, то увидели, что акулы нас нагоняют. Пришлось шмыгнуть в один из портов на побережье Америки. Акулы проплыли мимо — то ли они не заметили, куда мы спрятались, то ли побоялись соваться туда, где хозяйничают люди. Как бы то ни было, мы с сестрой облегченно вздохнули, но, как оказалось, рано. В тот день счастье отвернулось от нас, и когда мы плавали вокруг кораблей и лакомились апельсиновыми корками, вдруг — шмяк! — на воду упала сеть. Как мы ни трепыхались, вырваться из нее нам не удалось. Человек хитрее и опаснее акулы. Нас вытащили на палубу и бросили на горячие от солнца доски. Я почувствовала, что задыхаюсь.

Над нами склонились два бородатых старика. Они радостно улыбались, и я подумала, что нас съедят. Но нет — старики опустили нас в большой кувшин с водой и отнесли на берег, в большой дом рядом с портом. Там был аквариум с проточной морской водой, где нас с сестрой и поселили. До того мы никогда не видели стекло и первое время то и дело разбивали себе носы, пытаясь проплыть сквозь прозрачные стенки.

До чего же мучительно жить в неволе! Нас кормили, за нами ухаживали как умели. Старики, поймавшие нас, следили, чтобы мы не замерзли, чтобы мы не голодали, чтобы нам не мешал слишком яркий свет. Но разве уход и сытая жизнь заменят свободу? Каждое утро дверь открывалась, и все кому не лень приходили поглазеть на нас. Толпа людей с выпученными, как у камбалы, глазами останавливалась перед нами и раскрывала от удивления рот. Они словно дразнили нас, и мы в ответ тоже начали пучить глаза и разевать рот, а их это только забавляло.

Как-то раз моя сестра Клиппа сказала:

— Как ты думаешь, люди умеют говорить?

— Конечно, — ответила я. — Разве ты не заметила, как они шевелят губами, скалят зубы и размахивают руками? Подплыви к ним поближе и прислушайся.

В ту же минуту к нам подошла толстая раскрашенная женщина и прижалась носом к стеклу. От этого нос у нее расплющился, и она стала еще безобразнее, чем была на самом деле.

— Господи, что за урод! — сказала женщина.

Я не знала, что значат эти слова, но люди повторяли их всегда, когда смотрели на нас, и я подумала, что так они приветствуют друг друга. Потом мы от скуки выучили еще несколько человеческих слов и часто забавлялись тем, что передразнивали людей, но потом нам и это надоело, потому что люди повторяли одно и то же.

По вечерам все уходило, а с нами оставался старик с деревяшкой вместо ноги. Он выметал валявшиеся на полу ореховые скорлупки, обертки от конфет, пакетики из-под жареной кукурузы и насвистывал песенку. Песенка нам понравилась, и мы с сестрой выучили ее. Мы тогда думали, что такой свист и есть человеческий язык.

Целый год мы просидели в тесном стеклянном ящике. Тот дом был полон таких же стеклянных ящиков, в которых жили другие рыбы. Иногда рыбы исчезали, и тогда на их место приносили новых. Поначалу мы надеялись, что скоро людям наскучит глазеть на нас и нас отпустят в море. Но время шло, и каждый новый день неволи давался нам все труднее. Мы так затосковали, что уже почти не разговаривали друг с другом.

Как-то раз стояла такая жара, что одна женщина упала в обморок от духоты. Упала и упала — мне-то было все равно. Но другие люди разволновались, словно произошло невесть что с невесть кем. На нее брызгали холодной водой, обмахивали платочками, а потом вынесли на руках на свежий воздух. Я задумалась, и вдруг меня осенило.

— Сестрица! — позвала я бедняжку Клиппу, грустившую на дне нашей тюрьмы. Она уже битых полчаса тщетно пыталась спрятаться за камушком от любопытных детских глаз. — Как ты думаешь, если мы притворимся больными, нас вынесут из этих душных стен?

— Вынести-то вынесут, — ответила устало Клиппа, — но выбросят на помойку. А там не пройдет и пяти минут, как мы от жары протянем плавники.

— Зачем им искать помойку, — возразила я, — если в двух шагах порт? И если люди бросают в воду апельсиновые корки, то почему бы им не бросить туда же двух больных рыб? А из порта мы быстро выплывем в море.

— Море... — прошептала Клиппа. Когда моя сестра грустила, ее глаза становились удивительно круглыми и прекрасными. — Я вспоминаю его как чудесный сон. Неужели ты веришь, сестрица, что мы когда-нибудь снова вернемся в море? Я каждую ночь слышу его зовущий голос. Я готова отдать все, лишь бы еще раз услышать певучий язык воды, покачаться на волнах, поплавать над синей бездной. А как хорошо летним вечером поохотиться на креветок или погреться в полдень в лучах тропического солнца! Ты помнишь, как мы играли в прятки среди коралловых лабиринтов? А наигравшись, засыпали в постелях из мягких водорослей. А как нам было страшно, когда мы забирались внутрь затонувших кораблей и плавали там среди сундуков с сокровищами и обломков мечей! А когда наступала зима и северный ветер взбивал морскую воду в ледяную пену, мы забирались поглубже, туда, где вода всегда теплая, где наши друзья и близкие укрываются от холода в пещерах и проводят вечера в веселой болтовне...

И бедняжка Клиппа разрыдалась.

— Прекрати! — прикрикнула я на нее. — Прекрати, а не то и я расплачусь! Давай-ка мы притворимся мертвыми и посмотрим, что будет дальше. Даже если нас выбросят на

помойку и мы там умрем, нам будет не хуже, чем в этой душной тюрьме. Хватит ли тебе смелости решиться?

— Да, — ответила Клиппа.

На следующее утро мы плавали на воде кверху брюхом. До сих пор я удивляюсь, как нам удалось так хорошо притворяться. Начался переполох, прибежали те два бородатых старика. Они всплеснули руками, что-то забормотали, вынули нас из воды и положили на мокрый платок. Вот тут нам пришлось хуже всего. Когда рыба попадает на воздух, она должна без остановки открывать и закрывать рот, чтобы хоть как-то дышать, да и то долго так не продержишься. А мы были вынуждены лежать не шелохнувшись!

Старики вертели нас в руках, приподнимали нам плавники, заглядывали в жабры. А когда они наконец-то перестали нас мучить и на мгновение отвернулись, на стол запрыгнула ужасная кошка. Она уже протянула к нам лапу, но, к счастью, старики заметили ее и прогнали. Мы уже совсем отчаялись и готовы были вернуться в аквариум, когда один из стариков взял нас в руки и вынес на улицу.

Решалась наша судьба: свобода или помойка!

Мое сердце оборвалось, когда я увидела, что старик направляется к большой помойке по другую сторону площади. Но в тот день удача улыбалась нам. Мусор с помойки вывезли, и старик, видимо, не захотел бросать нас на чистую мостовую и повернул к сточной канаве.

И снова мое сердце замерло от страха, но высокий мужчина в синем мундире с серебряными пуговицами остановил старика и стал строго выговаривать ему. Он даже помахал палкой перед носом старика, и тот испугался и засеменил в порт. Мы с Клиппой едва могли дышать, и меня так и подмывало укусить его за палец, чтобы он поторапливался.

Наконец старик добрался до порта, еще раз посмотрел на нас грустными глазами и бросил в воду.

Никогда я не была так счастлива, как в то мгновение, когда вода сомкнулась над нашими головами. Мы с Клиппой ударили хвостами и почувствовали, что жизнь возвращается к нам. Старик провожал нас взглядом и, когда увидел, что мы ожили, упал от испуга в воду. Какой-то моряк проходил мимо и бросился его спасать. И тут же снова появился человек в синем мундире и снова принялся выговаривать старику. Наверное, людям запрещено купаться в море. Но нам уже было все равно, какую еще глупость выкинут люди.

Мы были свободны! Мы кричали и рыдали от счастья, мы прыгали, плыли, даже не плыли, а стремглав летели на нашу родину, в открытое море!

Вот и вся моя история. А теперь я, как и обещала, отвечу на все ваши вопросы. Но только с одним условием — потом вы немедленно отпустите меня на свободу.

Доктор. Скажи, есть ли в море более глубокое место, чем Марианская впадина, та, что около острова Гуам?

Неприглядка. Есть, в устье Амазонки. Но найти его трудно — это узкая бездонная пропасть. Мы называем ее Большой Дырой.

Доктор. Ты говоришь на языке моллюсков и их родственников?

Неприглядка. Нет, мы, рыбы, не знаем с ними. Нам с ними не о чем говорить.

Доктор. Но они говорят?

Неприглядка. Если к ним подплыть поближе, то можно услышать тонкий писк. Но на большой глубине живут большие моллюски, у них голос грустный и гулкий, словно кто-то бьет камнем по железной трубе.

Доктор. Мне очень хочется спуститься на морское дно, но мы, сухопутные существа, не можем дышать в воде. Ты не знаешь, как мне помочь?

Неприглядка. Попробуйте поговорить с Хрустальной Улиткой.

Доктор. С Хрустальной Улиткой?

Неприглядка. Она дальняя родственница сухопутных улиток, но очень большая. У нее громкий голос, и я не сомневаюсь, что она умеет говорить. Хрустальная Улитка плавает где ей вздумается и опускается очень глубоко. Ей не страшен ни один хищник, а домик у нее из прозрачного перламутра, толстый и крепкий. В нем хватит места для повозки и пары лошадей. Когда Хрустальная Улитка отправляется в дальний путь, она хранит там запас еды на дорогу.

Доктор. Она-то мне и нужна. Я мог бы сесть в ее домике, и она опустила бы меня на самое дно. Не могла бы ты привести ее к нам?

Неприглядка. Я бы с удовольствием, но мы, рыбы, очень редко ее встречаем. Хрустальная Улитка живет на дне Большой Дыры и редко поднимается наверх. А мы боимся спускаться в Большую Дыру.

Доктор. Какая жалость! А много ли в море Хрустальных Улиток?

Неприглядка. Всего одна. Бедняжка пережила своих двух мужей, а детей у нее не было. Она последняя из рода гигантских моллюсков. Их род берет начало с тех времен, когда киты еще жили на суше. Говорят, ей уже семьдесят тысяч лет.

Доктор. Боже, вот бы поговорить с ней!

Неприглядка. Вода в вашем аквариуме нагрелась, и мне уже трудно дышать. Спрашивайте меня поскорее, а то мне станет худо.

Доктор. Еще одну минутку. Когда в тысяча четыреста девяносто втором году Христофор Колумб плыл через Атлантику, он бросил в море свой дневник, запечатанный в кувшин. До сих пор он не найден. Скорее всего, он лежит где-нибудь на дне. Ты не слышала, где он сейчас?

Неприглядка. Морское течение отнесло его к устью Ориноко и дальше к краю Большой Дыры. Я не могу принести его вам, потому что Большая Дыра — очень опасное место.

Доктор. Сейчас я отпущу тебя в море, хотя и знаю, что, как только ты уплывешь, у меня появится тысяча новых вопросов. Но я не могу тебя держать в неволе. Не хочешь ли ты подкрепиться перед дорогой? День будет прохладным, и несколько крошек сладкого пирога тебе не повредят.

Неприглядка. Спасибо, но мне лучше не задерживаться здесь. Я уже изнемогаю от жары.

Доктор. Не знаю, как и благодарить тебя за все, что ты мне рассказала. У тебя завидное терпение. Спасибо.

Неприглядка. Не стоит благодарности. Мне было приятно оказать вам услугу. Теперь я могу похвастаться перед сородичами, что была полезной самому Джону Дулиттлу. Мы много слышали о вас от дельфинов. Счастливого пути!

Доктор вынес аквариум на палубу и отпустил рыбу в море. Раздался тихий всплеск.

— До свидания, — шепнул доктор.

Я со вздохом откинулся на спинку стула. Мои пальцы онемели от усталости, мне казалось, что они больше никогда не смогут держать карандаш. А доктор устал еще больше моего, ведь всю ночь, пока я спал, он беседовал с неприглядкой.

Доктор поставил аквариум на стол и тут же без сил рухнул в кресло, закрыл глаза и уснул.

Но тут раздался стук. Это Полли стучала в дверь каюты. Я открыл ей.

— На что это похоже? — сердито проскрипела она. — Черный принц спит за штурвалом, доктор спит на вахте, а ты рисуешь чертиков в тетрадке! Вы думаете, что корабль живой и сам найдет дорогу в Бразилию? Мы и так уже опаздываем на неделю, а теперь еще нас носит по морю взад-вперед, как пустую бутылку из-под рома! Хороши моряки, нечего сказать!

Но даже ее громкий скрипучий голос не сумел разбудить доктора.

Глава 3 ШТОРМ

Я вышел на палубу и встал к штурвалу. Но когда я положил корабль на нужный курс, мне показалось, что на море что-то не так. Ветер совсем стих, и «Ржанка» двигалась вперед черепашьям шагом, а может, и того медленнее.

Однако доктор успокоил меня и сказал, что штиль на море — дело обычное. Так прошел день, второй, третий. Прошло десять дней, а ветра все не было. «Ржанка» стояла на месте и слегка покачивалась, словно ребенок, не решающийся сделать первый шаг.

Я заметил, что доктор встревожился. Он достал секстант, этакий хитроумный набор зеркал, стеклышек и винтиков, навел его на солнце и принялся высчитывать, в какой части океана мы остановились. По несколько раз на дню он выходил на палубу и подолгу смотрел в подозрную трубу на море.

Однажды стояло ангельски-тихое утро, когда доктор не выдержал и стал бранить «чертову погоду».

— Ничего страшного не случится, — попытался я его утешить, — если мы чуток опоздаем. Провизии у нас хватает, а Миранда догадается, что нас задержали обстоятельства, и подождет нас.

— Конечно, Миранда догадается, — задумчиво ответил доктор, отрываясь от подозрной трубы, — но я терпеть не могу заставлять других ждать себя. В это время года Миранда обычно отдыхает в Перуанских Андах — горный воздух ей очень полезен, а у бедняжки слабое здоровье. К тому же я боюсь, что вот-вот начнется сезон бурь и мы задержимся еще больше. Ну хотя бы легкий ветерок, чтобы мы пусть медленно, но все же двигались вперед! Так нет же, на море мертвый штиль, и шхуна стоит как вкопанная! Погоди, погоди... Ну наконец-то подул ветер! Пока еще слабый, но будем надеяться, что скоро он усилится.

Действительно, юго-восточный ветерок свистнул в снастях. Мы с надеждой посмотрели на паруса «Ржанки».

— До берегов Бразилии нам осталось всего двести пятьдесят миль, — сказал доктор. — Мы доберемся туда за день, если ветер не изменится.

Но ветер изменился сначала на восточный, а потом на северный. Он налетал неожиданно, порывами, словно в растерянности рыскал по морю и не знал, куда ему повернуть. Я напрягал все силы, чтобы удержать «Ржанку» на нужном курсе. Крутые волны играючи бросали корабль из стороны в сторону.

Полли взгромоздилась на рею и вертела головой, глядя во все стороны, в надежде увидеть далекий берег.

— Погода портится, — хрипло проскрипела она с высоты. — Такой порывистый ветер — плохой знак для моряка. Посмотрите на север — видите там, низко над водой, черную пелену? На нас надвигается шторм, и можете считать меня глупой курицей, если я окажусь неправа. Эти широты всегда славились ужасными штормами. Уберите паруса, иначе ветер разорвет их в клочья. Доктор, встань к штурвалу. В бурю корабль должен быть в надежных руках. А ты, Том, сходи разбуди Бед-Окура и Чи-Чи.

Когда я снова вышел на палубу, небо над нами почернело еще больше, а черная пелена стремительно приближалась к нам и грозила поглотить корабль. Над морем неслись далекие раскаты грома. Вода из голубой стала серой, мрачного свинцового цвета. Низкие клочья туч едва не задевали верхушки мачт и были похожи на лохмотья убегающих от бури ведьм.

Мое сердце замерло от страха. До сих пор я видел лишь спокойное, дружелюбное море, иногда ленивое, иногда — игривое, манящее, задумчивое. По ночам лунный свет ткал в волнах серебряное полотно, а бледные облака в небе превращались в волшебные дворцы. Но никогда раньше мне не приходилось видеть яростное, взбесившееся в злобе море.

Когда шторм налетел на нас, судно повалилось набок, словно невидимый кулак великана с размаху ударил его.

Потом все спуталось и замелькало: ветер бил в лицо, не давал дышать, волны обрушивались на нас, соленая вода слепила, реи и мачты с треском и грохотом падали на палубу. Я даже не могу сказать точно, когда наше судно стало тонуть.

Помню только, что, когда мы попытались убрать кливера, ветер вырвал их из наших рук и унес высоко в небо, словно воздушный шарик, и едва не утащил вцепившуюся в веревки Чи-Чи.

«Ржанка», без парусов и без мачт, мчалась неизвестно куда наперегонки с бурей. Огромные серо-черные волны вставали из моря, словно призраки и кошмары страшного сна, росли, поднимались все выше и выше, чтобы затем обрушиться на судно.

Я вцепился руками в поручни, чтобы меня не смыло за борт, и все же силы оставили меня, и я упал на палубу, покатился по ней, соленая морская вода залила мне глаза, попала в рот... Последнее, что я запомнил, — оглушительный треск. Я ударился головой об обломок мачты и потерял сознание.

Глава 4 КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Я открыл глаза. Надо мной было голубое небо, вокруг плескалось присмирившее море. Голова кружилась, мне подумалось, что я уснул на палубе «Ржанки» и что пора идти нести вахту у штурвала. Я попытался встать, но мне это не удалось. Мои руки были стянуты толстой веревкой, а второй ее конец был привязан к чему-то большому и тяжелому. Я с трудом приподнял голову и увидел, что лежу на огромном обломке мачты.

И это все, что осталось от «Ржанки»? Я не на шутку испугался и завертел головой — повсюду была только вода, и нигде: ни на севере, ни на востоке, ни на западе, ни на юге — я не увидел ни берега, ни какого-нибудь судна. Я был совершенно один в бескрайнем морском просторе.

И тут я вспомнил, что произошло: приближение шторма, ветер, рвущий паруса, огромная волна, швырнувшая меня на палубу. Но что же случилось с доктором и остальными

моими друзьями? Какой сегодня день? Почему я лежу на обломке мачты и кто меня привязал к нему? Я с трудом сунул связанные руки в карман куртки, вытащил перочинный ножик и разрезал веревку. Когда-то Джозеф рассказал мне историю о капитане, привязавшем своего сына к мачте, чтобы того не смыло волной за борт. По-видимому, доктор сделал то же самое со мной. Но где же он теперь?

А что, если доктор и все остальные утонули? Может быть, они, как и я, плывут по воле волн на спасительных обломках «Ржанки»? Я встал на ноги и еще раз осмотрелся. Ничего, совсем ничего, кроме воды и неба!

Вдруг я увидел небольшую птицу, летящую низко над водой. Птица приблизилась, и я узнал в ней чайку. Я попытался заговорить с ней, расспросить ее о докторе, но то ли я был еще слишком слаб в птичьем языке, то ли она не услышала моего голоса. Чайка описала два круга над моей головой. Она летела легко, едва взмахивая крыльями, и меня охватило отчаяние. Каким образом ей удалось пережить ужасную бурю? Почему человеческий разум бессилен перед стихией? Маленькая, хрупкая и невзрачная птица была намного меньше и слабее меня, но море ничем не грозило ей. В любую погоду она чувствует себя как дома в бескрайних морских просторах и неспешно взмахивает крыльями.

Похоже, я не привлек ее внимание, ей не было дела до мальчишки на обломках судна, и она развернулась и улетела туда же, откуда прилетела. Я снова остался один.

Голод и жажда начали мучить меня, и в голову полезли мрачные мысли, как это обычно и бывает, когда человек остается в одиночестве, да еще без завтрака и без малейшей надежды на обед. Что со мною будет? Неужели никто меня не найдет? Я не хотел, я не хотел умирать от голода и жажды! Потом солнце спряталось за тучами, и стало холодно. Сколько сотен миль отделяет меня от берега? А что, если разразится новый шторм?

От таких мыслей мне стало еще грустнее и неудобнее, и я чуть было не пустил слезу, но вдруг вспомнил слова Полли: «С доктором ты всегда в безопасности. Ему всегда удивительно везет».

Если бы доктор был рядом со мной, мне было бы легче. Одиночество пугало меня. «Посмотри на чайку, — сказал я вслух, чтобы ободрить самого себя, — она ведь тоже одинока. К чему зря лить слезы? Пока тебе ничто не грозит. Джон Дулиттл не стал бы расстраиваться из-за таких пустяков. Если Полли сказала мне правду, то доктор утонуть не мог, а раз так, то все кончится хорошо. Ты с ним еще попутешествуешь и даже сделаешь не одно открытие».

Я совсем продрог и, чтобы хоть как-то согреться, принялся шагать взад-вперед по обломку толстого бревна, ставшего на время моим домом. К тому же делать мне больше было нечего.

Потом мне это надоело, и я прилег отдохнуть. Несмотря на страхи, я вскоре крепко уснул.

Проснулся я уже ночью. В высоком безоблачном небе горели звезды, море оставалось спокойным, мачта тихонько покачивалась подо мной, но глухое молчание темной ночи лишило меня последней отваги, и я шмыгнул носом.

— Ты проснулся? — раздался рядом со мной высокий серебристый голос.

От неожиданности я подпрыгнул, словно меня укололи, и чуть не свалился в воду. В двух шагах от меня сидела пурпурная райская птица. Ее великолепный золотой хвост блестел в тусклом свете звезд.

Никогда в жизни я никому так не радовался, как Миранде. Я бросился к ней, чтобы обнять ее, и снова чуть не свалился в воду.

— Мне не хотелось будить тебя, — сказала Миранда. — Я подумала, что ты очень устал и тебе надо хотя бы во сне забыть о всех передрягах. Ой, больно! Отпусти меня, не тискай, словно я — бесчувственное утиное чучело!

— Миранда, милая Миранда! — повторял я. — Как я рад, что вижу тебя! Доктор жив? Где он?

— Ну конечно, жив. Я даже готова держать пари, что он будет жить вечно. Он милях в сорока к востоку, сидит на обломке вашего судна и бреется.

— Бреется? — открыл я рот от изумления. — Как так бреется?

— Не может же он опуститься и ходить небритым! Когда я от него улетаю, он намазывал щеки.

— Какое счастье, что он жив! — восклицал я. — А где Бед-Окур? И где все остальные?

— Они вместе с доктором, живы и здоровы. Корабль рассыпался на части. Пока ты лежал без чувств, доктор успел привязать тебя к мачте, но потом буря разметала обломки в разные стороны. Доктор очень волновался, что тебя нет рядом, и, по чести говоря, не зря. Такой ураган могут вынести только чайки и альбатросы. Я уже три недели поджидаю вас на скалах неподалеку отсюда, и, когда вчера к вечеру разразилась буря, мне пришлось спрятаться между камнями, да и то ветер чуть не вырвал все перья из моего замечательного хвоста. А сегодня утром я нашла доктора, и он сразу же велел мне и дельфинам отправляться на поиски тебя. Нам вызвалась помочь одна чайка, она-то и нашла тебя.

— А как же я теперь доберусь до доктора? У меня нет весел!

— Зачем тебе весла? Ты и так уже плывешь к нему.

Я посмотрел вокруг. Встала луна, и в ее свете я убедился, что мой «корабль» движется вперед.

— Нас несет течением? — спросил я.

— Ты плохо знаешь доктора — он не станет полагаться на течение. Нас толкают вперед дельфины.

Я заглянул в воду и действительно увидел четырех больших дельфинов. Их темная гладкая кожа поблескивала в лунном свете. Они упирались лбами в мачту, и мой «корабль» легко скользил по волнам.

— Эти дельфины готовы на все ради Джона Дулиттла, — продолжала Миранда. — Они с ним старые друзья. Потерпи, скоро мы будем на месте. Видишь вон там что-то черное? Да нет, не там, а правее. Это твой чернокожий друг. А вот теперь Чи-Чи заметила нас и машет нам руками. Неужели ты и ее не видишь?

А я действительно ничего не видел. Наверное, у меня были не такие зоркие глаза, как у Миранды. И тут неожиданно из густого тумана до меня донесся громкий голос Бед-Окура. Черный принц во все горло распевал веселую африканскую песенку.

По чести говоря, доктор был совершенно прав, когда отговорил Бед-Окура петь на улицах Монтеверде: испанцы знают толк в пении и могли бы в самом деле забросать нашего друга, а заодно и нас, гнилыми помидорами. Но в ту минуту похожие на визг напильника звуки, которые издавал черный принц, показались мне ангельским пением.

Прошло еще несколько мгновений, и из темноты выплыл большой обломок палубы, настолько большой, что он мог сойти за плот. Это было все, что осталось от нашей несчастной «Ржанки».

— Как я р-р-рада! — скрипела Полли.

— Ты жив, мальчик? — повизгивала Чи-Чи.

— Добро пожаловать в нашу гав-гав-гавань! — радостно лаял О'Скалли.

— Ура! Том снова с нами! — кричал Бед-Окур.

Их голоса неслись ко мне сквозь темноту. Я уже и не помню, что я отвечал моим друзьям, но вопили мы так, что наверняка переполошили всех рыб на милю вокруг.

И вот, наконец, мой обломок мачты «пришвартовался» к плоту доктора. Мы снова были вместе. У самого края плота сидел доктор, смотрелся в освещенную луной воду и скоблил щеки осколком бутылочного стекла.

Глава 5 ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!

Под громкие приветственные крики друзей я покинул свой обломок мачты и перебрался к ним. Догадываясь, что я умираю от жажды и голода, Бед-Окур принес мне кружку пресной воды из бочонка, а Чи-Чи притащила целую пригоршню ржанных матросских

сухарей. Доктор тщательно вытер свою бритву из бутылочного осколка и спрятал ее среди настила палубы, наверное, чтобы она не затерялась. Затем он по-доброму улыбнулся, подошел ко мне и потрепал за вихры.

Теперь я чувствовал себя совершенно спокойно в открытом море на обломках «Ржанки». Рядом со мной снова был доктор Джон Дулиттл, человек, как никто знающий природу. Он дружил со зверями и птицами, и те помогали ему устоять перед яростным натиском стихии.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие первобытные племена, среди которых доктору приходилось жить во время долгих странствий, высекли на скалах и вырезали из дерева Джона Дулиттла в виде то полурыбы, то полуптицы, то полусобаки, а однажды даже изобразили его кентавром. Хотя это звучит немножко странно и смешно, но я понял, что хотела сказать Миранда, когда произнесла загадочную фразу: «Доктор будет жить вечно».

На стареньком цилиндре и измятом сюртуке доктора выступили пятна морской соли. Но от бури, так напугавшей меня, пострадала только одежда Джона Дулиттла. Потеря судна обескуражила великого человека не больше, чем та мель, на которую мы сели, отплывая из Паддлеби. Он потерял все: корабль, деньги, все свои вещи и даже бритву, но чудом успел спасти бочонок с водой, ящик с сухарями и свои дневники. Драгоценные бумаги были привязаны к его телу веревкой.

Да, старина Мэтьюз Магг ничего не приукрасил — этот нелепый и смешной толстяк был действительно великим человеком.

— Спасибо тебе, Миранда, — сказал доктор пурпурной райской птице, — что ты так быстро нашла Стаббинса. А теперь лети вперед и показывай нам дорогу к Острову Паучьих Обезьян. А вы, друзья, — обратился он к дельфинам, — толкайте наш плот, куда укажет Миранда.

Медленно, очень медленно мы плыли на юг вслед за летевшей впереди пурпурной райской птицей. Так прошло три дня.

Чем дальше на юг мы продвигались, тем становилось холоднее. Нет-нет, я не ошибся. Дело в том, что мы уже давно пересекли экватор и постепенно приближались к тем широтам, куда ветер доносит холод Южного полюса. Ураган, потопивший наше судно, отогнал туда и плавучий Остров Паучьих Обезьян.

На третью ночь к нам вернулась дрожащая от холода Миранда.

— Остров уже рядом. Но вы его не видите из-за темноты и тумана. Когда рассветет, вы доберетесь до него и без меня. А я поспешу на родину, в Бразилию, пока совсем не оконченела. В августе будущего года ждите меня в Паддлеби.

— Прощай, Миранда, — ответил ей Джон Дулиттл. — Как только что-нибудь узнаешь о Большой Стреле, пожалуйста, сообщи мне.

— Непременно! — пообещала пурпурная райская птица. — Желаю удачи!

И она исчезла в ночной тьме.

Следующим утром мы все были на ногах задолго до восхода солнца. Нам не терпелось увидеть землю, тот таинственный остров, к которому нас привела такая дальняя и опасная дорога. И едва первые лучи окрасили в розовый цвет серое небо, послышался голос Полли:

— Земля! Земля! Я вижу пальмы на берегу и вершину горы!

Наконец рассвело, и мы смогли рассмотреть остров. Посреди него высилась огромная гора, вокруг которой стояли горы поменьше. Их склоны покрывали зеленые заросли.

Дельфины толкнули наш плот в последний раз, и мы пристали к низкому берегу. Теперь мы могли размять ноги, почувствовать под ними настоящую твердую землю. Да-да, хотя остров и был плавучий, это была настоящая твердая земля, и впервые за последние шесть недель подо мной не раскачивалась палуба.

Я ликовал. Вот он, Остров Паучьих Обезьян, крохотная точка на карте, в которую по воле судьбы уткнулся кончик карандаша! Вот он, у меня под ногами!

Пока я бегал по берегу и притопывал, наш плот распался на несколько обломков помельче, а те — на отдельные бревна и доски. Плыть дальше было не на чем, и наше путешествие закончилось если и не совсем блестяще, то уж во всяком случае вполне благополучно.

Доктор поблагодарил дельфинов за помощь и отпустил их, и мы направились в глубь острова. Но не успели мы сделать и десяти шагов, как нам навстречу из-за деревьев вышли краснокожие...

В руках они держали луки, стрелы и длинные копья с каменными наконечниками. Их грозные лица не предвещали нам ничего хорошего. Доктор обратился к ним на всех известных ему языках, но краснокожие не поняли его. Тогда он попытался объяснить им знаками, что прибыл на остров как друг, но индейцы потрясали оружием и давали понять, что убьют нас, если мы сделаем хоть шаг. Скорее всего, они хотели, чтобы мы сразу же покинули их остров и никогда больше на него не возвращались.

Мы оказались в безвыходном положении. Островитяне встретили нас враждебно, но и уплыть восвояси мы не могли — наш корабль разбился, и даже плот рассыпался на щепки.

Нас выручила случайность. Из рощицы вдруг выбежал индеец и, размахивая руками, помчался к тем, что стояли перед нами и грозили нам копьями. Он что-то залопотал на

своем языке, и остальные явно встревожились. Они еще раз грозно взмахнули копьями, повернулись к нам спиной и куда-то убежали.

Мы остались одни.

— Грубияны! — негодовал Бед-Окур. — Их плохо воспитывали в детстве! Разве можно так обращаться с гостями? Они даже не предложили нам позавтракать вместе с ними! Надо бы научить их вежливости.

— Не кипятись! — охладила его Полли. — По-видимому, что-то случилось у них в селении. Послушайтесь совета старой попугаихи и бегите в горы, пока они не вернулись. Может быть, потом, когда мы докажем им, что мы не враги, они и предложат нам позавтракать. У них простые, честные лица, и не их вина, что в детстве им не читали книжек.

Обескураженные первой встречей с островитянами, мы зашагали к горам, высившимся вдали.

Глава 6 ЯБИЗРИ

Мы пробирались по густому лесу у подножия гор. Лианы и колючие заросли стеной вставали на нашем пути, но мы упорно, шаг за шагом, продвигались вперед. К тому же мы прислушались к совету умной Полли и специально избегали открытых мест, чтобы не встретиться с негостеприимными хозяевами острова. Я заметил, что листья на деревьях увяли и начали желтеть, но доктор объяснил мне, что остров отнесло в холодные широты и что привыкшие к теплу тропические растения могут погибнуть.

Вскоре мы вышли на укромную солнечную полянку, по которой бежал ручеек с чистой, прохладной водой. Там мы и расположились на отдых, а Полли и Чи-Чи в считанные минуты разыскали в лесу съедобные плоды, орехи и молодые побеги сахарного тростника. Наконец-то мы могли позавтракать.

Затем мы снова тронулись в путь и пошли вдоль ручья вверх по склону, пока не добрались до края леса. Отсюда мы видели весь остров и бескрайнее голубое море.

Как замороженные, мы смотрели вниз, когда доктор вдруг прошептал:

— Тс-с-с! Вы слышите жужжание? Это ябизри.

Мы наострили уши и в самом деле услышали жужжание. Оно становилось то громче, то тише, в нем звучали переливы, словно кто-то напевал грустную песенку.

— Где же он? — шептал доктор. — Где-то совсем рядом. Но почему я его не вижу? Ах, почему же я не догадался спасти вместе с дневниками и сачок для ловли бабочек?! Будь проклята эта буря! Теперь я могу упустить самого редкого в мире жука! А вот и он!

Большой, почти в три дюйма длиной, жук пролетел у нас под носом. Доктор встрепенулся, сорвал с головы цилиндр, размахнулся — и ловко накрыл им жука. При этом он едва не свалился в пропасть, но разве могут такие пустяки огорчить доктора, если он держит в руках редчайшего жука? Его лицо расплылось в счастливой улыбке, он вытащил из кармана коробочку со стеклянной крышкой, встал на колени рядом с цилиндром и чуть-чуть приподнял его. Жук с гневным жужжанием вылетел оттуда и тут же угодил в коробочку.

Счастливым, как ребенок, доктор встал на ноги и с гордостью показал нам свое «сокровище».

По правде говоря, даже бабочки не годились этому жуку в подметки. Брюшко у него было светло-голубое, настоящего небесного цвета, спинка блестела, словно покрытая черным китайским лаком, а по ней шли узоры из красных крапинок.

— Какое счастье! — восклицал доктор. — Какая удача! Да любой натуралист отдаст полжизни, лишь бы оказаться на моем месте. Постойте, а это что? Что это привязано к лапке ябизри?

Он осторожно вынул жука из коробочки, перевернул его брюшком вверх. Мы сгрудились вокруг.

Жук медленно перебирал в воздухе шестеркой мохнатых ног, правая передняя была обмотана тонюсеньким сухим листиком, обвязанным вокруг тонкой, но крепкой ниточкой паутины.

Мне всегда доставляло удовольствие наблюдать, как Джон Дулиттл работает. Вот и теперь его толстые и неуклюжие пальцы непонятно как развязали узелок на паутине, освободили лапку жука от листика, распрямили листик...

Каково же было наше удивление, когда мы увидели на листике значки и рисунки! Они были так тонко нарисованы, что доктору пришлось достать из кармана увеличительное стекло, чтобы рассмотреть их.

Рисунки были сделаны странными чернилами коричневого цвета. На несколько минут воцарилась тишина. Мы с удивлением и беспокойством всматривались в загадочный листик.

— Рисунки сделаны кровью, — прервал молчание доктор. — Когда кровь высыхает, она становится именно такого цвета. Этот способ известен с незапамятных времен, но вам я не советую им пользоваться. Во-первых, вам придется расцарапать себе палец, а это больно. Во-вторых, в ранку могут попасть микробы, и тогда палец распухнет. Но что за прелесть этот жук! Откуда он прилетел? Как жаль, что я не знаю языка ябизри.

— А что значат эти рисунки и значки? — спросил я. — И что нам теперь делать?

— Несомненно, это — письмо, — ответил доктор. — Рисуночное письмо. Ябизри — не больше чем почтальон. Однако кому понадобилось отправлять письмо с самым редким жуком в мире? Здесь кроется какая-то тайна...

Он склонился над листиком и зашептал:

— Что же это может означать? Вот тут люди карабкаются на гору, вот тут они входят в пещеру. Здесь с горы катятся камни. Люди показывают на свои открытые рты. Вот они стоят на коленях, а в конце — снова гора, у нее странная форма...

Доктор радостно вскинул голову и засмеялся.

— Большая Стрела! — воскликнул он. — Присмотрись, Стаббинс. Это же ясно как день! Только натуралисту придет в голову мысль отправить письмо с самым редким в мире жуком, на которого охотятся все ученые. Большая Стрела — и никто иной! К тому же он, как ты уже знаешь, не умеет писать.

— А кому он отправил это письмо? — спросил я.

— Может быть, мне. Когда-то Миранда рассказала ему обо мне и что я хочу посетить остров. А может быть, тому, кто поймает жука и прочтет письмо.

— Легко сказать — прочтет! — воскликнул я. — Не письмо, а какая-то нелепица!

— А ты попробуй прочесть его сам. Это не так-то и сложно, как кажется. Вот смотри: люди карабкаются на гору, затем они входят в пещеру. С горы падают камни, они закрывают вход, и люди оказываются заживо погребенными в пещере. Люди показывают на свои открытые рты — это значит, что они голодны, возможно, даже умирают от голода. Они стоят на коленях, умоляют помочь им. По-моему, все ясно. Обвал замуровал Большую Стрелу и его товарищей в пещере, Большая Стрела написал письмо собственной кровью, привязал к лапке жука и пустил его на поиски человека, способного выручить их из беды. Ведь только жук мог пролезть в узкую щелку среди огромных валунов. Это не письмо, Стаббинс, это крик о помощи!

Доктор умолк, затем вскочил на ноги, спрятал листик среди своих бумаг, все еще привязанных к телу веревкой. Его руки дрожали от волнения.

— Вперед! — вскричал он. — В горы! Время не ждет, Большая Стрела и его друзья в опасности! Одному Богу известно, сколько дней они томятся под землей без света, воды и пищи! Бед-Окур, не забудь прихватить с собой воду и орехи.

— Но где их искать? — спросил я. — На острове не один десяток гор.

— Ты плохо смотрел на последнюю картинку, — ответил мне доктор, надевая на голову старенький цилиндр. — На ней нарисована гора странной формы. Она напоминает голову сокола. Вот ее-то нам и предстоит отыскать. Для начала надо взобраться повыше и

осмотреться, нет ли вблизи чего-нибудь похожего на рисунок. Теперь я должен спасти Большую Стрелу! Торопитесь!

Глава 7 СОКОЛИНАЯ ГОРА

Потом, когда все кончилось, мы в один голос сказали, что никогда в жизни нам не приходилось так тяжело, как в тот день. Я едва не падал от усталости, но двигался вперед как заводной медвежонок, потому что решил, что не пристало мне, Тому Стаббинсу, отступить.

Мы цеплялись руками за камни и содрали пальцы в кровь, спотыкались о валуны и сбили ноги, но в конце концов добрались до вершины и с нее сразу же увидели странную гору, изображенную на рисунке в письме. Она и в самом деле напоминала голову сокола. Это была вторая по высоте гора на острове.

Хотя мы едва дышали после подъема на вершину, доктор не дал нам ни минуты отдыха. Выбирая кратчайший путь, Джон Дулиттл понесся вниз, чудом удерживаясь на ногах, ломая кусты, перепрыгивая через ручьи. Маленький толстый человечек мчался вперед, а мы с Бед-Окуром с трудом поспевали за ним.

Мы словно бежали наперегонки со смертью, которая грозила Большой Стреле и его товарищам. О'Скалли, Чи-Чи и Полли разошлись не на шутку и даже обогнали доктора.

И вот мы добежали до подножия горы.

— Теперь мы разойдемся в разные стороны искать пещеру, заваленную камнями, — сказал доктор. — Даже если никто ничего не найдет, через час встретимся здесь.

И мы отправились на поиски. Каждый горел желанием первым обнаружить коварную пещеру, ставшую тюрьмой для Большой Стрелы и его друзей. Наверняка ни одну гору в мире не осматривали так тщательно. Увы, никому из нас не встретилось ничего похожего на то, что мы искали. То тут, то там громоздились обломки скал, но ни за одним из завалов не скрывалась пещера.

Усталые и потерявшие надежду, мы возвратились к месту сбора. Доктор был мрачен, но отступить не собирался.

— О'Скалли, — позвал он пса. — Ты хорошо все обнюхал?

— Я сунул нос в каждую щель на склоне, — удрученно ответил О'Скалли. — Боюсь, что на этот раз мой нос не сослужит вам службу. Весь остров пропах паучьими обезьянами, и их запах перебивает все остальные. Кроме того, здесь слишком холодно, и мне трудно взять след.

— Может быть, может быть, — согласился с ним доктор. — Я чувствую, что с каждым часом становится холоднее. Если остров и дальше будет так же двигаться на юг, то скоро все замерзнет, и мы останемся без фруктов и орехов. А что видела ты, Чи-Чи?

— Я залезала на скалы, я заглядывала везде, куда только могла добраться, но не нашла ничего похожего на пещеру, где могли бы укрыться люди.

— А ты, Полли? — спросил доктор попугаиху. — Ты тоже не нашла вход в пещеру?

— Нет, — ответила та. — Но я, кажется, нашла выход.

— Что? — удивился Джон Дулиттл. — Ты нашла выход из пещеры?

— Да нет, я нашла выход из положения.

— Интересно, интересно, — обрадовался доктор и снова воспрял духом. — Ну-ка, расскажи нам, что ты придумала.

— Этот щеголь в крапинку, этот бизи-ризи, или как вы его там называете, все еще у вас?

— Да, — ответил доктор и вынул из кармана коробочку со стеклянной крышкой.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Полли. — Если Большая Стрела оказался замурованным в пещере, то, скорее всего, он нашел этого жука там. Вряд ли он носил его с собой, ведь, как вы говорили, Большая Стрела искал травы. Вот я и думаю, что, если мы отпустим жука на свободу, он полетит к себе домой, то есть в ту самую пещеру.

И Полли с гордым видом принялась приглаживать перышки на крыльях.

— Но ведь он полетит и скроется из виду, как только я его отпущу, — возразил доктор. — И уж тогда нам никогда не найти пещеру.

— Пусть летит куда ему вздумается, — презрительно скрипнула Полли. — Мы, попугаи, летаем не хуже каких-то бизи-ризи. В воздухе ему от меня не уйти. А если он поползет по земле, вы и сами сможете уследить за ним.

— Замечательно! Какая ты умница, Полли! — вскричал доктор. — Сейчас мы заставим этого щеголя в крапинку поработать на нас и посмотрим, чем это кончится!

Мы обступили доктора. Он осторожно приподнял стеклянную крышку, огромный жук влез на его палец и остановился в задумчивости.

— Божья коровка, полети на небо! — запел Бед-Окур.

— Тише, — осаждала его Полли, — не пугай бизи-ризи. Он сейчас отправится домой и без твоей подсказки.

— А мне показалось, что он законченный бродяга, — пожал плечами Бед-Окур. — Вот я и решил спеть ему песенку, чтобы он вернулся домой.

— А если он испугается твоего голоса и полетит куда глаза глядят? Так что уж лучше ты не пой, а смотри за ним в оба. Доктор, — обратилась Полли к Джону Дулиттлу, — придержи на минутку этого бродягу и передай с ним письмо для Большой Стрелы. Напиши, что мы его ищем, и пусть не теряет надежды. Ты уж сам придумаешь, как это изобразить.

— Да, да, конечно, — сказал доктор и тут же сорвал листик с ближайшего куста и принялся выводить на нем тонкие рисунки.

С новым письмом, привязанным к лапке, ябизри сполз с пальца доктора на землю и осмотрелся. Он пошевелил ножками, почесал нос и медленно двинулся на запад.

Мы думали, что он непременно полезет вверх по скале, но жук пошел в обход горы.

Можете себе представить, сколько времени ему понадобилось, чтобы обойти гору вокруг. Прошел час, другой, мы все еще надеялись, что жук взлетит и Полли сможет проследить за ним. Но он даже не пошевелил крыльями. Я раньше и подумать не мог, что самое трудное занятие в мире — идти в ногу с жуком. Ничего скучнее и тягостнее мне никогда не приходилось делать ни до того, ни после. Мы не спускали глаз с жука, боясь потерять его среди листвы или между камней, мы двигались за ним шаг за шагом, кипели от злости и готовы были взяться за хворостину и подгонять его.

А жук не торопился, часто останавливался, чтобы осмотреться или почесать себе нос, и тогда сидевшая на моем плече Полли шепотом сыпала страшными морскими ругательствами, которым ее научили пираты.

Обойдя гору вокруг, жук вернулся туда, откуда мы начали свое путешествие.

— Зря ты помешала мне спеть ему песенку, — сказал Бед-Окур. — Отпетого бродягу не тянет домой.

— Тише! — шикнула на него Полли. — А если бы тебя продержали весь день в маленькой коробочке, тебе не захотелось бы прогуляться и размять ноги? Наверное, его дом где-то рядом, вот он и вернулся сюда.

— Тогда зачем ему понадобилось обходить гору вокруг? — удивился я.

И мы принялись спорить, но доктор оборвал нас:

— Смотрите!

Мы оглянулись и увидели, что ябизри бодро двинулся вверх по скале.

— Ну и жук! — воскликнул Бед-Окур и уселся на землю. — Если ему вздумалось прогуляться вверх по горе, чтобы размять ноги, я лучше подожду его здесь. А Чи-Чи и Полли пусть следят за бродягой.

Но когда ябизри поднялся футов на десять над нами, мы вдруг в один голос вскрикнули. И как было не закричать: несмотря на то что мы не спускали с жука глаз, он исчез, словно капля дождя, упавшая на сухой песок.

— Там! — кричала Полли. — Там должна быть его норка!

Она взлетела на скалу, уселась на валуне.

— Так оно и есть! — бросила она нам свысока. — Здесь, среди мхов, дыра.

— Так-так! — сказал доктор. — Он потирал руки от нетерпения. — Как же мы сразу не заметили? Смотрите, этот огромный обломок скалы соскользнул с вершины и закупорил вход в пещеру, как пробка бутылку. Несчастные люди! Какие ужасные минуты пришлось им пережить! Что же нам делать? У нас нет ни кирки, ни лопаты.

— Ни кирка, ни лопата здесь не помогут. Вы только посмотрите, какой большой этот камень. Чтобы сдвинуть его с места, понадобится сотня землекопов и неделя времени.

— Боже мой, как же нам откатить его в сторону? — вопрошал доктор.

Он поднял с земли большой камень и с размаху стукнул им в скалу. Раздался глухой звук, словно кто-то бил в огромный барабан. Мы вслушивались в затихающее вдали эхо.

И вдруг мурашки побежали у нас по спине. Из горы прозвучал ответ. Три удара — бум! бум! бум! Мы смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами, и нам казалось, что сама земля разговаривает с нами.

— Слава Богу! — торжественно промолвил Джон Дулиттл. — Кто-то из них все еще жив!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1 СПАСЕНЫ!

Но что же делать? Как отодвинуть в сторону гигантский обломок скалы? Столкнуть его вниз? Или, может быть, проделать в нем дыру?

Мы смотрели на высившийся над нашими головами огромный камень и понимали, что нам не под силу даже шевельнуть его. Однако доносившиеся из пещеры звуки не давали нам сидеть сложа руки, и мы принялись еще раз рыскать вокруг в надежде отыскать хотя бы самую маленькую щель. Чи-Чи вскарабкалась наверх. Я с корнем вырывал колючие кусты у входа, рассчитывая найти под ними нору какого-нибудь животного и по ней проникнуть в пещеру. Доктор рисовал на листике новое письмо, чтобы передать его с ябизри Большой Стреле, если, конечно, жук соизволит еще раз выползти наружу. Полли

носила в клюве орехи и проталкивала их через норку ябизри в пещеру, чтобы пленники могли хоть чем-то подкрепиться.

— Орехи очень сытные, — приговаривала она, как только еще один орех исчезал в норке.

О'Скалли рыл лапами землю под скалой. Такая работа была ему не в новинку, он умел очень ловко раскапывать норы сусликов. Он копал, копал и в конце концов докопался до главного, то есть до того, как выручить из пещеры людей.

— Доктор, — залаял он, подбегая к Джону Дулиттлу и выставя напоказ измазанный глиной нос, — под скалой очень мягкая земля, и если мы там ее раскопаем, камень опустится вниз.

Джон Дулиттл буквально скатился к тому месту, где О'Скалли копал землю.

— В самом деле, — бормотал он, растирая между пальцев комья глины, — почему бы и не попробовать? Мы уберем отсюда лишнюю землю, и камень осядет. За работу, друзья!

У нас не было ничего под рукой, кроме палок. Наверное, со стороны мы выглядели смешно и нелепо — двое мужчин, ребенок, обезьяна, пес и попугай лихорадочно рыли землю у подножия скалы. Полли старалась как могла, но она была бы не она, если бы не ворчала:

— Я птица, а не крот! Ну да уж ладно, чего не сделаешь ради людей!

Пот ручьями струился по нашим лицам. Через час доктор велел нам остановиться.

— Отойдите-ка в сторонку, друзья, — сказал он. — Теперь мы должны быть очень осторожны, чтобы скала не придавила нас.

И в ту же минуту раздался скрежет.

— Спасайтесь! Спасайтесь!

Полли вспорхнула, Чи-Чи в мгновение ока вскарабкалась на соседнее дерево, а мы отпрыгнули в сторону. Огромный камень пополз вниз. Я задрал голову, и мне показалось, что наши усилия пропали зря: пещера не открылась. Но камень качнулся раз, другой, медленно наклонился вперед и с грохотом покатился вниз. Когда он упал в пропасть и раскололся пополам, земля под нашими ногами задрожала.

Вход в пещеру был свободен! Из ее глубины неслись радостные голоса.

До сих пор мне не хватает слов, чтобы выразить, что я чувствовал, когда увидел встречу Большой Стрелы, сына Золотой Стрелы, и Джона Дулиттла, доктора медицины из Паддлеби-на-Марше. Это была поистине великая минута. Да и сам доктор, чья жизнь состояла из непрерывной цепи приключений, всегда считал освобождение необыкновенного индейца самым значительным событием.

У входа в пещеру стоял высокого роста краснокожий человек, красивый и стройный. На нем была набедренная повязка в виде вышитой юбочки, в волосах торчало орлиное перо. Одной рукой он прикрывал глаза. Он много дней провел в полной темноте, и теперь дневной свет слепил его.

— Это он! — воскликнул доктор. — Я узнаю его по высокому росту и по шраму на подбородке.

Доктор перешагнул через каменные обломки и протянул руку индейцу. Тот оторвал ладонь от глаз, и я увидел их: необыкновенные, с пронзительным орлиным блеском, они смотрели мягко и дружелюбно. Индеец ответил на рукопожатие доктора.

Полли покачивала головой, Бед-Окур взволнованно сопел, пес вилял хвостом. Все мы понимали, что присутствуем при великом событии.

Доктор попытался заговорить с Большой Стрелой, но тот не знал английского, а доктор еще не успел выучить индейский. И вдруг, к моему изумлению, я услышал, как Джон Дулиттл обращается к Большой Стреле по-звериному.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он по-собачьи. — Я счастлив, что наконец-то встретил вас, — заржал он по-лошадиному. — Сколько дней вы провели в заточении? — продолжил он на языке диких кабанов.

Индеец стоял не шелохнувшись и всем своим видом показывал, что не понимает ни слова. Между тем доктор обращался к нему на всех известных ему языках, квакал по-лягушачьи, чирикал, рычал по-медвежьи, но все было тщетно.

В конце концов он заговорил на языке орлов.

— Дорогой краснокожий друг! — сказал он. Конечно, он не сказал. Доктор вскрикивал и клекотал, гортанно бормотал и присвистывал. — Я очень рад, что ты жив.

Внезапно каменное лицо Большой Стрелы осветилось улыбкой, и он ответил на том же языке:

— Великий белый человек, я обязан тебе жизнью. До конца моих дней я буду служить тебе и исполнять любые твои приказания.

Потом Большая Стрела рассказал нам, что язык орлов был единственным языком животных и птиц, который он смог выучить. Однако он его уже изрядно подзабыл, потому что орлы не гнездились на Острове Паучьих Обезьян.

Бед-Окур предложил ему воду и орехи. Большая Стрела благодарно поклонился, принял дары, но не притронулся к ним, а понес их в глубь темной пещеры. Мы пошли за ним.

На каменном полу лежали еще девять индейцев, мужчин, женщин и детей. Глаза их были закрыты, они казались мертвыми. Доктор бросился к индейцам, приложил ухо к груди каждого из них. Все они еще были живы, только не могли держаться на ногах от слабости.

Тем временем Чи-Чи и Полли отправились в лес за фруктами, орехами и водой.

Пока Большая Стрела раздавал пищу и воду своим товарищам, у входа в пещеру послышались голоса. Мы повернулись и увидели тех самых индейцев, что так недружелюбно встретили нас на берегу.

Сначала они робко заглянули внутрь пещеры, но, увидев, что Большая Стрела и другие индейцы находятся там вместе с нами, бросились к ним. Они хлопали в ладоши, смеялись и что-то быстро и непонятно лопотали на своем языке.

Большая Стрела рассказал доктору, что те девять человек, которых мы нашли в пещере, помогали ему искать в горах лечебные растения. На том острове есть особый мох, чей отвар помогает при болях в желудке. Он растет в глубоких и влажных пещерах, и когда Большая Стрела и его друзья собирали мох, огромный камень соскользнул вниз по склону и закрыл выход из пещеры. Два месяца они провели в темноте, питались только мхом и слизывали капли воды, выступавшие на каменных стенах. Островитяне уже давно считали их погибшими и теперь несказанно обрадовались и удивились, когда увидели своих сородичей живыми и невредимыми.

Когда Большая Стрела рассказал индейцам, что белый человек открыл пещеру и спас от верной смерти несчастных пленников, те подбежали к Джону Дулиттлу и стали бить себя в грудь кулаками и что-то кричать.

Большая Стрела объяснил, что индейцы извиняются таким образом и просят у доктора прощения за негостеприимство. Они впервые встретили белого человека, заметили, что он разговаривает с дельфинами, и очень испугались. Они приняли доктора за черта!

Потом все вышли из пещеры и долго, очень долго, ходили вокруг скатившегося вниз камня, цокали языками, удивленно таращили глаза и показывали пальцами на трещину посередине глыбы.

Потом путешественники, побывавшие на Острове Паучьих Обезьян, рассказывали мне, что и по сей день огромный камень показывают гостям. Из поколения в поколение островитяне передают легенду о том, как скалы заточили в пещере Большую Стрелу и как доктор узнал об этом, разгневался и голыми руками разломил камень пополам, швырнул его в пропасть и освободил друга.

Глава 2 ОСТРОВИТАНЕ

Индейцы пригласили нас в свое селение, чтобы отпраздновать спасение сородичей. Мы сплели из веток носилки для женщины, настолько ослабевшей, что она не могла идти сама, и тронулись в путь.

Пока мы спускались с гор в долину, Большая Стрела весело переговаривался с индейцами и вдруг умолк. Глаза его наполнились грустью.

— Что-то случилось? — спросил его доктор. — Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Никто не в силах воскресить покойника, — ответил Большая Стрела. — Сегодня утром умер вождь племени. Ему уже было восемьдесят лет.

— Ты помнишь, как поспешно убежали утром индейцы? — шепотом спросила доктора Полли. — К ним примчался гонец с известием о смерти вождя.

— От чего же он умер? — обратился к Большой Стреле доктор.

— От холода, — ответил тот.

И в самом деле, солнце уже клонилось к западу, и стало так холодно, что у нас зуб на зуб не попадал.

— Да, — протянул в задумчивости Джон Дулиттл. — Дело принимает серьезный оборот. Течение несет остров к югу, и если так пойдет дальше, все его жители замерзнут. Завтра с утра надо будет что-нибудь придумать. В крайнем случае индейцы могут уплыть на своих лодках. С морем, правда, тоже шутки плохи, но уж лучше утонуть, чем медленно умирать от холода в хижине.

В долине среди невысоких холмов стояло селение индейцев. Перед каждой хижинкой стоял тотем — раскрашенный резной столб с изображением священного животного. Вокруг росли плодовые деревья.

— Какой чудесный вид! — восхитился доктор. — А что это за селение? Как оно называется?

— Попсипетль, — ответил Большая Стрела. — Так же называется и племя индейцев, живущее на этом берегу. С другой стороны острова живут багиагдераги. Их племя многочисленнее, они даже выстроили большой город. Но я, — при этом лицо Большой Стрелы нахмурилось, — но я не променяю одного попсипетля и на двух багиагдерагов.

Весть о чудесном спасении исчезнувших в горах индейцев опередила нас. Почти все селение выбежало нам навстречу, чтобы обнять, прикоснуться или хотя бы посмотреть на избежавших смерти родных, друзей и соседей. Никто уже не надеялся увидеть их живыми.

Когда краснокожие узнали, что их родных спас белый человек, они подняли доктора к себе на плечи и так и внесли в селение. Там они бережно опустили Джона Дулиттла на землю, обступили его и принялись петь и плясать вокруг него. Наверное, так они выражали ему свою благодарность.

Потом они отвели нас в новую большую хижину. Крыша ее была сделана из свежескошенной травы и пахла так, что кружилась голова. Нам объяснили знаками, что отныне эта хижина — наша, и приставили шестерых крепких мальчиков, чтобы те нам прислуживали.

В хижине уже была расстелена оленья шкура, а на ней стояло угощение: фрукты, орехи и рыба. Старейшины племени пригласили нас поужинать, уселись вокруг на корточки и ждали, когда мы к ним присоединимся. Нас не пришлось уговаривать — после такого трудного дня я готов был съесть целого быка. Как же мы удивились, когда обнаружили, что рыба сырая! Индейцы, по-видимому, считали, что так и должно быть, и уплетали ее за обе щеки.

Доктор попытался объяснить Большой Стреле, что мы хотели бы испечь рыбу, но тот его не понял.

— Испечь, испечь на огне! — повторял Джон Дулиттл.

— Как испечь, где испечь? — спрашивал в ответ Большая Стрела.

Полли, гордо восседавшая между мною и доктором, наклонилась к нему и шепнула:

— Не горячись. Эти люди не знают огня. Смотри, уже темно, а во всем селении не развели ни одного костра.

Глава 3 ОГОНЬ

— Неужели вы не знаете, что такое огонь? — поразился доктор. И он принялся рисовать на оленьей шкуре костер, горящее дерево, изрыгающий пламя вулкан.

Большая Стрела всматривался в рисунки и задумчиво покачивал головой.

— Однажды я видел то, что ты называешь огнем, на вершине горы, но это было не на Острове Паучьих Обезьян. Никто из попсипетлей не знает огня, — сказал он.

— Несчастные люди, — жалел островитян Бед-Окур. — Неудивительно, что старый вождь умер от холода.

Вдруг раздался крик, и в хижину вбежала индианка с ребенком на руках. Она громко причитала, но мы так и не поняли, чего она хотела. Большая Стрела перевел нам, что индианка просит белого человека посмотреть ее больного ребенка.

— Господи, — простонала мне на ухо Полли, — нигде от них покоя нет. Совсем как в Паддлеби. Больным непременно надо прийти во время ужина. Слава Богу, хоть ужин не остынет, потому что и так все холодное.

Доктор взял ребенка на руки и осмотрел его. Тот дрожал от холода и тяжело дышал.

— Огонь, — сказал доктор, — нужен огонь. Ребенка надо согреть, иначе он простудится, заболит воспалением легких и умрет.

— Но где мы возьмем огонь? — развел руками Большая Стрела. — Огнедышащие горы на этом острове давно погасли.

Я вывернул карманы, в надежде найти спички. И действительно, нашел. Две целых и одну сломанную. Но все они размокли во время шторма и ни на что негодились.

— Огонь можно разжечь даже без спичек, — проговорил доктор. — Для этого нужно увеличительное стекло и солнце, но сейчас солнце уже зашло, поэтому отложим этот способ на завтра. Для второго способа солнце не требуется: втыкаем деревянную палочку в мягкий кусок коры, а вместо фитиля берем старое беличье гнездо. К сожалению, в темноте нам не удастся найти беличье гнездо, так что, боюсь, и с этим способом придется подождать до утра.

— Белый человек могуч и мудр, — отвечал ему Большая Стрела, — но он не знает, на что способны попсиетли. У нас нет огня, поэтому мы видим в темноте не хуже, чем при свете дня. Я пошлю человека в лес, и он принесет тебе старое беличье гнездо.

Он что-то сказал двум мальчикам, приставленным к нам, и те тотчас же исчезли. Вскоре они вернулись со старым беличьим гнездом, деревянными палочками и кусочками коры.

Луна еще не взошла, и в хижине стояла крошечная тьма. Индейцы словно не замечали темноты, двигались легко и свободно, ни на что не натыкались и ни обо что не спотыкались. А доктору приходилось туго, словно слепой крот, он делал все на ощупь, и когда он выронил палочку, то не смог найти ее без помощи Большой Стрелы.

Я сидел рядом и широко открывал глаза, пытаюсь хоть что-то разглядеть. И вдруг я, неожиданно для самого себя, открыл, что ночью не так уж темно. Сначала я видел только смутные тени, но постепенно научился различать даже лица людей. Наверное, если хорошенько поупражняться, любой человек может научиться видеть в темноте.

Доктор попросил принести ему лук, свернул тетиву петелькой, накинул ее на палочку. Он дергал тетиву взад и вперед, и палочка, захлестнутая петлей, быстро вращалась и, словно сверло, ввинчивалась в мягкую кору. Запахло паленым. Доктор поднес к коре беличье гнездо, приказал мне дуть туда, а сам продолжал вертеть палочку. Сначала густой дым заполнил хижину, потом беличье гнездо начало тлеть, вспыхнул маленький огонек, и скоро пламя осветило удивленные лица индейцев.

Попсиетли сидели вокруг открыв рты и сопели. Они впервые увидели огонь и сначала хотели было встать на колени перед ним, как перед божеством, потом попытались схватить пламя голыми руками и поиграть с ним, но обожглись. Следовало научить их пользоваться огнем.

Доктор приказал принести хворост и разжег на главной площади селения большой костер. Он показал индейцам, как можно печь рыбу, насадив ее на вертел. Скоро все старейшины сидели у огня и поворачивали насаженную на палочки рыбу. Соблазнительный запах разносился по всей деревне.

Все племя сидело, стояло или плясало вокруг костра. Они радовались теплу, радовались новой вкусной пище. Пламя весело играло и разгоняло тьму, искры высоко взлетали в черное ночное небо. Красные отблески ложились на темные лица индейцев, отражались в их блестящих глазах.

Потом, когда пописипетли научились обращаться с огнем, доктор показал им, как сделать дыру-дымоход в крыше хижины и как можно разводить костер в жилище. И прежде чем мы отправились спать после такого трудного и полного приключений дня, в каждой хижине уже горел огонь.

Селение шумело до утра. Бедняги пописипетли совсем забыли о сне. Еще бы! Теперь они не будут мерзнуть! Теперь никто не умрет от холода! На все лады они славили мудрейшего белого человека и его чудесный подарок — горячий огонь.

Глава 4 А ПОЧЕМУ ОСТРОВ ПЛАВАЕТ?

Вы думаете, кашу маслом не испортишь? Еще как!

Я уже говорил, что островитяне встретили нас враждебно. Но теперь, когда мы превратились в желанных гостей, наше положение стало еще хуже. Нет, нет, доктора любили и почитали и всеми возможными способами выказывали ему почет и уважение, но именно это и сделало нашу жизнь невыносимой. У входа в хижину всегда стояла толпа почитателей, и стоило ему появиться в двери, как его тут же окружали и не отступали от него ни на шаг, куда бы он ни направился. Да и немудрено — белый человек подарил индейцам огонь, голыми руками разломил скалу и освободил их сородичей, вот индейцы и ждали от него все новых и новых чудес. Простодушные островитяне хотели собственными глазами увидеть, как доктор сотворит чудо.

И все же в первое утро мы исхитрились и сумели сбежать от толпы зевак, чтобы вместе с Большой Стрелой осмотреть остров. От холода пострадали не только растения, но и все живое. На ветках сидели нахохлившиеся птицы. Они собирались в стаи и готовились улететь в теплые края. То тут, то там на земле лежали мертвые птенцы.

По берегу сновали крабы, осторожно пробовали клешней воду, по-видимому, море было такое холодное, что бедняги боялись войти в него. Вдалеке виднелись айсберги. Еще немного — и остров окажется среди льдов.

В море резвились наши друзья дельфины. Доктор по-мальчишески сунул два пальца в рот и свистнул, тонко и пронзительно. Дельфины тотчас же подплыли к берегу.

— Добрый день, доктор, — сказали они. — Вам снова нужна наша помощь?

— Добрый день, друзья, — ответил доктор. — Боюсь, что на этот раз вы нам не сможете помочь. Течение уносит остров все дальше к югу, ко льдам. Обычно он плавает в тропиках, где всегда тепло. И если остров не вернуть назад, все живое на нем замерзнет. Ума не приложу, что же делать.

— Да, — согласились дельфины, — подтолкнуть такую громадину нам не под силу. А что, если позвать на помощь китов?

— Китов? Конечно, китов! — подпрыгнул от радости доктор. — Но только где мы их найдем? Да и согласятся ли они?

— Нет ничего проще, — успокоили его дельфины. — Мы видели целую стаю китов вон у тех айсбергов. Они там завтракают. Мы попросим их от вашего имени. А понадобится — найдем еще. Дело предстоит трудное, и чем больше помощников у нас будет, тем лучше.

— Спасибо, — поблагодарил доктор дельфинов. — Кстати, а почему остров плавает? Никак не могу взять в толк, почему такая громада из скал и гор держится на плаву.

— Отгадка проста, — ответили дельфины. — Мы не раз проплывали под островом и видели все собственными глазами. Когда-то, давным-давно, от гор Южной Америки откололся большой кусок и упал в море. Но он был не плоский, а похожий на суповую тарелку, перевернутую кверху дном. Под островом остался воздух, он-то и не дает ему утонуть.

— Поразительно! — воскликнул Бед-Окур. — Никогда бы не поверил!

— Да, да, в самом деле поразительно, — закивал головой доктор и достал из кармана записную книжку. — Я должен это записать.

Дельфины ударили хвостами и исчезли в море. Вскоре вода забурлила, и к нам подплыла большая стая китов.

— А вот и мы с силачами! — высунулись из воды дельфины.

— Очень хорошо, — обрадовался доктор, — попросите их подтолкнуть наш остров в сторону Бразилии. Объясните им, что речь идет о жизни и смерти всего живого на острове.

Китов не пришлось долго уговаривать. Морские великаны уперлись головами в прибрежные скалы и замолотили хвостами. Вода вспенилась, мы сидели на берегу и ждали.

Прошел час. Доктор встал и бросил в море палочку. Сначала она лежала неподвижно, а потом мы заметили, что палочка медленно удаляется от берега.

— Видите? — спросил повеселевший доктор. — Остров уже сдвинулся с места и плывет на север. Слава Богу, мы спасены!

Расстояние между нами и покачивающейся на воде палочкой увеличивалось, айсберги таяли в туманной дымке и скоро исчезали из виду. Доктор вытащил из жилетного кармана часы, бросил в воду еще несколько палочек и принялся за расчеты.

— Три... четыре... шестью восемь... Ого! — воскликнул он. — Превосходно! Мы плывем к берегам Бразилии со скоростью четырнадцать узлов, то есть четырнадцать миль в час. Мы будем у берегов Бразилии через пять дней. А теперь предлагаю вернуться в селение и подкрепиться. Я думаю, что хороший завтрак мы заслужили.

Глава 5 ВОЙНА

Мы не спеша возвращались в селение. Доктор расспрашивал Большую Стрелу о травах, растущих на острове. Я глазел по сторонам, Полли сидела у меня на плече и время от времени скрипела мне на ухо:

— Ну что за несносный любопытный мальчишка! Смотри лучше под ноги, не то упадешь и расквасишь себе нос.

О’Скалли весело гонялся за мелкими, похожими на хомяков зверушками. Непоседа Чи-Чи то и дело вскарабкивалась на деревья и угощала нас диковинными фруктами.

Вдруг из-за поворота тропинки выбежал запыхавшийся гонец. Большая Стрела внимательно выслушал его невнятное бормотание, а потом обратился к доктору на языке орлов:

— Могущественный белый человек! Несчастье обрушилось на племя пописипетлей! Наши соседи, жестокие багиагдераги, давно зарятся на наше добро. В этом году мы собрали хороший урожай, и теперь они вышли на тропу войны, чтобы покорить нас и ограбить.

— Какое неприятное известие! — огорчился доктор. — Но не слишком ли строго ты их судишь? Может быть, они решились напасть на вас от отчаяния? Может быть, их урожай погиб от холода и им нечего есть?

— Не ищи оправданий для племени багиагдерагов, их нет, — горестно покачал головой Большая Стрела. — Багиагдераги ленивы и всегда были не прочь поживиться за счет других. Кроме того, они трусы и решились напасть на нас только потому, что их в несколько раз больше. Багиагдераги хотят есть хлеб, выращенный другими.

— Паразитный образ жизни! — вставила свое слово Полли.

— Чего же тут поразительного? — удивился доктор. — Даже многие белые хотели бы так жить.

— Не поразительный, а паразитный! — поправила его Полли. — Я хотела сказать, что они живут как паразиты, за счет других.

В селении попсибетлей все готовились к схватке. Мужчины осматривали луки, стрелы, копья. Женщины возводили вокруг селения высокий частокол из бамбука. Сновали гонцы, то и дело прибегали разведчики, следившие, откуда и в каком числе движется неприятель.

Большая Стрела подвел к нам невысокого, но очень широкого в плечах индейца. Он носил имя Острый Клык и был самым доблестным воином из попсибетлей.

Доктор вызвался отправиться навстречу врагу и попытаться уладить дело миром. Он считал, что нет глупее способа решать спор, чем война. Но Большая Стрела и Острый Клык с сомнением покачали головами. Во время последней войны попсибетли послали к неприятелю воина с предложением заключить мир, но багиагдераги ударили его топором по голове и убили.

Доктор начал было спрашивать Острого Клыка, как тот собирается защищать селение, но вдруг прибежали разведчики и закричали:

— Они идут! Тысячи багиагдерагов спускаются с гор!

— Ну что же, — задумчиво протянул доктор, — видно, так нам на роду написано. Я ненавижу войну, но раз уж дом наших хозяев в опасности, мы обязаны его защищать.

С решительным видом он выбрал себе дубину поувесистей, стукнул ею о камень, проверяя прочность, и сказал:

— Такое оружие по мне.

И Джон Дулиттл направился к частоколу и встал среди воинов. По примеру доктора мы все взяли за оружие. Мне приглянулся лук со стрелами. Пес оскалил старые, но еще крепкие, испытанные во многих боях клыки. Чи-Чи набрала мешок камней и влезла на пальму, чтобы оттуда швырять их на головы врагов. А Бед-Окур выбрал себе копье, задумчиво взвесил его в левой руке, а потом прихватил в правую тяжелое бревно и пошел вслед за доктором к частоколу.

Враг приближался. Мы не на шутку встревожились, когда все окрестные холмы покрылись тысячами несущихся на нас багиагдерагов. Они летели к нашему селению, словно рой ос на мед.

— Р-р-р-разр-р-рази меня гр-р-ром! — вскричала Полли, сидя на верхушке пальмы. — Нам не устоять! Медлить нельзя, пора лететь за подмогой.

Она вспорхнула и улетела куда-то сломя голову. Пока я раздумывал, откуда же Полли собирается привести помощь, О’Скалли прорычал:

— Наверняка старушка приведет черных попугаев. Дай Бог, чтобы она их вовремя нашла. Ты только посмотри, как быстро эти разбойники несутся с гор. Сколько же их там собралось? Да, эта драка нам обойдется недешево.

Пес просунул нос между бамбуковыми кольями, чтобы лучше видеть врага, я встал рядом с ним и тоже выглянул за частокол.

О`Скалли был прав: не прошло и четверти часа, как селение пописипетлей со всех сторон окружили враги. Багиагдераги вопили что есть мочи, наверное, чтобы нагнать на нас побольше страху.

Когда я сегодня пытаюсь вспомнить ту битву, перед моими глазами встает лишь туманная картина. События развивались стремительно, и видел я не так уж много. Но в точности знаю одно — не будь с нами тогда Трех Героев, пописипетли потерпели бы поражение и весь остров захватили бы разбойники багиагдераги. Тремя Героями — именно так, а не иначе, зовут островитяне в своих преданиях Большую Стрелу, доктора и Бед-Окура.

Англичанин, наследник престола Ума-Лишинго и индеец встали на пути врага.

Бамбуковый частокол вокруг селения строился в спешке и не мог сдерживать натиск. Так оно и случилось. Колья упали, и доктор, Большая Стрела и Бед-Окур бросились к пролому. В рукопашной схватке враг был отброшен, и тут же с другого конца селения послышались крики о помощи, и Три Героя поспешили туда.

Попсипетли слыли хорошими воинами, и их было не удивить молодецкими ударами, но сила и отвага трех людей из разных стран и с разным цветом кожи вызвали всеобщее восхищение. Они стояли плечом к плечу, и казалось, что никто не сможет совладать с ними.

Несколько недель спустя, сидя вечером у костра, я услышал песню. Говорят, племя пописипетлей распевает ее и поныне.

ТРИ ГЕРОЯ

И старики и дети знают как-то раз Несметные враги грозили взять нас боем. Настал для пописипетлей трудный час, Но, к счастью, с ними были Три Героя. И не видать победы злым врагам, Герои их крушат налево и направо. Те трое были силою равны богам, Теперь они равны богам и славой. У первого лицо как туча в час грозы, На молнию его копье похоже. Без устали второй врага разит, Могучий воин с красной кожей. А третий, белый, ростом невысок, Он толст, но нет его сильнее в схватке. Он бьет без промаха дубиною в висок, Враги бегут от Трех Героев без оглядки.

Глава 6 ГЕНЕРАЛ ПОЛИНЕЗИЯ

Но даже Три Героя, несмотря на силу и доблесть, не могли долго противостоять столь многочисленному противнику. Схватка была жестокой. Враг ворвался за частокол, и тогда я увидел, как багиагдераги со всех сторон обступили Большую Стрелу. Могучий индеец вдруг пошатнулся и рухнул на землю, сраженный ударом копья.

Еще полчаса, не меньше, сражались с врагами доктор и Бед-Окур. Не знаю, как им удалось продержаться так долго. У них не было ни минуты, чтобы перевести дух или хотя бы вытереть пот со лба.

Доктора, всегда добродушного и улыбающегося доктора было не узнать. Я сам бы не поверил, если бы мне сказали, что Джон Дулиттл способен яростно размахивать дубиной, крушить и бить так, что звуки ударов были слышны на расстоянии в милю.

Бед-Окур, с вытаращенными глазами и оскаленными белыми зубами на черном лице, напоминал черта. Он потерял копьё и теперь устрашающе размахивал бревном. К нему боялись даже подступиться и осыпали градом стрел, копий и камней. В конце концов метко брошенный камень попал ему прямо в лоб, и второй из Героев свалился на землю.

Джон Дулиттл остался один на поле боя.

Мы с О'Скалли поспешили ему на помощь, но мы были слишком слабы, чтобы заменить Бед-Окура и Большую Стрелу. В ту же минуту в еще одном месте рухнул частокол, и багиагдераги, словно бурная река, хлынули в пролом.

Попсипетли, охваченные ужасом, бросали оружие и кричали:

— Спасайся кто может! В лодки! Садитесь в лодки и плывите в море!

Все пропало! Война проиграна! Попсипетли бежали, но ни я, ни доктор бежать вместе с ними не могли, потому что нас свалили и буквально втоптали в землю. Десятки ног наступали на нас, не давая подняться с земли, и я уже уверился, что нас растопчут насмерть.

Вдруг сквозь шум боя послышались раскаты грома. Все остановились и посмотрели вверх — на небе не было ни облачка. Но с запада к нам быстро приближалась черная туча, и это была туча... птиц!

Миллионы черных попугаев летели к нам, а впереди летела Полли! Их яростные, злобные крики звучали как раскаты грома. Потом, когда битва была выиграна, я спросил у Полли, скольких же попугаев она сумела привести, и она ответила, что точно сказать не может, то ли пятьдесят миллионов, то ли и все шестьдесят. За то короткое время наша милая старушка Полли сумела собрать всех черных попугаев Южной Америки!

Тот, кто когда-либо слышал злобный крик черного попугая, на всю жизнь запомнит этот леденящий кровь звук. А тот, кто когда-либо испытал на себе, какой крепкий у попугая клюв, начинает дрожать при одном виде этой черной как уголь птицы с красными полосками на крыльях и на хвосте.

Поэтому, когда туча попугаев окружила со всех сторон селение, куда ворвались багиагдераги, когда они грозно нависли над захватчиками, те бросились врассыпную, пытались укрыться в хижинах, под деревьями, за кустами.

Генерал Полинезия окинула поле боя опытным взором и отдала приказ:

— Вперед! Задайте им жару.

И черные попугаи обрушились на багиагдерагов. По трое, по четверо они садились им на головы, вцеплялись когтями в волосы и клевали в уши. Не в нос, не в глаза, не в лоб, не в затылок, а только в уши. И багиагдераги побежали.

С жалобными воплями они мчались прочь из деревни поспипетлей. Они спотыкались, падали, кувыркались и тщетно пытались отбиться от нападавших на них черных попугаев. Но на место одной сброшенной с головы птицы садились две другие. На место двух прилетали четыре. Десятки птиц кружили над головами врагов и ждали своей очереди полакомиться ушами.

Но и за частоколом попугаи не оставляли их в покое. Среди воинов багиагдерагов не было ни одного, кому не остались бы на память о битве разорванные в лохмотья уши. Их рваные края напоминали зубчики почтовых марок.

Багиагдерагам было больно, очень больно, но никто из них серьезно не пострадал. А со временем рваные уши стали особенностью племени, ими гордились и выставляли напоказ. Ни одна красавица не хотела появиться на людях с мужчиной без ушей в зубчик — ведь именно по ним можно было безошибочно узнать, принимал ли воин участие в памятном и славном сражении. Даже само племя сменило имя и стало называться «рваноухи».

А генерал Полинезия, наша милая старушка Полли, летела во главе своей многомиллионной армии и преследовала багиагдерагов. Она гнала их прочь с земли поспипетлей. Черные попугаи тучей висели над врагом, не давали ему поднять головы.

Тем временем доктор занялся ранеными. Несмотря на жестокий и долгий бой, никто не погиб, а раны не были опасными. Больше всех пострадал наш друг индеец. Доктор промыл Большой Стреле рану, перевязал ее, и тот сразу же открыл глаза.

Бед-Окур снова отделался шишками. Видимо, не зря говорили, что у королевского дома Ума-Лишинго очень крепкие головы.

Доктор поднял с земли цилиндр, свалившийся с него в схватке, тщательно очистил его от пыли, водрузил на голову и сказал:

— Завтра, — и он погрозил кулаком в сторону гор, за которыми стоял город багиагдерагов, — завтра мы заставим их подписать мирный договор! На наших условиях и в их городе!

Поспипетли ответили ему победным кличем. Война закончилась.

Глава 7 МИРНЫЙ ДОГОВОР ПОПУГАЕВ

На следующее утро мы сели в лодки и, обогнув остров, добрались до его другой оконечности, где стоял город багиагдерагов.

Впервые я видел доктора сердитым и неистовым накануне, когда он бросился на защиту пописпетлей. За ночь его гнев не угас, и по дороге он сыпал проклятиями и призывал на головы багиагдерагов все кары небесные. Да как смели эти лентяи и бездельники напасть на его друзей! Как смели они позариться на чужой урожай! Почему они взялись не за мотыги, а за оружие?!

Большой Стрелы с нами не было. Его рана была не опасная, но из-за слабости ему пришлось остаться дома. Но доктор за те два дня, что он провел на острове, уже успел немного подучиться языку индейцев и теперь мог обойтись без переводчика.

Багиагдераги вышли нам навстречу, кроткие, словно ягнята. От их вчерашней ярости не осталось и следа. Но ничего загадочного в этом не было — дело в том, что черные попугаи во главе с Полли все еще кружили над городом, готовые по первому зову броситься на врага.

Мы вышли из лодок и напрямик пошли к дворцу вождя багиагдерагов.

Бед-Окур и я не могли сдержать торжествующей улыбки, когда видели, как багиагдераги расступаются и покорно опускают головы перед кругленьким брюшком доктора. А тот гневно пыхтел и не обращал на них никакого внимания, быстро шагая вперед с выпяченным подбородком.

У дворцовой лестницы доктора встречали вождь багиагдерагов и старейшины племени. Они вымученно улыбались и тянулись пожать руку доктору, но он и не взглянул на них и поднялся по лестнице на плоскую крышу дворца. Там он остановился, набрал в грудь побольше воздуха и заговорил.

Никогда еще мне не доводилось слышать такую речь. Багиагдерагам, по-моему, тоже.

— Труссы, воры, негодяи, висельники! — гремел голос доктора над городом. — Плуты, бродяги, грабители! Не лучше ли будет приказать попугаям загнать вас всех в море и утопить? Может быть, хоть так мы освободим остров от бездельников и шалопаев?

Багиагдераги завывали от страха и отчаяния, и в ту же минуту вожди, а за ними и их подданные бросились на колени. Они тянули к доктору руки, умоляли пощадить их и обещали сделать все, что от них потребует победитель.

Доктор приказал тут же привести писаря и написать на стенах дворца условия мира. Вернее, не написать, а нарисовать, потому что островитяне еще не придумали азбуку и пользовались рисуночным письмом. Этот мирный договор свято блюдется до сих пор и известен под названием «Мирный договор попугаев».

Договор был очень длинный, поэтому я не буду его пересказывать. Полдворца на высоту человеческого роста покрыли рисунки, на них ушло пятьдесят горшков краски, а бедняга писарь то и дело останавливался и тряс занемевшей от усталости рукой. Самым главным в

договоре попугаев было то, что оба племени клялись никогда не воевать друг с другом и жить в мире и в голодное время и в сытое.

Багиагдераги открыли рты от удивления. Они ждали, что их сурово накажут, что половине из них сразу отрубят голову, а другую половину превратят в рабов и заставят работать на белого человека.

Сначала они не хотели верить, что победитель может быть таким милосердным и даже добродушным. А когда поверили, то смертельный страх сменился радостью. Теперь багиагдераги улыбались от души и веселились. И когда весь договор был написан, вернее, нарисован на дворцовых стенах и доктор спустился с крыши, вождь и старейшины племени упали перед ним на колени и в один голос стали его упрашивать:

— Останься с нами, великий господин! Все богатства багиагдерагов будут твоими! Мы знаем золотые жилы в горах и жемчужные россыпи в море. Останься с нами и правь нашим народом. Мы будем покорны твоей воле.

Но доктор велел им замолчать.

— Никто, — сказал он, — никто не захочет знаться с вами, пока вы не исправитесь и не докажете своими поступками, что вы — честные люди. Соблюдайте договор, трудитесь, и счастье и благополучие сами придут в ваш край.

И он отвернулся от побежденных и зашагал к лодке.

Глава 8 ВИСЯЧИЙ КАМЕНЬ

Багиагдераги, похоже, искренне раскаялись. Доктор их поразил, о нем и о его подвигах, конечно сильно преувеличенных, сразу же стали слагать легенды.

Не знаю уж как, но багиагдераги уже успели узнать, что Джон Дулиттл — великий знахарь. У наших лодок его ждала толпа матерей с больными ребятишками. И, конечно, добрый доктор не мог им отказать и еще битых два часа заглядывал в горло, щупал пульс, мял живот и выслушивал сердце. Когда мы, наконец, сели в лодку, женщины утирали слезы, а ребятишки махали нам вслед пальмовыми ветками.

Старейшины племени о чем-то шептались с нашими гребцами-попсипетлями, и когда мы отчалили от берега, несколько лодок с воинами багиагдерагов вышли в море вслед за нами. Они держались на почтительном расстоянии от нас, и я никак не мог понять, что же они задумали. Уж во всяком случае, бояться нам было нечего, потому что старушка Полли сидела на моем плече и в любую минуту могла привести нам на помощь пернатое войско.

На обратном пути доктор решил обойти остров с другой стороны. Скоро мы заметили у берега странный прибор — море там волновалось и пенилось намного сильнее, чем в других местах. Мы подплыли поближе и увидели китов. Они все еще толкали остров к

северу. Последние два дня мы были настолько поглощены сражением, уходом за ранеными и прочими заботами, что напрочь забыли о китах.

Мы остановились. Я во все глаза смотрел, как могучие хвосты с силой бьют по воде, вспенивают ее, гонят волны. Пока мы так стояли, вдруг оказалось, что остров уплывает от нас, и нам пришлось приналечь на весла, чтобы не отстать.

Зелень на берегу явно оживала, становилась ярче и свежее. Да и мы уже не зябли так, как раньше. Остров Паучьих Обезьян возвращался в теплые края, где ему и полагалось быть.

На полпути в селение попсипетлей мы сошли на берег. Наши гребцы провели нас в глубину острова и показали нам Шепчущие Скалы — долину среди высоких, отвесных гор.

Склоны в той долине были похожи на театр, они поднимались вверх уступами, словно скамьи для зрителей. Посередине высился огромный плоский камень, а на нем стояло резное кресло слоновой кости.

Когда мы спросили наших проводников, почему этому месту дали такое название, они ответили:

— Спуститесь в долину и поймете сами.

Долина была не меньше мили в ширину и в глубину. Мы спустились в нее по скалам, и нам сразу же все стало ясно: стоило шепнуть, и эхо многократно усиливало каждое слово, так что мы могли переговариваться даже на расстоянии. Мы с Бед-Окуром выкрикивали свои имена и слушали, как скалы повторяют их.

Наши проводники рассказали нам, что в те далекие времена, когда весь остров принадлежал попсипетлям, в долине короновали королей. Кресло из слоновой кости было престолом, на котором восседали монархи, а остальные жители острова размещались на уступах в долине.

На вершине самой высокой горы они показали нам огромный камень. Несмотря на большое расстояние, мы хорошо видели, что камень чудом висит на краю обрыва и даже слегка покачивается. Казалось, стоит лишь прикоснуться к нему — и он рухнет вниз. По старинному преданию, в день коронации самого великого короля в истории попсипетлей висячий камень упадет в пропасть и долетит до середины земли.

Доктору захотелось осмотреть камень поближе.

Вскарабкаться на гору оказалось делом не простым, и на это у нас ушло полдня. Мало сказать, что камень был большой, мне показалось, что он больше, чем церковь в Паддлеби. Камень покачивался на самом краешке глубокой дыры. Как мне объяснил доктор, это было жерло вулкана. Через такие жерла земля выбрасывает наружу огонь. К счастью, вулканы на острове давно погасли.

— Стаббинс, — сказал доктор, поглядывая на нависший над нами камень, — ты догадываешься, что произойдет, если эта глыба упадет вниз?

— Нет, — пожал я плечами. — А что произойдет?

— Ты помнишь, что рассказали дельфины? Этот остров плавает потому, что он полый и внутри него воздух. Если камень упадет в жерло вулкана, он пробьет остров насквозь, воздух улетучится и острову больше не плавать.

— И тогда все утонут? — спросил Бед-Окур.

— Может — да, а может — нет. Все зависит от глубины в том месте, где в это время будет находиться остров. Если там море будет не глубже ста футов, остров просто сядет на дно и большая его часть останется на поверхности.

— То-то будет грохоту! — воскликнул Бед-Окур. — Но лучше бы ему не падать. Боюсь, что он пробьет всю землю насквозь и выйдет наружу по ту сторону.

Проводники показали нам еще уйму достопримечательностей, но в книге не так уж много страниц, чтобы занимать их описанием всего, что мы увидели.

Когда мы вернулись на берег, багиагдераги все еще ждали в своих лодках. Мы отчалили, и багиагдераги на этот раз быстро поплыли вперед. Зачем-то им понадобилось приплыть в селение поспипетлей раньше нас.

Мы плыли всю ночь, не выпуская из рук весел и сменяя друг друга. К рассвету мы подошли к селению.

К нашему удивлению оказалось, что не мы одни, но и все поспипетли не сомкнули глаз той ночью. У хижины покойного вождя стояла большая толпа. Мы спросили, что происходит и не нужна ли наша помощь. Выяснилось, что в хижине собрался совет старейшин, чтобы избрать нового вождя племени.

— И как же зовут нового вождя? — любопытствовал Бед-Окур.

— Старейшины держат имя нового вождя в тайне, — ответили ему, — и только в полдень объявят, кто же станет Великим Пспипетлем.

Тем временем доктор осмотрел раны Большой Стрелы, убедился, что они заживают, и преспокойно отправился в отведенную нам хижину на краю деревни. Мы позавтракали и легли спать. Мы слишком устали за последние два дня, чтобы выборы вождя могли нас волновать. Едва мы легли на охапки душистой травы, служившие нам постелями, как сразу же уснули мертвецким сном.

Глава 9 ВЫБОРЫ

Нас разбудили звуки музыки. Лучи полуденного солнца проникали сквозь раскрытую дверь.

Мы встали и в недоумении выглянули наружу. Все жители селения стояли вокруг нашей хижины. Правда, мы уже успели привыкнуть к тому, что десяток-другой любопытных всегда околачивался у наших дверей, однако на этот раз происходило что-то другое. Индейцы были разодеты в пух и прах, конечно по их меркам. Ожерелья, браслеты, разноцветные птичьи перья в волосах, расшитые накидки придавали собравшимся особую торжественность. Все улыбались, пели и дудели в раскрашенные деревянные дудочки.

Полли сидела на открытой двери и с нескрываемым любопытством рассматривала попсипетлей.

— Что случилось, Полли? — обратился к ней доктор. — У наших хозяев праздник?

— Праздник, — подтвердила Полли. — Четверть часа назад назвали имя нового вождя.

— И кто же им стал? — спросил доктор, зевая.

— Ты.

— Я? — Доктор даже поперхнулся от неожиданности и закашлялся. — Не может быть!

— Еще как может! — отозвалась Полли. — Ты теперь вождь, и имя у тебя теперь другое. Они спросили у меня, что значит по-английски Дулиттл. «Бездельник», — ответила я им. И тогда они решили, что тебе твое имя не подходит. Не может такой доблестный и славный человек называться бездельником. Теперь тебя запомнят в истории острова под именем Жон Тинкалат. Тинкалат значит «мудрейший». Как тебе нравится новое имя?

— Совсем не нравится, — решительно заявил доктор. — Я не хочу быть вождем!

— Боюсь, что увильнуть тебе не удастся, — сказала Полли. — Разве что ты прыгнешь в одну из их утлых лодчонок ипустишься в море. Кроме того, тебя избрали не только вождем попсипетлей, но и королем всего Острова Паучьих Обезьян. Не знаю уж зачем, но багиагдерагам тоже понадобилось, чтобы ты правил их страной, и они послали людей за тобой. А когда узнали, что тебя избрали вождем попсипетлей, страшно огорчились и предпочли отказаться от независимости и объединиться с попсипетлями. Теперь ты — король всего острова.

— Зачем им это понадобилось? — горестно вздохнул доктор. — Не хочу я быть ни вождем, ни королем.

— А я думаю, что быть королем — это здорово! — сказал я. — Я был бы счастлив, если бы они выбрали меня.

— Да, со стороны это выглядит очень заманчиво, — ответил доктор, надевая башмаки. — Но дело в том, что эта ноша нелегка и ее нельзя сбросить с себя когда заблагорассудится.

Королевская корона вовсе не похожа на мой цилиндр, и ее нельзя снимать и надевать по собственному желанию. Мне хватает и собственных забот. С тех пор как я ступил на этот остров, я ни минуты не занимался делом, а все работал за других. Туземцам это пришлось по вкусу, и теперь они хотят, чтобы так продолжалось всегда. Но как только я стану королем, я умру как ученый. У меня будет столько будничных королевских дел, что на все другое не останется ни минуты свободного времени. Я стану самым обычным королем.

— Но и это не так уж плохо, — возразил Бед-Окур. — Мой отец — тоже король, и у него сто двадцать жен.

— А это в сто двадцать раз хуже, чем быть просто королем! — воскликнул доктор. — Мне даже одной будет слишком много!

— Ничего не попишешь, — сказала Полли. — Придется тебе стать королем. Смотри, к тебе уже идут. Поторопись и завяжи, наконец, шнурки на башмаках.

Толпа у нашей хижины расступилась, и к нам приблизился дряхлый старик с величественной осанкой. В руках он держал деревянную корону. Корону покрывала тонкая, искусная резьба, спереди ее украшали два голубых пера. Хотя она и была деревянная, выглядела не хуже, чем усыпанные драгоценными камнями золотые короны европейских королей.

Следом за стариком ступали восемь рослых индейцев. Они несли паланкин — что-то вроде кресла или трона на длинных жердях-ручках. Старик встал на одно колено, низко склонил голову и обратился к доктору, который уже вышел из хижины и второпях застегивал воротничок и повязывал галстук:

— О Могущественный! Я говорю с тобой от имени народа пописипетлей. Велики твои деяния, и благородно твое сердце. Твой взор проникает в тайны, а разум твой видит будущее. Наш вождь умер. Народ желает подчиниться мудрому правителю. Благодаря тебе наши извечные враги багиагдераги стали нашими братьями. Они тоже хотят греться в лучах твоей милости. Поэтому я подношу тебе древнюю корону, которая когда-то венчала головы властителей острова. Долгие годы не было у нас короля, потому что не было согласия и мира между народами острова. Но время единения наступило. О Благородный! Оба народа приказали нам отнести тебя в Долину Шепчущих Скал и с достойным тебя уважением и торжеством короновать тебя. Отныне ты станешь королем Плавучей Суши!

Добрый простодушным индейцам и в голову не пришло, что Джон Дулиттл мог отказаться от короны. Доктор волновался, краснел, ему явно было неловко.

— Дорогие мои друзья, — забормотал он, отчаянно озираясь. Наверное, он искал, куда бы убежать и спрятаться. — Ну зачем вам понадобился король? Хотя, да-да, понимаю... что же мне делать? Ума не приложу... Куда запропастилась моя булавка? Не могу же я надеть галстук без булавки? Может быть, она упала на пол, пока я спал? Бед-Окур, не сочти за труд, поищи ее в моей постели. Боже, ну и денек выдался! Бед-Окур, ты еще не нашел?

Неужели так трудно найти булавку в охалке сена? Ну почему они не сказали мне об этом заранее, хотя бы за день или за два? Разве можно будить человека и говорить ему, что он избран королем? Ведь я еще даже умыться не успел! Но где же моя булавка? Стаббинс, ты ненароком не встал на нее? Ну-ка, подними ногу...

— Хватит про булавку, — оборвала его Полли. — Невелика беда, короноваться можно и без булавки в галстук. Туземцы в этом ничего не смыслят.

— Короноваться? — вскричал доктор. — Никогда! Я не позволю надеть на себя этот хомут, то есть корону... Я произнесу им речь.

И он обратился к индейцам, терпеливо ждавшим его у хижины:

— Друзья мои! Народы острова оказали мне высокую честь, но я недостоин ее. Я никогда не управлял королевством и, боюсь, наломаю дров. Наверняка среди ваших мужественных воинов найдется не один, способный лучше меня властвовать над вами. Благодарю вас за доверие, но позвольте мне отказаться. Ну какой из меня монарх?

Индейцы кивали головами, но не сдвинулись ни на шаг. Величественный старик снова обратился к доктору:

— Ты тот, кого они избрали. Только ты можешь стать нашим королем.

Вдруг на озабоченном лице доктора засиял проблеск надежды.

— Схожу-ка я посоветуюсь с Большой Стрелой, — шепнул он мне. — Может быть, он что-нибудь придумает.

Он скороговоркой извинился перед туземцами и помчался к хижине Большой Стрелы. Я побежал за ним.

Наш друг лежал на постели из трав у входа в хижину. Его вынесли из дома, чтобы он тоже мог посмотреть, как доктора провозгласят королем.

— Большая Стрела! — умоляюще сказал доктор. Конечно, он заговорил на языке орлов, чтобы никто из окружающих их туземцев не понял ни слова. — Я пришел просить у тебя помощи. Мне угрожает ужасная опасность. Эти люди хотят сделать меня своим королем! Ты только подумай — королем! А как же моя работа? Ты же знаешь, что самые занятые на земле люди — это короли, у них никогда не бывает ни одной свободной минуты. Умоляю тебя, поговори с ними, скажи им, что они умные и благородные, но на этот раз ошиблись.

Большая Стрела приподнялся на локте.

— О Мудрейший! — сказал он. — Мне очень жаль, что я не могу исполнить твою просьбу. Увы! Не в моих силах помочь тебе. Эти люди в сердцах своих решили избрать тебя своим повелителем, и если я стану перечить им, они изгонят меня с острова. Тебе не

удастся избежать коронации. Стань их королем, хотя бы ненадолго. Я так подберу тебе помощников, что у тебя останется время на твои занятия. А потом мы придумаем, как освободить тебя от бремени власти. Но сейчас ты должен согласиться. Мои сородичи очень упрямы и всегда добиваются того, чего хотят. У тебя нет выхода.

Доктор отвернулся от Большой Стрелы и огляделся. Величественный старик снова стоял за его спиной с короной в руках. Рядом ждал паланкин.

В глазах Джона Дулиттла сверкнуло отчаяние. Мне даже показалось, что сейчас он растолкает туземцев, бросится наутек и не остановится, пока не добежит до края света. Но толпа вокруг нас стояла стеной. Дудки снова грянули торжественный марш. Доктор в последний раз бросил на Большую Стрелу умоляющий взгляд, но тот лишь отрицательно покачал головой и указал пальцем на ждущий короля паланкин.

Чуть ли не рыдая, доктор сел в кресло, паланкин взмыл вверх на высокие плечи носильщиков. Я успел услышать, как доктор бормочет:

— Я не хочу, не хочу быть королем...

— Пусть счастье всегда живет в тени твоего престола! — крикнул ему Большая Стрела.

— Он согласен! — кричали в толпе. — Вперед, к Шепчущим Скалам!

И туземцы поспешили в горы, чтобы занять места поудобнее и не пропустить ничего в коронации великого короля пописипетлей и багиагдерагов.

Глава 10 КОРОНАЦИЯ КОРОЛЯ ЖОНА

На моем долгом веку мне довелось видеть не одно торжество, но все они не идут ни в какое сравнение с коронацией Жона Мудрейшего в Долине Шепчущих Скал.

Когда я, Бед-Окур, Чи-Чи, О'Скалли и Полли добрались до места и заглянули в котловину, там уже яблоку негде было упасть. Все склоны заполнили меднокожие жители острова. Там были старики, воины, женщины, дети. Даже Большую Стрелу принесли туда на носилках, чтобы и он увидел коронацию.

Ни один звук не нарушал торжественное молчание Шепчущих Скал. От такой тишины мне стало не по себе и мурашки побежали по коже. Позже Бед-Окур признался мне, что у него в ту минуту перехватило горло и он не мог выдавить из себя даже тонкий писк.

Рядом с огромным плоским валуном, на котором возвышался королевский трон, в землю закопали высокий столб с искусно вырезанными изображениями животных. Каждый индейский род имеет такой же столб возле своей хижины. Их называют тотемами, и они служат вывеской или визитной карточкой семьи. На них изображены животные, которые, как считают простодушные индейцы, были их предками и чьи достоинства они унаследовали.

Тот очень высокий и ярко раскрашенный столб рядом с королевским тронном должен был стать тотемом Джона Дулиттла. Тихонько, чтобы не нарушить торжественное молчание, я протиснулся к нему. На столбе были вырезаны животные с благородными, конечно в глазах островитян, чертами характера: молчаливая рыба, зоркий орел, быстроногий олень, могучий бык. А на вершине столба, где обычно изображали самое знаменательное для рода животное, красовался черный попугай! Наверное, он должен был напоминать всем о мирном договоре между попсипетлями и багиагдерагами.

Сам трон натерли ароматическими маслами, и он тускло поблескивал в лучах солнца, а ступени, ведущие к нему, устлали цветами. Доктора в паланкине внесли наверх, и там он неуклюже слез и ступил на цветочный ковер. Было так тихо, что я услышал, как хрустят стебли под его ногами.

Уже знакомый нам величественный старик помог доктору сесть на престол. Наверное, все предшественники Джона Дулиттла были могучими, рослыми воинами, потому что он выглядел на троне маленьким и нескладным. Его ноги не доставали до земли и болтались в воздухе, как у мальчишки, взобравшегося на отцовский стул.

Сопровождавший доктора старик обратился к туземцам. Он говорил спокойно и размеренно, и каждое его слово было слышно в самом дальнем уголке Долины Шепчущих Скал.

Для начала старик перечислил по именам всех великих вождей попсипетлей, короновавшихся в былые времена на том же престоле слоновой кости. Затем он принялся нахваливать народ попсипетлей и вспомнил все одержанные им победы. А когда он начал расписывать подвиги и деяния доктора, я окончательно уверился, что он — величайший из людей и что все прошлые короли попсипетлей ему и в подметки не годятся.

Лишь только речь зашла о заслугах доктора перед туземцами, как все они протянули к нему руки. Со стороны это выглядело древним священным обрядом — безмолвная толпа, тянущая руки к божеству.

Наконец старик умолк, подошел к Джону Дулиттлу, снял с него старенький цилиндр и хотел было бросить его на землю. Но доктор поспешно отнял у старика свой привычный головной убор и положил его себе на колени. Старик не посмел возражать и водрузил на голову Джона Дулиттла корону. Хотя ростом доктор не вышел и трон был ему великоват, зато голова у него была побольше, чем у прошлых королей, — корона сидела у него на макушке. А когда с моря подул ветерок, она чуть было не свалилась с головы, и доктору пришлось придерживать ее рукой. Но несмотря на все эти мелочи, выглядел доктор просто здорово.

Старик еще раз обратился к народу:

— Вот избранный вами король! Довольны ли вы, воины попсипетлей?

И толпа ответила громким дружным криком:

— Жон! Жон! Да здравствует король Жон!

Крик прозвучал громче, чем залп из ста пушек. В долине даже шепот слышался на расстоянии мили, а тысячеголосый рев словно ударил в самое сердце. Горы отражали его, и казалось, что он никогда не умолкнет и будет вечно звучать на острове, катиться из долины в долину и греметь в дальних пещерах.

Вдруг я увидел, что старик указывает рукой на вершину самой высокой горы. Я взглянул туда и успел заметить, как огромный висячий камень исчезает в жерле вулкана.

— Смотрите, о жители Плавучей Суши! — возгласил старик. — Древнее предсказание сбылось! Сегодня коронован король королей!

Доктор тоже заметил, что камень покатился вниз, и даже привстал с трона.

— Он думает, что сейчас остров сядет на дно, — шепнул мне Бед-Окур. — Хоть бы здесь было не очень глубоко!

Камень падал долго, не меньше минуты. Потом раздался глухой удар, земля вздрогнула у нас под ногами, и сразу же послышался громкий свист — это воздух выходил из острова, как из продырявленного мяча. Доктор снова сел на трон, но не спускал глаз с моря.

Мы почувствовали, что остров опускается. Море хлынуло на берег и затопило его на фут, на два, три, десять, двадцать, пятьдесят... А потом, слава Богу, остров мягко, словно лепесток розы на садовую дорожку, опустился на дно. Суша соединилась с сушей, и плавучий остров навсегда осел на дно Атлантического океана.

Море затопило многие деревни туземцев, однако это обстоятельство нисколько не испортило праздник — ведь все жители острова собрались в Долине Шепчущих Скал, и никто из них не утонул.

Потом доктор объяснил нам, что от крика многих тысяч глоток задрожал воздух, равновесие камня нарушилось и он полетел вниз. Однако летописцы островитян истолковали событие по-своему — якобы когда король Жон Мудрейший сел на престол, его величие было таким большим, что даже остров не выдержал тяжести и осел под ним, чтобы таким образом выказать свою покорность повелителю. До сих пор остров стоит в океане на том же памятном месте и не может покинуть его без позволения короля королей. Так записано в летописях островитян, и они непоколебимо верят, что так оно и было на самом деле.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 1 НОВЫЙ ПОПСИПЕТЛЬ

Жон Мудрейший правил своей страной всего несколько дней, а я уже успел понять, что жизнь у королей вовсе не такая легкая, как мне думалось раньше. До сих пор я

представлял себе короля-бездельника — знай сиди себе на престоле да принимай весь день подданных и послов с богатыми дарами. Теперь я видел, что король, — если он настоящий король и все делает как следует, — самый занятой человек в мире.

Как только ранним утром Джон Дулиттл вставал с постели, начиналась круговерть, кончавшаяся лишь поздним вечером, когда он уже валился с ног от усталости. Все семь дней в неделю доктор был занят, занят, занят...

Прежде всего надо было подумать о жилье для подданных — море поглотило селения попсипетлей, и доктор решил выстроить им город и назвать его Новый Попсипетль.

Он долго выбирал место для нового города и наконец нашел прекрасный райский уголок в устье большой реки. Рядом же была большая и глубокая морская бухта, где кораблям был не страшен любой шторм.

Город был для туземцев в новинку, и доктору пришлось самому объяснять им, как строить большие дома, для чего нужны сточные канавы, зачем убирать улицы и сжигать мусор. Реку в горах перегородили плотиной, там разлилось озеро, и оттуда по трубам из обожженной глины вода побежала в дома.

Так как туземцы раньше не знали огня, то они не знали ни меди, ни железа. Доктор сам отыскал в горах залежи железной и медной руды и показал попсипетлям, как плавить металл и как ковать из него ножи, лопаты и плуги.

Труднее всего доктору было привыкнуть к роскоши королевского двора. Как-то он сказал мне и Бед-Окуру:

— Раз уж мне не удалось отвертеться, я хотел бы править народным королевством.

— Народным? — удивился Бед-Окур. — В любом королевстве живет народ, значит, оно — народное. А король правит народом, значит, он — народный король.

— Ты все напутал, — поправил его доктор. — Я хотел бы править королевством, где народ любит и уважает короля не за то, что он такой важный и живет в роскоши, а за мудрость и справедливость.

Поэтому доктор не хотел строить в Новом Попсипетле королевский дворец — маленького домика на окраине, как он говорил, ему хватило бы за глаза. Но подданные Джона Дулиттла и слушать его не хотели. Дворец выстроили, поселили в нем тысячу слуг и заставили доктора подчиняться утомительным правилам королевского двора.

И днем и ночью слуги были готовы выполнить любой приказ доктора. В бухте стояла королевская лодка длиной в семьдесят футов из дорогого красного дерева с узорами из перламутра. На веслах сидели сто самых сильных гребцов на острове. В дворцовом саду можно было легко потеряться, как в лесу, а работали в нем сто шестьдесят садовников. Особенно тщательно подданные следили за одеждой доктора — расшитые королевские

одеяния и вправду были очень красивы, но доктор путался в них и едва не падал. Старенький, потертый цилиндр спрятали в шкаф, а на голове у Джона Дулиттла теперь всегда красовалась корона.

Даже когда доктору удавалось оторваться от королевских дел и вернуться к своим занятиям, и тогда он не решался надеть свой старый сюртучок и гонялся за бабочками в короне и пурпурной мантии.

А дел у короля становилось все больше. Ему даже приходилось мирить поссорившихся мужей и жен и не поделивших межу соседей. В восточном крыле дворца ежедневно заседал королевский суд, и с девяти до одиннадцати сам король Жон Мудрейший выносил решения.

После обеда доктор ходил в школу. Но не учиться, а учить туземцев. Школа была необычная, в ней за партами сидели рядом и взрослые, и дети. Индейцы знали и умели многое такое, что и не снилось белым людям, и понятия не имели о том, что в Англии знают даже ребяташки.

Мы с Бед-Окуром помогали доктору как могли. Бед-Окур учил туземцев арифметике, а я — читать и писать. Доктор взял на себя то, что посложнее, — как выращивать овощи, ухаживать за малышами, чтобы они не болели, как плавать в море по звездам.

Все туземцы — и стар и млад — хотели учиться. Учеников было так много, что парты стояли под открытым небом, а доктору приходилось кричать в рупор, чтобы всем было слышно.

После уроков доктор лечил больных, проверял, как строятся дороги, мельницы, дома.

Несмотря на то что Джон Дулиттл стал королем против своей воли, правил островом он прекрасно. Возможно, слава его не была такой громкой, как слава древних королей, которые только и знали, что воевали друг с другом, сражались на турнирах и ухаживали за прекрасными дамами. Но теперь, когда я стар, я все чаще думаю, что Жон Мудрейший был лучшим в мире королем.

Мы жили на острове уже шесть с половиной месяцев, когда наступил день рождения доктора. Жители острова в тот день устроили праздник, танцевали на улицах и площадях, пели песни, устраивали фейерверки, веселились как умели. К вечеру оба племени с вождями и старейшинами во главе прошли торжественным шествием по улицам и повесили на стене дворца большую доску красного дерева футов шесть длиной, испещренную рисунками и надписями.

Я протолкался сквозь толпу и прочел:

ОСТАНОВИСЬ, ПРОХОЖИЙ.

СНИМИ С ГОЛОВЫ УБОР ИЗ ПЕРЬЕВ

И ВОЗДАЙ ПОЧЕСТИ ЖОНУ МУДРЕЙШЕМУ,
ЧЬИ ДОСТОЙНЫЕ УДИВЛЕНИЯ ДЕЯНИЯ
УВЕКОВЕЧЕНЫ ЗДЕСЬ

Первый рисунок изображал великана в цилиндре, склоненные, словно под ветром, пальмы и дельфинов в море.

СИЯ КАРТИНА ПОВЕСТВУЕТ О ПРИБЫТИИ
МУДРЕЙШЕГО НА ПЛАВУЧУЮ СУШУ

Ниже следовали стихи придворного поэта:

Когда дельфины вынесли Мудрейшего на остров, На берегу его никто не встретил И в честь него старейшины не пели гимны. Увы! Увы! В то время поспипетли Не знали, что его послало Небо. И только пальмы низко головы склонили, Они одни узнали короля в пришельце.

«Как же — никто не встретил! — подумал я. — А кто грозил нам копьями? Да и с пальмами поэт пересолил».

Дальше шли другие рисунки с подписями и стихами.

ДИВИСЬ, ПРОХОЖИЙ, ЧУДУ

«Неузнанный король в горах Беседует с жуком пугливым. Ничтожный нес Великому письмо — Рисунки кровью на листе зеленом. В них крик о помощи звучал: Еще немного — и погибнут люди.

НИКТО НЕ ПОВТОРИТ СЕЙ ПОДВИГ

Кто может встать с Могучим рядом? Руками он скалу сжимает. Летят по сторонам дождем осколки. Скала трещит и поддается Силе И раскололась пополам, как дыня.

У меня открылся рот от удивления и не закрывался, пока я не рассмотрел остальные рисунки и не прочел все стихи.

ЗДЕСЬ ВИДИШЬ ТЫ, ПРОХОЖИЙ, КАК КОРОЛЬ СПАСАЕТ ОСТРОВ ОТ ЗЛЫХ
МОРОЗОВ

От холода в гнезде замерзли птицы, Ползут из ледяной воды на берег крабы, Грозит на острове зверям и людям гибель. Но будущий король взмахнул рукою, И из руки вдруг полыхнуло пламя. Все поспипетли у огня плясали И славили Мудрейшего из Мудрых, Что милостью своей согрел народы.

ПОБЕДА НЕИЗБЕЖНА, КОГДА ЖОН МУДРЕЙШИЙ С НАМИ

Один лишь раз улыбки доброй блеск Затмила гнева туча. Как он страшен! Дрожи и трепещи, коварный враг! Мудрейший нас ведет к победе.

«Мудрейший? К победе? — недоумевал я. — А я-то думал, что выручила нас старушка Полли. Ну да ладно, лишь бы она не обиделась и не натравила на поэта черных попугаев».

А дальше шел рисунок с названием, которое было чуть ли не длиннее самого стиха:

ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ КОРОНАЦИЙ, ВО ВРЕМЯ КОТОРОЙ СБЫЛОСЬ ДРЕВНЕЕ
ПРЕДСКАЗАНИЕ, А НАРОДЫ ОБРЕЛИ КОРОЛЯ КОРОЛЕЙ, ПОД ЧЬИМ МУДРЫМ
ПРАВЛЕНИЕМ БЛАГОДЕНСТВУЮТ И ПОНЫНЕ

Останется навеки в памяти народов Тот день, когда взошел на трон Мудрейший. Плясали волны в море, пели птицы, Но веселей плясали пописипетли, Их гимны заглушали птичьи трели. Да здравствует король Строитель и Учитель! Он будет Величайшим из Великих! И в подтверждение того огромный камень Скатился в пропасть.

Глава 2 ТОСКА ПО РОДИНЕ

Мне и Бед-Окуру отвели во дворце несколько роскошных комнат.

Вместе с нами там поселились О’Скалли, Полли и Чи-Чи. Бед-Окур стал министром внутренних дел, а я громко именовался министром финансов. Большой Стрелы с нами не было — сразу же после коронации он сел в лодку и отправился в Южную Америку.

Как-то вечером, после ужина, доктора вызвали к больному ребенку, а мы сидели за большим круглым столом в гостиной, где Бед-Окур обычно принимал посетителей. Мы собирались там каждый вечер, чтобы подвести итоги дня, обсудить планы на завтра и просто поболтать. Доктор в шутку называл наши сборища «Советом Министров».

Однако в тот вечер мы говорили о еде. Нет, мы не были голодны, но королевский повар, как мы с ним ни бились, так и не научился готовить вкусно. Да оно и неудивительно — прошло всего полгода с тех пор, как индейцы узнали, что такое огонь. Бифштекс у повара вечно подгорал, пудинг превращался в кисель, а омлет становился похож на подметку.

Поэтому по ночам мы с доктором на цыпочках спускались на королевскую кухню, и там Джон Дулиттл менял корону на поварской колпак и стряпал что-нибудь вкусненькое на догорающих в очаге поленьях.

Итак, в тот вечер «Совет Министров» заговорил о еде. Всему виной был я — мне вспомнился ужин-пальчики-оближешь, которым нас угостил мебельщик в Монтеверде.

— Ах! — подхватил со вздохом Бед-Окур. — Чего бы я не отдал сейчас за чашку какао! В Оксфорде нам каждое утро давали большую чашку с какао и сливками. Господи, что за страна! На всем острове не найдется ни одного дерева какао и ни одной коровы, чтобы хотя бы изредка лакомиться сливками!

— Как вы думаете, — вмешался О’Скалли, — когда доктор уедет отсюда?

— Я вчера попробовала закинуть ему удочку, — сказала Полли, — но он промямлил что-то невнятное. Мне кажется, что он уже и не думает о возвращении домой.

— Не можем же мы остаться здесь навсегда! — вскричал Бед-Окур.

— Тише, не горячись, — охладила его Полли. — Сюда кто-то идет.

Мы умолкли и прислушались. В коридоре послышался крик стражника:

— Король! Дорогу королю!

— А вот и он, — сказала Полли. — Как всегда, приходит к полуночи. Бедняга, он работает как вол... Чи-Чи, достань-ка из шкафчика трубку и кисет с табаком и приготовь халат.

Распахнулась дверь, и доктор вошел в комнату. Он устало стянул с головы корону и повесил ее на крючок за дверью, сменил королевскую мантию на домашний халат, устало вздохнул и тяжело упал в кресло. Любимая трубка уже лежала перед ним. Доктор набил ее и закурил.

— Как себя чувствует малыш? — любопытствовала Полли.

— Малыш? — переспросил доктор, словно не понял. — Ах да! Ему уже лучше. Замечательный бутуз. У него режутся зубы.

Он снова умолк, задумчиво глядя в потолок сквозь клубы табачного дыма. Мы сидели молча. Никто не решался спросить доктора о главном.

— Мы как раз говорили о возвращении домой, — отважился я. — Прошло уже больше полугода с того дня, как мы высадились на острове.

Доктор не ответил мне сразу. Он выпустил еще пару клубов дыма, озабоченно покрутил головой и наконец сказал:

— По правде говоря, я сам собирался потолковать с вами об этом. Но боюсь, что мне будет не так-то легко объяснить вам, в каком положении я оказался. Я не могу бросить начатую работу. Вспомните, как вы уговаривали меня стать королем, а я ответил вам, что снять с головы корону намного труднее, чем надеть ее. Туземцы верят мне. Когда мы пришли к ним, они не знали многого, что помогает жить белым людям. Теперь они начинают жить по-другому, и мы отвечаем за то, чем для них все это обернется.

Доктор задумался, затем потер нос и продолжил:

— Если бы вы знали, друзья мои, как мне хочется вернуться к путешествиям и к любимому делу. Мне иногда снятся Паддлеби и цветущие крокусы, но что будет с простодушными туземцами, если я потихоньку убегу? Они вернутся к старым обычаям и суевериям, к войнам, снова станут почитать своих идолов и делать черт знает что! А то, чему мы их научили, превратит их жизнь в настоящий ад. Раньше они дрались дубинами, теперь будут рубиться на мечах, а завтра, чего доброго, станут палить друг в друга из пушек. Они любят меня, а я люблю их, у меня никогда не было детей, а теперь мне кажется, что они у меня появились. И мне не все равно, какими они вырастут. Понимаете, что я хочу сказать? Как же я могу уехать и бросить их? Я много думал, прикидывал и так

и эдак, но не смог найти выход. Раз уж я взялся за это дело, то должен довести его до конца. Поэтому, видимо, придется мне остаться здесь.

— Навсегда? — упавшим голосом спросил Бед-Окур.

Доктор удивленно приподнял брови, наморщил лоб. Казалось, только сейчас он понял, что ему грозит.

— Не знаю, — в конце концов вымолвил он. — Во всяком случае, пока я не могу уехать. Это было бы нечестно.

Мы грустно молчали. Никому из нас не хотелось покидать доктора, и в то же время нас неодолимо тянуло домой.

Вдруг в дверь постучали. Доктор со вздохом вылез из кресла, накинул на плечи мантию и надел на голову корону.

— Войдите! — крикнул он и гордо выпрямился.

Дверь открылась, и на пороге предстал один из ста сорока трех стражников, охранявших в ночь покой короля. Он низко поклонился и сказал:

— О благороднейший! Какой-то странник стоит у ворот дворца и желает говорить с Твоим Королевским Величеством.

— Наверняка ему притащили еще одного больного малыша. Можете выдернуть мне все перья из хвоста, если это не так, — проворчала Полли.

— Как зовут странника? — спросил король.

— Он назвался, — ответил стражник, — Большой Стрелой, сыном Золотой Стрелы.

Глава 3 КРАСНОКОЖИЙ АПТЕКАРЬ

— Большая Стрела! — воскликнул доктор. — Какая неожиданность! Веди его скорей сюда!.. Это просто замечательно, что он вернулся! — продолжил он, чуть ли не прыгая от радости, когда стражник исчез за дверью. — Мне так его не хватало! А как я за него волновался! Уже прошло пять месяцев с того дня, когда он отправился в Южную Америку, — и наконец-то он вернулся цел и невредим! Шутка сказать — до Южной Америки сто миль, а он пустился в путь на утлой лодчонке!

В дверь снова постучали, доктор бросился открывать, и на пороге предстал наш друг. Его лицо цвета меди сияло улыбкой. За спиной Большой Стрелы стояли два носильщика с огромными тюками, обернутыми циновками из пальмовых листьев.

Большая Стрела подождал, пока носильщики положат тюки, и обратился к королю с приветствием:

— О Благороднейший! Всю жизнь собирал я редкие травы и изучал их свойства. Приношу тебе, о Мудрейший, плоды моего многолетнего труда.

Он распаковал тюки и принялся вынимать из них свертки, мешочки, коробочки. По чести говоря, то, что Большая Стрела выкладывал на стол, сначала разочаровало меня: засушенные цветы, листья, стебли, корешки, стручки, пыльца, кора, смола, семена. Там были одни растения, а они меня особенно не привлекали. Я любил животных.

Но когда Большая Стрела стал перебирать лежащие на столе растения и рассказывать об их свойствах, я вдруг с удивлением обнаружил, что слушаю его как зачарованный. Чудеса страны растений, которые индеец принес нам из дальних краев, захватили меня.

— Вот это, — говорил он, высыпая на ладонь крупные круглые семена, — зерна растения, которое я назвал «смешным горошком».

— А что в них смешного? — спросил Бед-Окур.

— Они наполняют человека радостью и заставляют смеяться.

Стоило Большой Стреле отвернуться на мгновение, как Бед-Окур запустил руку в мешочек, ухватил три горошины и сунул их в рот.

— Поспешность и неумеренность очень опасны, — сказал индеец. — Если ты хотел испытать на себе действие «смешного горошка», тебе хватило бы и десятой доли того, что ты съел.

Горошек подействовал на Бед-Окура мгновенно. Сначала он улыбнулся, потом рот его растянулся до ушей, затем наследный принц глупо захихикал, а в конце концов залился смехом и никак не мог остановиться. Нам пришлось отвести его в соседнюю комнату и уложить в постель. Но и в постели бедняга продолжал хохотать.

— Какая неосторожности, — сокрушался доктор. — Ведь так можно и умереть!

— Умереть от смеха? — скрипнула Полли. — Не беспокойся, от этого еще никто не умирал!

А Бед-Окур хохотал даже во сне. Следующим утром, когда мы его разбудили, он без сил сполз с постели и продолжал хихикать.

Пока Бед-Окур спал, мы вернулись к чудо-растениям Большой Стрелы. Он показал нам корешки, которые, если их сварить с сахаром и солью, заставляли людей танцевать до упаду.

— Не хотите ли проверить корешки на себе? — спросил Большая Стрела.

Но после того, что произошло с черным принцем, нам не хотелось ничего пробовать. Мы и так верили Большой Стреле.

А он показывал нам новые и новые чудеса. У него было масло, выжатое из листьев винограда, от которого любая плешивая голова за одну ночь обрастала волосами, и апельсин размером с добрую тыкву. А чего стоили орехи, от которых голос становился громким и певучим, водяные лилии, заживляющие раны, мох, помогающий от укусов ядовитых змей, или व्यюнок, чей отвар излечивает от морской болезни!

Но больше всего Большая Стрела гордился черным медом. Он сам вывел особый род пчел и вырастил растения с черными цветами, чтобы получить этот черный как смола и очень душистый мед. Одной его ложечки было достаточно, чтобы силы и жизнь вернулись к умирающему.

Неудивительно, что доктор все ходил и ходил вокруг стола и не мог оторваться от диковинок, собранных Большой Стрелой.

— Миранда была права, — сказал он мне, когда осмотрел все, — Большая Стрела — великий ученый. В его аптеке есть лекарства от любых болезней. Ни один белый аптекарь не может сравниться с ним в знаниях. Увы, наши аптекари-зазнайки не захотят даже говорить с краснокожим, не то что учиться у него.

Глава 4 МОРСКОЙ ЗМЕЙ

Прошло полгода со дня памятного «Совета Министров». Мы опасались напоминать доктору о возвращении домой, а тем временем жизнь на Острове Паучьих Обезьян шла своим чередом. И, надо отдать должное, скучать нам не приходилось. Пришла зима — то есть она только называлась зимой, потому что стояла жара, — мы встретили Рождество, а затем не успели оглянуться, как снова наступило лето.

Доктор все ближе и ближе к сердцу принимал дела своей большой краснокожей семьи. Все меньше и меньше у него выдавалось свободных минут, чтобы заняться бабочками, жуками или крабами. Я знал, что он часто в мыслях возвращался в Паддлеби. Иногда я замечал, как его лицо грустнело, как все вдруг валилось из его рук, но в ту же минуту он встряхивался и снова брался за дела, за поистине королевские дела!

Однако он сам ни разу не заговорил о возвращении, и не будь с нами старушки Полли, никогда бы не случилось то, что случилось. Даже теперь я готов дать голову на отсечение, что только благодаря ее хитроумию доктор не остался до конца жизни на Острове Паучьих Обезьян.

Старая попугайша терпеть не могла индейцев. Наверное, она слишком хорошо знала их с тех пор, когда плавала с пиратами и работоторговцами.

— Подумать только, — не раз говорила она, — доктор медицины Джон Дулиттл стал нянькой у растяп краснокожих!

Однажды утром доктор ушел посмотреть, как строят театр. Полли уже была по горло сыта стройками, поэтому она предложила мне прогуляться.

— Ты и в самом деле думаешь, — спросил я, когда мы вышли на берег моря, — что мы никогда не вернемся в Паддлеби?

— Не знаю, — покачала Полли головой. — Сначала я думала, что доктор скоро заскучает по дому и по своим зверям и вернется в Англию. Но теперь прилетела Миранда и сказала ему, что дома все в порядке. Все мои надежды разбились. Я долго ломала голову и, в конце концов, поняла — надо разбудить в докторе страсть к науке. Но как? — И она презрительно взмахнула крылом. — Он только и делает, что мостит улицы или твердит малышам, что дважды два — четыре.

День выдался погожий, что не редкость в тех широтах, лучезарный и жаркий. Я лежал на песке, смотрел на море и вспоминал отца с матерью. Наверное, они уже места себе не находят от беспокойства. Да и немудрено — уже больше года меня нет дома. Полли сидела рядом со мной и жаловалась на индейцев, на доктора, на судьбу. Волны с тихим шорохом набегали на берег, Полли бубнила, и этот однообразный шум убаюкал меня. Я задремал.

Мне приснилось, что остров снова сдвинулся с места. Но теперь он не плыл, как раньше, а прыгал вверх-вниз, словно поплавок при поклевке мелкой рыбешки.

Не знаю, сколько я спал. Внезапно Полли клюнула меня в нос и разбудила.

— Проснись, Том! — скрипела она мне на ухо. — Господи, что за мальчишка! Вставай, соня, ты уже проспал землетрясение. Если мы сейчас не уговорим доктора вернуться, то придется нам всем коротать свой век на острове.

— Что? Что случилось? — спросил я, зевая со сна.

— Тише! Смотри! — шепнула Полли и ткнула крылом в море.

Сначала мне показалось, что я еще не проснулся. «Чего только не привидится со сна, — подумал я. — Нельзя спать на солнцепеке».

Но то, что я увидел, не было игрой воображения. Я тер глаза, щипал себя, но оно не исчезало. Оно — это огромная бледно-розовая раковина футах в тридцати от берега. Раковина возвышалась над волнами, переливалась всеми цветами радуги, а под ней шевелилось что-то серое и похожее на студень.

— Что это такое? — спросил я.

— Это то, — шепнула Полли, — что моряки называют морским змеем. Я не раз видела его с палубы парусника. Ты представляешь, как пугались лихие пираты, когда такое чудовище вылезало из воды! Но теперь, вблизи, я вижу, что морским змеем называли Хрустальную Улитку, о которой нам рассказала неприглядка. Можешь называть меня сорокой, если я не права. Нам выпал счастливый случай, и упускать его нельзя. Бежим приведем сюда доктора, пока эта вазочка с желе не спряталась снова в Большой Дыре.

Если то, что я задумала, выгорит, еще сегодня мы унесем ноги с этого благословенного острова, чтоб ему провалиться! Хотя нет, оставайся здесь и карауль Улитку, а я слетаю за доктором. Я быстро, одно крыло здесь, другое — там. Да не сопи ты так громко, не спугни нашу красавицу!

Полли осторожно зашагала к зарослям и только там решилась вспорхнуть. Я остался один на берегу и как зачарованный смотрел на невиданное животное.

Улитка пыталась ползти, время от времени она высовывала из воды свою украшенную рожками голову, ее длинная шея при этом грациозно раскачивалась в воздухе. Однако выползти на берег Улитке не удавалось — наверное, она была ранена. Но кем? Кто мог напасть на такого великана?

Я во все глаза смотрел на Улитку, когда прибежал запыхавшийся доктор с Полли. Они сели на песок рядом со мной...

При виде Улитки глаза доктора засверкали. В последний раз он был таким радостным и возбужденным, когда поймал жука ябизри.

— Это она, — шептал доктор, — Хрустальная Улитка собственной персоной! Нет никаких сомнений! Полли, лети в море, найди там дельфинов. Они нам скажут, откуда здесь взялась Улитка. Насколько я слышал, она живет только на большой глубине. А ты, Стаббинс, приведи сюда лодку. Но гребь осторожно, если Улитка испугается, мы больше никогда ее не увидим.

— И ни слова индейцам, — предупредила меня Полли, когда я уже собрался уходить, — а не то здесь соберется добрая сотня зевак.

В бухте у города я выбрал самую маленькую и легкую лодочку и выплыл в море. Я торопился и греб изо всех сил, чтобы Улитка не убежала до моего возвращения. Однако, как только я обогнул мыс, в глаза мне брызнули хрустальные переливы раковины — Улитка лежала там, где я ее оставил.

Я причалил к берегу и подошел к доктору. Тот уже беседовал с дельфинами.

— Как она сюда попала? — спрашивал доктор. — Мне говорили, что Улитка живет в Большой Дыре и только иногда выплывает на поверхность в открытом море.

— Так вы до сих пор ничего не знаете? — удивились дельфины. — Неужели вам никто не рассказал? Когда упал висячий камень и остров сел на дно, он закрыл Большую Дыру, как крышка — кастрюлю. Все рыбы оказались взаперти, но еще хуже пришлось Улитке: она как раз собралась на вечернюю прогулку, и остров прищемил ей хвост. Шесть месяцев бедняжка пыталась освободиться. Вы не заметили, как задрожал остров час тому назад?

— Конечно, — ответил доктор. — У меня даже рухнула часть театра, но я подумал, что это обычное землетрясение.

— В нем нет ничего обычного, — продолжали дельфины. — Это Улитка сумела приподнять остров и освободить свой хвост. Заодно и рыбы выбрались из Большой Дыры. Им повезло, что Улитка такая большая и сильная. Но теперь у Улитки распух хвост.

— Боже мой! — воскликнул доктор. — Как же я сам не подумал о последствиях! Почему я никого не предупредил, что остров пойдет ко дну! Правда, я не знал, где именно это случится. Как вы думаете, Хрустальная Улитка сильно пострадала?

— Трудно сказать, — ответили дельфины. — Мы не знаем ее языка.

— А не могли бы вы найти рыбу, которая сможет поговорить с Хрустальной Улиткой? У меня к ней уйма вопросов. Но сначала надо осмотреть ее хвост и хотя бы таким образом извиниться. В конце концов, в том, что случилось, есть доля и моей вины. Короновали-то меня!

— Постараемся вам помочь, — любезно ответили дельфины. — Ждите нас здесь же.

И они уплыли на поиски рыбы-переводчика.

Глава 5 ХРУСТАЛЬНАЯ УЛИТКА

Доктор Дулиттл с короной на голове уселся на песок и принялся ждать. Дельфины то и дело приплывали и приводили с собой разных рыб, но никто из них не мог помочь доктору. Наконец один из дельфинов выкатил на берег старого морского ежа, очень смешного, круглого как шар и с длинными острыми иглами. Этот еж не знал языка улиток, но в молодости он из любопытства выучил язык морских звезд и до сих пор не позабыл его.

Это была большая удача, мы уже за что-то могли зацепиться. Дельфины оставили ежа с нами и уплыли на поиски морской звезды. Скоро они принесли большую красивую звезду. К нашей радости, она говорила на языке улиток.

Мы взяли ежа и звезду в лодку и поплыли в сопровождении дельфинов к Хрустальной Улитке. Никогда ни до того, ни после того я не слышал более занятой беседы. Доктор задавал вопрос дельфинам, те переводили его ежу, еж — морской звезде, а морская звезда — Улитке.

Доктор спрашивал и спрашивал о древних временах, об истории мира животных, о вымерших морских обитателях. Улитка отвечала, но как-то неохотно, сбивчиво — то ли она была не особенно умна и не понимала, о чем ее спрашивают, то ли такая длинная цепочка переводчиков искажала ответы.

Я из озорства время от времени прикладывал ухо к раковине. Раковина гудела, словно церковный колокол, — это и был голос Улитки. К сожалению, я не понимал ни слова.

Конечно, доктор не был бы доктором, если бы он не попытался тут же выучить язык улиток. Он долго прислушивался к отдельным словам, пытался повторить их, а потом свесился за борт лодки, сунул голову в воду и заговорил с Улиткой сам. Это ему удалось не сразу. Битый час доктор гудел колоколом на все лады, пока Улитка не начала понимать его. Теперь он мог обойтись без переводчика.

Солнце уже садилось, и прохладный вечерний ветер шелестел в бамбуковых зарослях, когда доктор наконец вынул голову из воды, повернулся ко мне и сказал:

— Стаббинс, я уговорил Хрустальную Улитку выбраться на берег. Надо ей подлечить хвост. Прошу тебя, отправляйся в город, скажи рабочим, что они могут уходить домой — мне сегодня не до театра. Потом зайди во дворец и принеси мой саквояж с лекарствами. Кажется, я оставил его под тронем в Зале Больших Приемов.

— Конечно, врать нехорошо, — вставила Полли, — но иногда без этого не обойтись. Если тебя спросят, где доктор, соври, что не знаешь, а еще лучше — не открывай рот, притворись, что у тебя разболелись зубы.

Возвратившись на берег с саквояжем доктора, я увидел, что Хрустальная Улитка уже лежит на песке. Когда я впервые рассмотрел ее в полный рост, а лучше сказать, в полную длину, я сразу понял, почему даже у лихих пиратов, не боявшихся ни Бога, ни черта, ни королей, кровь стыла в жилах при появлении морского змея. Улитка была не просто большая, она была огромная.

Джон Дулиттл ходил вокруг хвоста и рассматривал его сплюснутый конец. Весь запас чудодейственного бальзама ушел на этот чудовищных размеров хвост. Доктор растер его, смазал бальзамом и другими лекарствами, затем вытащил из саквояжа бинты, с сомнением посмотрел на них и отложил в сторону. Их не хватило бы и на четверть хвоста.

— Ну-ка, Том, сбегай еще разок во дворец и принеси сюда все королевские простыни, — велела мне Полли. — Я думаю, доктору они больше не понадобятся.

Я не понял, что она хотела этим сказать, но простыни принес. Мы разорвали их на длинные полосы и положили повязку на хвост Улитки. Доктор был доволен.

Улитка тоже заметно повеселела. Ей нравилось, что за ней ухаживают. Она лежала на песке и щурилась на солнце, сквозь ее прозрачную раковину были видны пальмы, росшие по другую сторону залива.

— Думаю, что кто-то из нас должен остаться с ней на ночь, — озабоченно произнес доктор и почесал затылок.

— Ты хочешь сказать, что такому чудищу нужна сиделка? — удивилась Полли.

— Я хочу сказать, что больной есть больной, неважно, муравей он или слон, — ответил доктор. — Попросим Бед-Окура посидеть с Улиткой. Он сегодня весь день спал в

дворцовом саду. Как жаль, что у меня так много забот, а то бы я сам провел с Улиткой пару дней.

— А что вам мешает взять отпуск? — отозвалась Полли.

— У королей отпуска не бывает, — грустно сказал доктор.

— По чести говоря, я не так много королей знавала, — не уступала Полли. — Мне чаще приходилось иметь дело с пиратами и докторами из Паддлеби. Но как-то мне довелось прожить несколько лет при дворе короля Карла. Ах, золотое время! Я тогда была юной птичкой. Так вот, король Карл был неважным королем, но отдыхать он умел, и за это его любили все, даже золотые рыбки в пруду. Мне в нем не нравилось только одно — его дворец был полон маленькими злыми собачками. Их с тех пор так и зовут карликовыми спаниелями. О короле Карле теперь одни говорят хорошо, другие — плохо, но я считаю, что этих собачонок ему простить нельзя. Ну да Бог с ним, с Карлом, я ведь только хотела сказать, что вам пора отдохнуть.

— Наверное, ты права, — согласился с ней доктор.

— Наконец-то ты прислушался ко мне, — довольно скрипнула Полли. — Старая попугайха плохому не научит. Как только мы вернемся во дворец, ты объявишь, что устал, приболел, чувствуешь себя разбитым и уезжаешь на неделю в деревню, в горы, в глушь. Уезжаешь без охраны и без слуг. Когда короли бродят по миру как простые смертные, это называется умным словом «инкогнито». А на самом деле ты проваляешься неделю на песке рядом с Хрустальной Улиткой.

— Заманчиво, очень заманчиво, — забормотал доктор и мечтательно прищурил глаза. — Но ведь надо строить театр... Из индейцев никудышные плотники, никто из них не выведет правильно стропила. А еще маленькие дети... Они так часто болеют...

— Бог с ним, с театром! — воскликнула Полли. — Он нужен индейцам как старому попугаю погремушка на хвост. Да и с детьми ничего не случится за неделю. Жили же они как-то до тебя! Решено — ты берешь отпуск!

Глава 6 ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ «СОВЕТА МИНИСТРОВ»

По тому, как настойчиво Полли уговаривала доктора, я понял, что она что-то задумала. По дороге в город доктор молчал, но чувствовалось, что слова старушки Полли задела его за живое.

Он не отправил Бед-Окура присматривать за больной Улиткой, а после ужина исчез, никому не сказав ни слова, — наверняка доктор решил сам посидеть с ней, а заодно и порасспросить ее о морских глубинах.

Как только мы снова уединились в кабинете Бед-Окура и закрыли за собой дверь, Полли сказала:

— Мне совсем не хочется быть похороненной на этом острове. Боюсь, что туземцы, прежде чем опустить меня в землю, выщипают мне хвост и украсят перьями свои головы. А на ваших могилах придворный поэт напишет эпитафии. Бр-р-р! Представляю, что он сочинит. Поэтому во что бы то ни стало надо уговорить доктора устроить себе отпуск.

— Ну и что с того? — упавшим голосом спросил Бед-Окур. — Ведь отпуск скоро кончится, и король снова станет править своим народом.

— Не вешай нос, — приободрила его Полли. — Министру внутренних дел не подобает падать духом.

— А чем подобает падать министру внутренних дел? — спросила Чи-Чи.

— Ничем, — строго сказала Полли. — Поговорим о деле. Только хорошая приманка заставит доктора покинуть остров. А где вы найдете лучшую приманку, чем путешествие по морскому дну?

— Туземцы все равно не отпустят доктора, — грустно заметил Бед-Окур.

— Об этом я вам и толкую, — продолжала Полли. — Доктор должен уехать с острова тайно. Вспомните слово «инкогнито». Никто, кроме нас, не должен знать, где доктор и что он делает. Даже если он решится выстроить корабль, индейцы спросят, зачем их королю понадобилась такая большая лодка. Добром они его не отпустят.

— Я тоже так думаю, — согласился я. — Но без корабля доктору отсюда не уехать.

— Уехать, — уверенно сказала Полли. — Сначала мы уговариваем доктора отдохнуть недельку-другую, а затем просим Улитку посадить нас всех в хрустальную раковину и отвезти к устью реки Марш. И пусть мне бездомный кот вырвет хвост, если доктор не клонет на приманку.

— Замечательно! — обрадовался я. — Неужели Улитка сможет пройти весь путь до Паддлеби под водой?

— Ну конечно. Для нее это пара пустяков. Все равно что тебе пробежаться вприпрыжку по садовой дорожке. Теперь главное — уговорить доктора и Хрустальную Улитку.

— Дай Бог, чтобы они согласились, — пролаял О'Скалли. — Я уже изнемогаю от жары, у меня даже нет сил охотиться на сусликов. — Ну что за радость гоняться за ними по солнцепеку? А в Паддлеби, в старом нашем сарае, небось вовсю хозяйничают крысы. Но ничего, уж я до них доберусь! — И пес тихонько заскулил.

— Прекрати! — оборвала его Полли. — Ты О'Скалли, а не О'Скулли!

Мне тоже взгрустнулось, и я сказал:

— Скоро уже полтора года, как мы покинули Англию. Помните, как мы подняли якорь у Королевского моста и поплыли вниз по реке?

— А люди стояли на причале и махали нам платочками, — подхватила Чи-Чи. — А потом мы сели на мель.

— В Паддлеби небось думают, что мы утонули, — продолжил О'Скалли.

— Прекратите! — одернул нас Бед-Окур. — Прекратите, а не то я расплачусь, а мне этого нельзя делать. Наследники короны Ума-Лишинго не должны плакать.

Глава 7 НАКОНЕЦ-ТО ДОМОЙ!

Можете себе представить, как мы обрадовались, когда на следующее утро доктор сказал, что решил забросить на неделю королевские дела и отдохнуть. Городские глашатаи объявили по городу, что Его Королевское Величество уезжает на неделю в деревню, однако дворцовая канцелярия и все министерства должны работать как обычно.

Полли буквально порхала от радости. И тут же принялась готовиться к отъезду. Она вела себя очень осторожно, подозревала всех и вся и никому не сказала, когда мы уезжаем, что берем с собой и через какие ворота выйдем из дворца.

Иногда даже мы не знали, почему она поступает так, а не иначе.

Мне Полли велела собрать все записи доктора, запаковать и не выпускать их из рук.

Единственным туземцем, знавшим, что мы задумали, был Большая Стрела. Ему Полли даже разрешила проводить нас на берег и посмотреть на Хрустальную Улитку.

По ее же приказу Бед-Окур разыскал среди старых вещей доктора цилиндр.

К вечеру Полли разослала по городу всех дворцовых слуг. Я до сих пор ума не приложу, как она сумела выдумать полторы сотни разных поручений. Поэтому, когда ночью мы покидали дворец, никто нас не видел.

Мы несли с собой недельный запас провизии.

В полночь мы открыли восточные ворота дворца и вышли в залитый лунным светом тихий сад.

— Идите на цыпочках, — шепнул Бед-Окур, когда мы закрывали за собой тяжелую дверь. — Помните — инкогнито!

У каменной лестницы, бегущей от Павлиньей Террасы вниз по Склону Роз, какое-то непонятное чувство заставило меня остановиться и оглянуться на прекрасный дворец, выстроенный нами в той далекой стране, где до нас не ступала нога белого человека. Я

чувствовал, что мы покидаем его навсегда. Какие новые короли и новые министры поселятся в нем?

Ночь была теплая, стрекотали цикады, ручные фламинго плескались в пруду с цветущими лилиями. Внезапно за кипарисовой изгородью блеснул свет факела. То был ночной сторож.

Сидевшая у меня на плече Полли клюнула меня в макушку.

— Торопись! — шепнула она. — Беги, пока нас не заметили.

Хрустальная Улитка все еще лежала на берегу. Хвост у нее почти не болел. Любопытные дельфины резвились на мелководье в надежде увидеть или услышать что-нибудь необыкновенное. Полли тут же подозвала их к себе и сказала:

— Вы знаете, как много сделал для животных Джон Дулиттл. А теперь мы должны выручить его. Доктора объявили королем этого острова против его воли. А когда его короновали, он вбил себе в голову, что туземцы не проживут без него. Но ведь жили они как-то и до него! Единственно, что нам надо, — уговорить Хрустальную Улитку взять нас к себе в раковину и отвезти в Англию. Пожитков у нас с собой немного. Тюков тридцать-сорок, не больше. Ну что ей стоит? Она ведь такая большая! Пожалуйста, приведите сюда морского ежа и морскую звезду, пусть они попросят Улитку отвезти нас к устью реки Марш.

— Это безобразие, — сказали дельфины, — это безобразие, что настоящему звериному доктору приходится тратить время на людей. Мы поможем вам уговорить Улитку.

— Но не говорите ни слова доктору, — предупредила их Полли. — Если он узнает, что мы задумали, тут же вернется в свой дворец. Пусть Улитка сама предложит доктору прокатиться по морскому дну.

Джон Дулиттл тем временем зашел в воду по колени и снова чем-то мазал и тер хвост Улитки. Бед-Окур, Большая Стрела, О'Скалли и Чи-Чи сидели под пальмами. Я и Полли сели рядом с ними и принялись ждать.

Прошло полчаса.

До сих пор мы не знали, чем закончилась беседа дельфинов, морского ежа и морской звезды с Улиткой. А вдруг она не поддавалась на уговоры?

Внезапно доктор оставил свою больную и помчался к нам. Он с трудом переводил дыхание.

— Вы только подумайте! — восклицал он. — Хрустальная Улитка предложила мне отвезти нас в Англию, и не где-нибудь, а в своей раковине! Ты представляешь, Стаббинс, она говорит, что ей пора отправляться на морское дно, чтобы найти себе новое

жилище, — ведь Большая Дыра теперь закрыта навсегда. И она собирается завернуть в устье реки Марш. Какое счастливое совпадение! Еще ни один человек не прошел по морскому дну от Бразилии до Европы! Какое заманчивое путешествие! И зачем я стал королем? Теперь мне только и остается, что смотреть, как Улитка уходит под воду без меня. Моя мечта никогда не сбудется.

Он повернулся к нам спиной и медленно побрел по берегу, задумчиво поглядывая на Хрустальную Улитку.

Грустный и беспомощный, он шел по песку, озаряемый лунным светом и с короной на голове.

Полли, которая до сих пор пряталась за моей спиной, вспорхнула и подлетела к доктору.

— Джон Дулиттл, — начала она мягким, вкрадчивым голосом, каким обычно говорят с упрямыми и капризными детьми, — ты случайно стал королем, ты никогда к этому не стремился. Индейцы справятся и без тебя, может быть, не так хорошо, но уж, во всяком случае, не вымрут. Ты и так их многому научил, они сами виноваты. Кто их просил выбирать тебя королем? Брось их и уезжай отсюда. Другой такой возможности не будет. Ты вернешься к своей работе, и она принесет больше пользы, чем даже сто лет твоего королевского правления.

— Милая моя Полли, — покачал головой доктор, — я не могу бросить их. Ведь они как дети, сразу же перестанут мыть руки перед едой, будут пить сырую воду и есть сырую рыбу. Они заболеют тифом, корью, дифтеритом и Бог знает чем еще. Я — доктор, я начинал с лечения людей, и, видимо, мне придется заниматься этим до конца жизни. Может быть, когда-нибудь потом я уеду отсюда.

— Ты не прав, — уговаривала его Полли. — Потом будет поздно. Чем дольше ты пробудешь здесь, тем труднее тебе будет покинуть туземцев. Уходи сейчас же.

— Как? Сбежать украдкой и не попрощаться с ними! — воскликнул доктор. — Как ты можешь так говорить, Полли! Они же подумают, что все англичане уходят не попрощавшись!

— Возвращайся во дворец и попрощайся с ними, но тогда ты заодно попрощаешься и со свободой! — прохрипела Полли, вконец потеряв терпение. — Они заставят тебя остаться. Или в деревянной короне, или в железных кандалах! Решайся!

Похоже, слова старой попугаихи убедили доктора. Он умолк и задумался.

— А мои записи? — вдруг вспомнил он. — Я же должен забрать их!

— Все записи у меня, — сказал я.

Доктор снова заколебался:

— А травы, собранные Большой Стрелой? Он ведь обещал подарить их мне!

— Мои растения уже здесь, о Благороднейший, — раздался из темноты голос индейца.

— Но у нас нет провизии!

— Мы приготовили недельный запас. Этого больше чем достаточно.

В третий раз доктор умолк.

— А как же мой цилиндр? — растерянно спросил он. — Нельзя же, в самом деле, пускаться в дорогу без головного убора. Как я покажусь в Паддлеби с короной на голове?!

— Вот он! — выступил вперед Бед-Окур и протянул доктору его старый, потертый любимый цилиндр.

Полли предусмотрела все. И все-таки доктор никак не мог решиться.

— О Мудрейший, — обратился к нему Большая Стрела, — почему ты противишься судьбе? Перед тобой открыт путь. Твое будущее и твои труды зовут тебя в дом за морями. Вместе с тобой отправится и все то, что я узнал о травах. Передай их людям и научи пользоваться ими. Скоро встанет солнце, я уже вижу блеск рассвета на востоке. Уходи, пока твои подданные не вышли на улицы и не раскрыли твою тайну. Уходи, а не то остаток дней ты проведешь коронованным узником на королевском престоле.

Великие решения зачастую принимаются мгновенно.

«Была не была», — прошептал доктор и больше уже не сомневался и не искал отговорки. Он медленно снял с головы священную корону королей-попсипетлей и положил ее на песок.

— Они найдут ее здесь, — прошептал он, едва не задыхаясь от волнения. — Они будут искать меня, увидят корону и догадаются, что я покинул их. О мои дети, мои несчастные дети! Поймут ли они, почему я покинул их? Смогут ли они когда-нибудь простить меня?

Он принял из рук Бед-Окура свой старенький цилиндр, водрузил его на голову и молча протянул руку Большой Стреле.

— Ты верно поступаешь, о Благороднейший, — сказал индеец. — Мне больше чем кому-либо на острове будет не хватать тебя. Никто не будет оплакивать тебя так, как я, Большая Стрела, сын Золотой Стрелы. Прощай, и пусть счастье сопутствует тебе.

Тогда в первый и в последний раз я увидел слезы на глазах доктора.

Он не сказал больше ни слова, отвернулся и зашагал к морю.

Хрустальная Улитка изогнулась, так что между ее спиной и раковиной открылась щель. Мы забросали внутрь раковины наши пожитки и сами залезли туда. Щель закрылась.

Огромная Улитка медленно поползла в море. И когда над нашими головами сомкнулась темно-зеленая вода, встало солнце, и сразу же подводный мир вокруг нас засиял удивительными красками. Вряд ли кто еще может похвастаться, что он видел подводный восход солнца.

Наш путь домой можно описать несколькими строчками.

Должен признать, что путешествие на Улитке оказалось весьма приятным.

В огромной раковине было просторно, мягко и удобно.

Правда, Улитка попросила нас разуться, чтобы подбитые гвоздями башмаки не изодрали в кровь ее нежное тело.

Но она не имела ничего против, когда мы бегали по ней взад и вперед и даже кувыркались.

Двигалась Улитка медленно и размеренно.

До сих пор мне казалось, что морское дно плоское, как блюдце. Но теперь я зачарованно смотрел, как Улитка ползет среди высоких гор, поднимается на перевалы, спускается в долины. Она шла сквозь густые леса морских водорослей, по бескрайним песчаным пустыням, по холмам, поросшим мхом. Иногда мне даже чудилось, что мы катим по зеленым земным лугам, и не хватало лишь стада овец.

А бывало, что Улитка неожиданно попадала на крутой склон, и тогда мы валялись с ног и катились по ее спине, как горошины.

В глубоких долинах мы часто видели затонувшие корабли, разбитые, обросшие ракушками и водорослями.

Там же, в недоступных морских глубинах, нам встречались огромные рыбы. Они прятались в подводных пещерах, а завидев нас, в испуге бросались наутек и в мгновение ока исчезали в темной воде. И лишь самые отважные подплывали к нам поближе и с любопытством рассматривали нас сквозь прозрачные стенки раковины.

Доктор почти не спал и не выпускал из рук карандаш и записную книжку.

Скоро в его тетрадях не осталось чистых страниц. Тогда мы собрали все клочки бумаги, какие только нашли среди наших вещей, и отдали их доктору.

Но скоро и эта бумага кончилась, и доктору пришлось писать между строчек в своих старых записных книжках.

Поначалу нам пришлось несладко из-за темноты: в морские глубины свет не проникал. Но на второй день путешествия нам повстречалась стая электрических угрей, они светились,

как светлячки, и доктор попросил их плыть рядом. Так они и сопровождали нас до конца путешествия.

Для нас навсегда осталось тайной, как Улитка находила дорогу в этом большом темном мире.

Но вдруг, к исходу шестого дня, мы заметили, что вода вокруг светлеет, а потом Улитка вылезла на берег и остановилась.

Позади нас плескалось море, слева виднелось устье реки, а впереди лежала плоская, низкая суша, тонувшая в тумане.

Несколько диких уток с вытянутыми шеями пронеслись рядом с нами и исчезли, словно тени.

Как непохожа была эта земля на горящий в солнечных лучах Остров Паучьих Обезьян!

Улитка открыла нам выход из раковины. Мы вышли наружу — моросил мелкий осенний дождь.

— Неужели это наша добрая веселая Англия? — спросил Бед-Окур, озираясь в густом тумане. — Зачем же мы так стремились сюда? А может быть, Улитка ошиблась и высадила нас где-нибудь в другом месте?

— Не беспокойся, — вздохнула Полли, стряхивая с перьев капли дождя. — Это Англия — и никаких сомнений! Такая отвратительная погода бывает только здесь.

— Как тут хорошо! — воскликнул О’Скалли и втянул воздух носом. — А какие запахи! Извините меня, я должен на минутку отлучиться. Где-то тут рядышком разгуливает водяная крыса.

— Тише, послушайте, — с трудом произнесла Чи-Чи, потому что от холода у нее стучали зубы. — Часы на Ратушной башне пробили четыре раза.

— Хорошо бы, — сказал я, — сейчас погреться у огня. Надеюсь, что Крякки затопила камин.

— Затопила, не сомневайся, — ответил доктор и вытащил из груды свертков и тюков свой саквояж. — Дует восточный ветер, а в такую погоду она должна разжечь огонь, чтобы звери не замерзли. В путь, друзья. Уже четыре часа, мы как раз успеем к чаю.

Оглавление

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
- Глава 1 СЫН САПОЖНИКА
- Глава 2 НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК
- Глава 3 В ГОСТЯХ У ДОКТОРА

- Глава 4 ВИФФ-ВАФФ
- Глава 5 ПОЛИНЕЗИЯ
- Глава 6 РАНЕНАЯ БЕЛКА
- Глава 7 ЯЗЫК ОБИТАТЕЛЕЙ МОРЯ
- Глава 8 А ТЫ УМЕЕШЬ НАБЛЮДАТЬ?
- Глава 9 САД-МЕЧТА
- Глава 10 ЗООПАРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА
- Глава 11 МОЯ ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ПОЛЛИ
- Глава 12 «ПОЛУЧИЛОСЬ! ПОЛУЧИЛОСЬ!»
- Глава 13 ПУТЕШЕСТВЕННИЦА
- Глава 14 ПУТЕШЕСТВИЕ ЧИ-ЧИ
- Глава 15 Я СТАНОВЛЮСЬ АССИСТЕНТОМ ДОКТОРА
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- Глава 1 КОМАНДА «РЖАНКИ»
- Глава 2 ЛУКА-ОТШЕЛЬНИК
- Глава 3 ТАЙНА
- Глава 4 БОБ
- Глава 5 МЕНДОСА
- Глава 6 СОБАКА СУДЬИ
- Глава 7 РАЗГАДКА
- Глава 8 ТРОЕКРАТНОЕ «УРА»
- Глава 9 ПУРПУРНАЯ РАЙСКАЯ ПТИЦА
- Глава 10 БОЛЬШАЯ СТРЕЛА, СЫН ЗОЛОТОЙ СТРЕЛЫ
- Глава 11 ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕДАННЫЕ ДАЛИ
- Глава 12 ПРИХОТЬ СУДЬБЫ
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
- Глава 1 КОМАНДА В СБОРЕ
- Глава 2 В ПУТЬ
- Глава 3 НАЧИНАЮТСЯ НЕПРИЯТНОСТИ
- Глава 4 НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ
- Глава 5 СТРЕЛЯНОГО ПОПУГАЯ НА МЯКИНЕ НЕ ПРОВЕДЕШЬ
- Глава 6 МОНТЕВЕРДЕ
- Глава 7 БЕД-ОКУР СТАВИТ НА ДОКТОРА
- Глава 8 БОЙ БЫКОВ
- Глава 9 ПОСПЕШНЫЙ ОТЪЕЗД
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
- Глава 1 СНОВА ЯЗЫК ОБИТАТЕЛЕЙ МОРЯ
- Глава 2 ИСТОРИЯ НЕПРИГЛЯДКИ
- Глава 3 ШТОРМ
- Глава 4 КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ
- Глава 5 ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!
- Глава 6 ЯБИЗРИ
- Глава 7 СОКОЛИНАЯ ГОРА
- ЧАСТЬ ПЯТАЯ
- Глава 1 СПАСЕНЫ!
- Глава 2 ОСТРОВИТАНЕ
- Глава 3 ОГОНЬ
- Глава 4 А ПОЧЕМУ ОСТРОВ ПЛАВАЕТ?
- Глава 5 ВОЙНА

- Глава 6 ГЕНЕРАЛ ПОЛИНЕЗИЯ
- Глава 7 МИРНЫЙ ДОГОВОР ПОПУГАЕВ
- Глава 8 ВИСЯЧИЙ КАМЕНЬ
- Глава 9 ВЫБОРЫ
- Глава 10 КОРОНАЦИЯ КОРОЛЯ ЖОНА
- ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
- Глава 1 НОВЫЙ ПОПСИПЕТЛЬ
- Глава 2 ТОСКА ПО РОДИНЕ
- Глава 3 КРАСНОКОЖИЙ АПТЕКАРЬ
- Глава 4 МОРСКОЙ ЗМЕЙ
- Глава 5 ХРУСТАЛЬНАЯ УЛИТКА
- Глава 6 ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ «СОВЕТА МИНИСТРОВ»
- Глава 7 НАКОНЕЦ-ТО ДОМОЙ! Fueled by Johannes Gensfleisch zur Laden zum